ПИОНЕР

АПРЕЛЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1960 год 4

В. И. Ленин на Красной площади во время празднования годовщины Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября 1919 года.

Год издания 37-й

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Этот номер журнала посвящен Ленину.

Воспоминания людей, знавших Ленина, расскажут тебе о том, каким он был.

Подлинные документы, сохранившиеся в семье Ульяновых, раскроют перед тобой картины его детства.

На редких снимках, на рисунках художников увидишь ты Ленина на работе и на отдыхе.

Ты прочитаешь, как сбывается в наши дни то, о чем мечтал Ленин.

Узнаешь о ленинских делах советских людей.

Этот номер говорит и о юных ленинцах, о тебе, о твоей жизни.

Каким хотел видеть тебя Ленин? Каким человеком ты растешь?

Прочитаешь журнал — подумай об этом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

Из воспоминаний...

Ленин в жизни

В. А. КАРПИНСКИЙ

В годы эмиграции материальное положение Владимира Ильича было неважное.

Нередко бывало «сугубое безденежье». Тогда Владимир Ильич читал рефераты с доходной целью, а Надежда Константиновна искала уроков или хотя бы переписки, соглашаясь даже надписывать конверты для рассылки объявлений. Рефераты давали, конечно, небольшую сумму, так что приходилось принимать в расчет даже такие детали, как наиболее экономный маршрут по железной дороге...

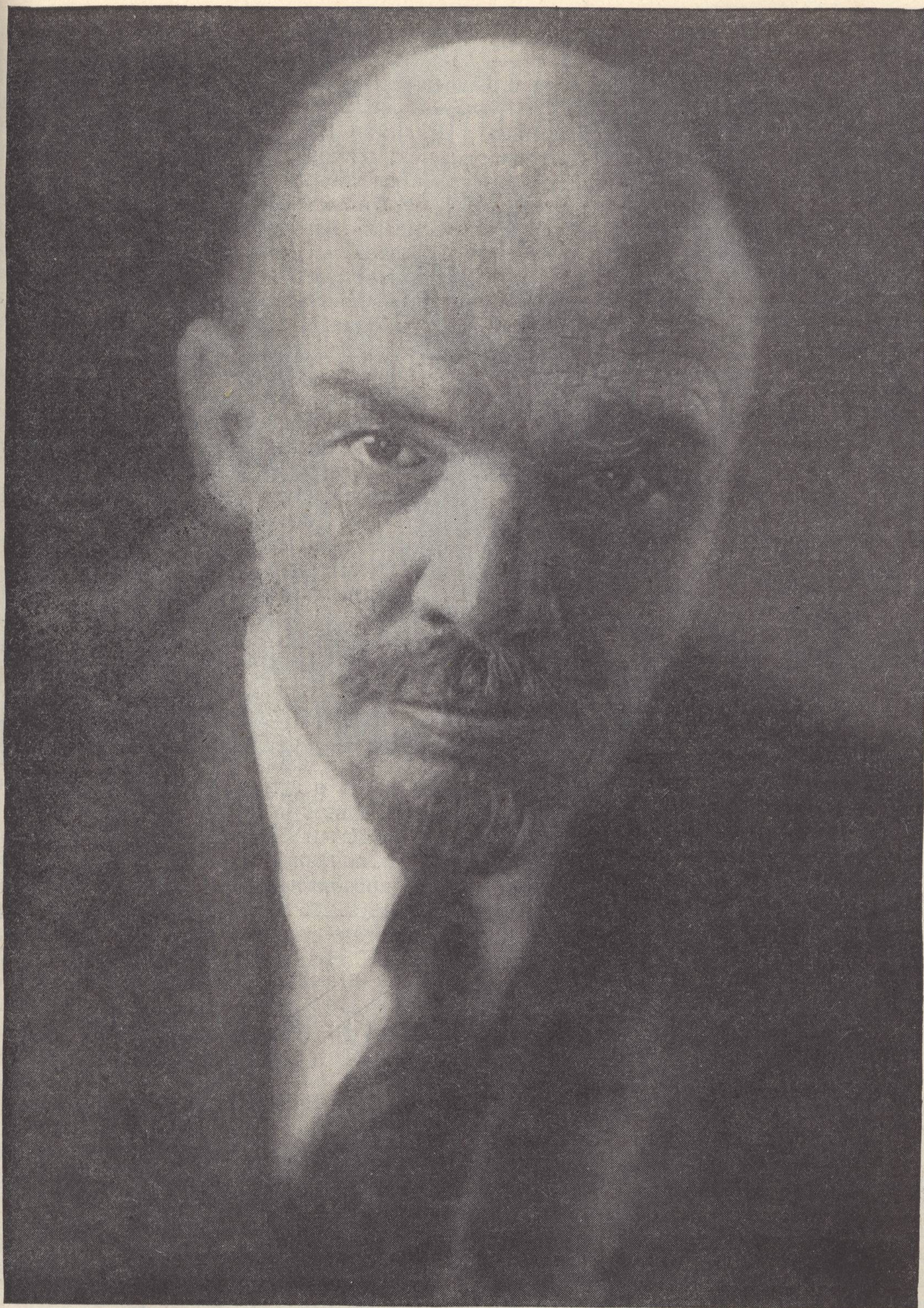
Жил Владимир Ильич в те годы обычно в одной небольшой комнате, питался скромно, но регулярно (заботу о питании несла лично Надежда Константиновна); комната нанималась непременно с правом пользования кухней. На лето Владимир Ильич переезжал, бывало, в горы, разыскивая по объявлению самый дешевый пансион.

Для Владимира Ильича чрезвычайно характерно, что он ни за что не хотел допустить, чтобы партия, которая в то время была крайне стеснена в средствах, тратилась на него, тогда как он мог сам зарабатывать себе на жизнь. Мы убеждали его, что он является тем самым профессиональным революционером, которого партия обязана содержать. Но это не производило на Владимира Ильича ни малейшего впечатления. Раз он может зарабатывать, — значит, должен, и ни копейки с партии!

Владимир Ильич прекрасно знал, что такое трудовая копейка, сам был в высокой степени работящим человеком и умел ценить, уважать труд других.

А раз было такое дело. Владимир Ильич приехал в Женеву читать реферат и, как всегда, остановился у нас. Обычно мы угощали его скромным обедом домашнего изготовления. Но тут почему-то решили «шикнуть» и отправились обедать в дешевенький ресторан. Наобедались, впрочем, на солидную сумму, в 1 франк 50 сантимов (56 копеек) на брата, в два раза дороже обычного эмигрантского обеда. За Владимира Ильича заплатили в общей сумме. Вот тут-то и началась история! Владимир Ильич хотел во что бы то ни стало вернуть уплаченные за его обед деньги. Мы, смеясь, требовали с него уплаты за все съеденные им у нас домашние обеды. Он отшучивался, указывая на разницу между натуральным и денежным хозяйством. В конце концов пустились на взаимные хитрости. Я незаметно сунул Владимиру Ильичу деньги в карман, но он перехитрил: оставил их на столике рядом с кроватью, где они и были обнаружены уже после его отъезда.

Владимир Ильич был одним из самых аккуратных абонентов партийной библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами строгие порядки, обеспечивавшие правильный кругооборот книг и целость редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич не «зачитал» ни одной книги и всегда уплачивал за чтение. Конечно, партийная библиотека, хоть она и существовала только на подписную плату с читателей, безусловно, могла дать право бесплатного пользования библиотекой редактору центрального органа печати партии. Но Владимир Ильич категорически отказался от такого преимущества для себя лично. Это был единственный, совершенно исключительный случай в моей практике библиотекаря, когда мне приходилось убеждать абонента не в том, что он должен платить за чтение, а в том, что он не должен этого делать. Но убедить в этом Владимира Ильича было невозможно. У него есть деньги, — значит, платить он обязан, и больше никаких разговоров! Единственное, на что в кон-

Владимир Ильич Ленин.

це концов Владимир Ильич согласился, или, вернее, с чем он фактически примирился, — с тем, что библиотека не ограничивала его числом взятых книг и сроками чтения.

Надо рассказать еще историю с перепиской рукописей. Раньше, когда не было пишущих машинок, копии с рукописей снимались при помощи пресса. На листы рукописей накладывались чуть влажные листки папиросной бумаги и зажимались под прессом. Получался оттиск рукописи. Это было хлопотно и неудобно ввиду слишком мелкого, расплывавшегося при копировке почерка Владимира Ильича. Помню, как Владимир Ильич сам завертывал винт пресса, помню толстые тетради из папиросной бумаги с оттисками рукописей, которые он отсылал в Россию.

Позднее, с распространением пишущих машинок, он стал отдавать рукописи в переписку на машинке. А при нашей библиотеке была как раз пишущая машинка, на которой я научился работать для нужд библиотеки, а потом стал брать и частную работу. Узнав об этом, Владимир Ильич предложил мне взять в переписку его рукопись. Я, конечно, согласился, но наотрез отказался взять за это плату. И вот тут-то нашла коса на камень!

— Рукопись Ленина, — доказывал я, — это не роман и не статья для буржуазного журнала, а партийная литература, содействовать распространению которой есть прямая обязанность каждого члена партии.

— Эта рукопись Ленина, — доказывал Владимир Ильич, — есть его частная работа, которая будет издана частным издательством и за которую автор получит определенный гонорар. И если автор желает ради своих личных удобств прибегнуть к машинописи, то никто не обязан бесплатно переписывать для него сотни страниц.

В личных отношениях с людьми, в быту Владимир Ильич был самым простым человеком, разговорчивым, шутливым собеседником, способным интересоваться каждым пустяком и ничем не обнаруживающим в себе великого Ленина. Он писал самые обыкновенные письма с непременным «поклоном» от Надежды Константиновны и с просьбой передать «поклон» друзьям, справлялся о здоровье, помнил и спрашивал о заинтересовавших его людях, не забывал даже точно к сроку прислать иллюстрированную открытку с новогодним поздравлением.

Впрочем, некоторые черты характера Владимира Ильича делали его человеком особенным: это его необыкновенная чуткость, отзывчивость, деликатность, простота и скромность в отношениях не только с товарищами, будь то член ЦК или рядовой партиец, но и вообще с людьми, будь то какая-нибудь знаменитость или простая уборщица.

К Владимиру Ильичу каждый член партии мог пойти с любым мучившим его вопросом в полной уверенности, что будет внимательно выслушан и целиком понят. Вот в этом отношении, если хотите, Владимир Ильич был действительно совершенно особенным, исключительным человеком. И когда стараюсь вспомнить о нем все, что могу, всегда я думаю и чувствую живейшим образом, что Владимир Ильич был коммунистом не только по идеям, по борьбе своей, но и в жизни, в быту, был прообразом тех людей, какие будут в коммунистическом обществе.

На субботнике

Ф. М. СОЛОДОВ

Первое мая — день боевой международной пролетарской солидарности — в 1920 году в нашей стране было объявлено днем Всероссийского субботника. В этот день работали всюду.

В то время я был курсантом Первых кремлевских пулеметных курсов. В Кремле, кроме нас, курсантов, работали на субботнике сотрудники ВЦИКа и Совнаркома.

...Нашей группе пришлось работать на Ивановской площади, у памятника Александру II; здесь же работал и Владимир Ильич. Вначале Ленин работал с комиссаром курсов Борисовым, потом напарником у него стал курсант Пермяков. Они носили пяти-шестиметровые бревна. Курсант, зная состояние здоровья и возраст Ленина, старался брать утолщенный конец бревна. Ильич это быстро заметил и стал опережать курсанта. Тогда курсант сказал Владимиру Ильичу:

— Зачем вы это делаете? Ведь я моложе вас, и для меня эта тяжесть больших трудов не составляет.

Ленин, усмехаясь, ответил курсанту:

На коммунистическом субботнике. **Гравюра на линолеуме И. Селиванова.**

— Вот вы и не спорьте со мной, если я старше.

Когда перенесли бревна, стали носить огромнейшие дубовые кряжи. Их переносили на палках по шесть человек. На этот раз мне посчастливилось несколько раз работать в одной группе с Лениным. Почему именно несколько раз, а не все время? Да потому, что каждому хотелось поработать с Ильичем, и почти после каждого перекура курсанты менялись.

Когда мы носили дубовые кряжи, со всех лил пот: кряжи были очень тяжелые, а день был жаркий. Однако Владимир Ильич всегда старался быть впереди и брать то, что тяжелее. Мы не могли равнодушно смотреть на это, но он и слушать не хотел наших уговоров. Тогда один из нашей группы подошел к Ленину и сказал:

— Владимир Ильич, зачем вы это делаете? Идите лучше в Совнарком. Ведь вас там, наверное, ждут, а здесь мы и без вас управимся.

Владимир Ильич сильно обиделся. Он несколько раз прошелся туда и обратно, потом подошел к этому товарищу, взял его за плечи, громко рассмеялся и сказал:

— Зря вы, батенька мой, выпроваживаете меня. Все равно ничего из этого не выйдет: я не уйду. Сейчас эта работа самая важная.

И мы видели, что Ленин не уйдет до тех пор, пока не окончится субботник. Так оно и было.

Работать с Владимиром Ильичем было очень легко и хорошо. Он был очень внимателен и каждого из нас спрашивал:

— А вы, товарищ, не устали?

Ильич много шутил и заразительно смеялся. Наша робость и стеснительность, появившиеся вначале, исчезли. Мы чувствовали себя с ним совершенно свободно.

Как-то во время отдыха все сели на бревно. Сел с нами и Владимир Ильич. Мы закурили. Ильич посмотрел на нас и сказал:

— Ну, что вы в этом куреве находите хорошего? Ведь табак — это яд. Он разрушает ваше здоровье.

А мы, в свою очередь, спросили его:

— А вы, Владимир Ильич, когда-нибудь курили?

Он ответил:

— Да, в юношеские годы как-то закурил, но бросил и больше этим не занимался.

Владимир Ильич ушел с работы до окончания субботника, так как за ним пришли и сказали ему, что пора ехать на закладку памятника Карлу Марксу.

Уходя, Ильич попрощался с нами, пожелал успешно закончить работу.

Так работал Ленин в этот исторический день, подавая личный пример дисциплинированности, трудолюбия, настоящего товарищества.

Ленин у детей

Ф. Л. ХАЛЕВСКАЯ

Это было зимою 1919 года. Здоровье Надежды Константиновны ухудшилось, и врачи советовали ей пожить за городом. Решено было устроить ее в Сокольниках, в лесной школе, которой я тогда заведовала. Однажды вечером меня вызвали к телефону и сообщили, что к нам приедет Владимир Ильич.

Необычайное волнение охватило всех. Начались суетливые приготовления к встрече. Ребята поминутно выбегали в переднюю, я дежурила у стеклянной двери. Наконец мы увидели, как во двор въехала машина и остановилась у подъезда.

Я впервые видела Ленина...

Ленин со всеми приветливо поздоровался за руку. Вдруг неистово залаяла вбежавшая с ребятами собачка Бобка. Владимир Ильич нагнулся к собачке и весело сказал:

— А-а, позвольте познакомиться: как вас зовут?

— Бобка, Бобка! — закричали дети.

— А, товарищ Бобчинский! — И взял Бобку за лапку.

Когда Ленин снял шубу, ребята облепили его со всех сторон.

Тут появилась вторая любимица ребят — кошка Муська. Владимир Ильич с увлечением начал играть с Бобкой и Муськой, ребята хохотали, началась веселая возня. Всем стало так весело и легко, а сам Владимир Ильич был так обаятелен и прост, что смешными и ненужными показались все наши приготовления к торжественной встрече.

Мы обошли все комнаты, я предложила Надежде Константиновне лучшую спальню с балконом, но Владимир Ильич категорически запротестовал. Ленин не хотел лишать ребят хорошей комнаты и выбрал маленькую, скромную спальню.

Когда мы обходили спальни, Владимир Ильич спросил:

— Чем вы, собственно, лечите ребят?

Я показала висевший на стене график режима дня. Огромное место в нем было отведено пребыванию на свежем воздухе. Владимир Ильич одобрил это.

Дети пригласили Владимира Ильича посмотреть мастерскую, где они готовили игрушки к елке; как-то незаметно одна из девочек оказалась у него на плечах. Девочка была маленькой и толстенькой, и Владимир Ильич называл ее «Колобок».

Девочка, мастерившая лису из меха, спросила Владимира Ильича:

— А вы бы могли так сделать?

— Не знаю, мудреная штука! — ответил он.

Уезжая, Владимир Ильич тепло, как старый знакомый, со всеми попрощался и предупредил, что завтра же приедет с Надеждой Константиновной.

На следующий день они приехали. И Владимир Ильич прежде всего вручил мне продовольственные карточки Надежды Константиновны...

...Владимир Ильич при всей загруженности часто навещал Надежду Константиновну, хотя бы совсем ненадолго — на полчасика. Он ежедневно осведомлялся о ее здоровье и просил меня звонить ему.

Владимир Ильич очень любил слушать пение наших ребят. У нас был хороший хор в школе, и когда он приходил к Надежде Константиновне, ребята пели для него. Больше всего любил Владимир Ильич в исполнении нашего хора старинную русскую песню «Уж как во поле калинушка стоит», рассказывающую о плененном соловушке. Куплет о том, как «соловушка в неволе не поет, он воды не пьет и корма не клюет», особенно трогал Владимира Ильича. Ребята это заметили и повторяли его с большой выразительностью.

19 января в школе устраивали елку, приготовили пьеску «Санки-самокатки». Ребята

Продолжение на стр. 11.

С тобой говорят фотографии

Москва, 25 мая 1919 года. Парад войск Всевобуча.

Ленин только что кончил говорить... Только что молодые бойцы слушали полную сокрушительной логики речь, где каждое слово так понятно и близко, что кажется, ты сам мог сказать его, и вместе с тем это слово поднимает тебя на высоту, куда бы ты никогда не добрался сам. Ленин кончил говорить... Он сидит на борту грузовика, с которого произносил речь, и смотрит на войска, на Красную площадь.

Естественна и непринужденна его поза — поза человека, который никогда не думает, что на него смотрят... Лицо Ленина предельно выразительно, серьезно, сосредоточенно, полно решимости. Он весь сейчас с ними — с юношами, марширующими по Красной площади... Он думает о них, гордится ими, теми, кому предстоит защищать будущее молодой Советской Республики.

Это происходило в октябре 1921 года на поле Бутырского хутора под Москвой. Владимир Ильич присутствовал здесь при испытании первого электроплуга.

Был хмурый, прохладный день. Ленин приехал на место испытаний с Надеждой Константиновной и с сестрой — Марией Ильиничной.

Фотограф снял Владимира Ильича, смотрящего на электроплуг. Очевидцы вспоминают, что как только восьмикорпусный плуг, увлекаемый стальным тросом, двинулся вперед, Ленин пошел за ним и как зачарованный смотрел на восемь красивых, ровных борозд... Напрасно члены комиссии просили Владимира Ильича держаться подальше от плуга, который мог сорваться. Ленин не слушал предупреждений... Время от времени на протоптанной дорожке электроплуг, вздрагивая, выскакивал из борозды... Владимир Ильич сердился и спрашивал, почему это плуг «хвостом вертит»...

Конструкция первого электроплуга была несовершенной, и Ленин остался недоволен. Но его радовала сама попытка — первый шаг применения электричества в сельском хозяйстве.

Если бы мог увидеть Владимир Ильич, как работает электричество в наших колхозах теперь!

В воспоминаниях Ф. М. Солодова, которые вы здесь прочли, говорится, что прямо с первомайского субботника 1920 года Владимир Ильич поехал на закладку памятника Карлу Марксу. Вглядитесь в лицо Ленина! Закладка первого камня для него не символическое действие; как всякая работа, она требует тщательности и серьезного внимания.

Ниже мы видим, как Владимир Ильич с группой командиров обходит фронт войск Всевобуча на Красной площади.

Мирно зеленеют березы. На аллее солнечная тишина. Ленин отдыхает. Не часто выпадали такие минуты в трудовой, напряженной жизни Владимира Ильича. Но когда случались они, Ленин всей душой любовался красотой русской природы. Вот он, наш Ильич, друг всех ребят мира. Добрый, ласковый, приветливый. Вот он, самый человечный человек.

пригласили Владимира Ильича. По поручению Ленина привезли много гостинцев: яблок, чернослива, конфет. Все было готово, гости собрались; с нами была Надежда Константиновна. Уже время начинать, а Владимира Ильича все нет. Позвонили в Кремль, оттуда ответили, что Ленин давно выехал. Уже сыграли спектакль, как вдруг вошли Владимир Ильич и Мария Ильинична. Оказывается, в пути задержались.

Ребята повторили свою программу. Владимир Ильич был очень оживлен, шутил, играл с ребятами. Вечер закончился выступлением приглашенных артистов.

В память этого дня в нашей лесной школе ежегодно устраивали елку 19 января.

Ранение

М. И. УЛЬЯНОВА

Пятница, 30 августа 1918 года. Утром получили сообщение об убийстве в Петербурге Урицкого. Настроение было тревожное.

В то время по пятницам на фабриках и заводах устраивались митинги, и Ильич обыкновенно выступал на них. Собирался он ехать в районы и в этот день. Я попросила товарищей помочь нам отговорить Ильича от выступлений в этот день. Ильич отшучивался и не давал определенного ответа: там, мол, посмотрю, как выйдет. Меня по случаю простуды засадили дома, и в редакцию я вечером не поехала. Около пяти часов Ильич пришел из своего кабинета уже в пальто и сказал мне, что все же поедет на митинг, и категорически отказался взять меня с собой. Проходит час, другой. С нетерпением караулю у окна возвращение знакомой машины. Вот наконец она, несется как-то особенно быстро. Но что это? Шофер соскакивает и открывает дверцы. Этого никогда раньше не бывало. Ильича выводят из автомобиля какие-то незнакомые люди. Он без пальто и без пиджака, идет, опираясь на товарищей. Бегу вниз по лестнице и встречаю их уже поднимающимися наверх. Ильич очень бледен, но идет сам, поддерживаемый с двух сторон. Сзади них — шофер Гиль. На мой вопрос Ильич успокаивающе отвечает, что ранен только в руку, легко; бегу отворять двери, приготовлять постель, куда через несколько минут Ильича и укладывают. Товарищи, привезшие Ильича, помогают. Это Гончарова, работавшая в агитотделе МК, Полуторный и рабочий Иванов.

Товарищ рабочий не теряется.

— Скорее доктора, йоду, бинтов, — говорит он.

Кому звонить? Я соображаю, что в восемь часов должно быть заседание Совнаркома, на котором Ильич должен был председательствовать. Теперь уже около восьми. Товарищи, вероятно, собрались. Бегу в Совнарком и прошу скорее вызвать врачей: Ильич ранен. Т. Винокуров, бывший там, бежит со мной: он ведь врач и может оказать первую помощь. Накладывает повязку. А в квартиру приходят все новые товарищи — расспросить, узнать, что надо сделать. Звонит телефон — не сразу соображаем попросить кремлевских телефонисток не соединять. Несколько человек едут за врачами. Тут и шофер Гиль. Он наспех рассказывает, как было дело, а потом бежит звонить в аптеку, а также встретить и подготовить Надежду Константиновну, которая вот-вот должна вернуться. Но она и без подготовки догадывается, в чем дело, и спрашивает только: «Жив?»

Мало-помалу порядок несколько восстанавливается. Приезжают и другие врачи, и из них одна из первых — т. Величкина-Бруевич, которая вместе с другими дежурила около Ильича все первое трудное время. Вот Вейсброд, Обух, Минц, позднее — Розанов, Мамонов. Они серьезны, бледны. На наши вопросы дают неопределенные ответы: случай серьезный, ничего пока нельзя сказать, но организм сильный. Тяжелая ночь. Ильич лежит и слабо стонет. Он бледен, ни кровинки в лице. Но когда в комнате появляюсь я или Надежда Константиновна, он старается бодриться; ему неприятно, что мы беспокоимся.

И мы стараемся не показываться ему. А ближайшие товарищи из ЦК расположились на ночь на креслах в кабинете Ильича, готовые по первому зову вскочить и прийти на помощь. Появляются санитары, приготовляют все нужное для вливания физиологического раствора. Вейсброд остается на ночь. Он укладывается на кушетке в проходной комнате. Но его поднимают чуть ли не ежеминутно. Кажется, что если он не спит, а сидит или ходит тут около нас, — дело пойдет лучше. А наутро Ильич уже свежее, чуть-чуть улыбается, протягивает руку.

Улучшение продолжается медленно, постепенно. Первая опасность миновала. Но может быть еще заражение. Надо подождать четвертого, пятого дня. А потом, как трудно удержать Ильича в постели! Как он внушает в отсутствие врачей, что не надо уж очень-то их слушать, что надо подобрать газеты за время его болезни. Все — чтобы ни одного номера не пропало! Дать их ему или прочесть вслух.

Первое время врачи, сестра и санитар дежурят круглые сутки. Но дело все больше идет на улучшение. Ильичу позволяют садиться. Скоро он решает, что уже достаточно силен, и начинает понемногу ходить. И лишь тотчас приехавшие врачи, припугнувшие его, что с сердцем может быть плохо, несколько сдерживают его путешествия. Сдерживает несколько и сломанная рука. Наконец и ходить можно. Можно ехать и в Горки на окончательную поправку. Ильич протестует, но Вейсброду удается все же настоять, что он поедет проводить его туда. Машина трогается. Но вот на дворе ее останавливает издали т. Свердлов.

— Последнее напутственное слово, — говорю я.

Все смеются. Еще несколько минут — и мы за городом на лоне природы. А через час и в Горках, где поправка идет быстро.

...В марте 1923 года за несколько часов до потери Ильичем речи мы сидели у его постели и перебирали минувшее: «в 1917 году я отдохнул в шалаше у Сестрорецка, благодаря белогвардейским прапорщикам; в 1918 году — по милости выстрела Каплан. А вот потом — случая такого не было»...

Ильич и глуховцы

П. А. ХОЛОДОВА

Последний раз я видела Ильича 2 ноября 1923 года. Во время его болезни я была послана вместе с пятью товарищами (3 товарища партийных и 2 беспартийных) делегатским собранием Глуховской фабрики отвезти Ильичу наш скромный подарок — восемнадцать вишневых деревьев в оранжерею при домике в Горках.

Мы плохо знали место и дорогу и все-таки добрались туда часов в пять вечера. В Горках не знали о нашем приходе, и мы свалились для всех окружающих Ильича, как снег на голову. Первое время, как видно, вышло некоторое замешательство. Мария Ильинична и другие не знали, как отразится на здоровье Ильича наше посещение. Но, посоветовавшись с Надеждой Константиновной, нас решили допустить к Владимиру Ильичу, предупредив, чтобы мы были с ним недолго.

Нас ввели в приемную. Через две минуты за дверью мы услышали голос Марии Ильиничны: «Володя, к тебе гости». Дверь открылась, и к нам вышел улыбающийся Ильич. Позади следовал санитар. Ильич был, как всегда, в своей постоянной кепке, в которой я его видела не раз. Подойдя к нам, Ильич снял левой рукой свою кепку, переложил ее в правую и поздоровался с нами левой рукой.

Мы растерялись от радости и разревелись, как дети. Мы передали Ильичу адрес рабочих и заводоуправления и сказали несколько приветственных слов от наших местных организаций.

Побыв с Ильичем пять минут, мы, прощаясь, все расцеловались с ним. Последним прощался тов. Кузнецов, шестидесятилетний рабочий. Две минуты они стояли, обняв друг друга. А старик Кузнецов сквозь слезы все твердил: «Я рабочий, кузнец, Владимир Ильич, я кузнец, мы скуем все намеченное тобою». Мы почти насильно оторвали его от Ильича. Целую ночь мы провели под крышей, где жил Ильич. За ужином Мария Ильинична подробно расспрашивала нас о фабрике, о работе на ней, о жизни и быте рабочих и просила чаще писать в «Правду».

Назавтра мы уже уехали. Никогда не забуду этих счастливых минут. Спасибо товарищам, давшим мне возможность в последний раз видеть горячо любимого вождя и учителя!

С тобой говорят фотографии

Конечно, вы уже рассматривали снимок на второй странице обложки. Взгляните на него еще раз. Он переносит нас в ноябрьский день 1919 года. Красная площадь. Ленин приветствует праздничную демонстрацию.

А кто эти мальчики, снятые вместе с Лениным? Наверно, многие из вас уже думали об этом, глядя на снимок, сделанный в тот далекий день.

Справа — Шура Калинин, сын Михаила Ивановича Калинина. Слева — Володя Стеклов, сын Ю. М. Стеклова, первого редактора газеты «Известия». Эти ребята часто видели Ленина и на всю жизнь запомнили свои встречи с ним.

Однажды Ленин повстречал мальчиков на прогулке. Они вместе с другими ребятами катались на салазках и на лыжах в Тайнинском саду.

— Нуте-с, молодые люди, а на коньках вы катаетесь?

— Да негде, Владимир Ильич!

Действительно, двор Кремля в то время был загроможден бревнами, камнями, старыми повозками, и все это было завалено сугробами снега.

— Это дело поправимое,— улыбается Ленин и, наклонившись к ребятам с видом заговорщика, шепчет: — Надо всем собраться, расчистить дорожку, залить ее водой, и будете соревноваться...

И вот в один из субботних дней января 1920 года дети работников Кремля вышли на центральную кремлевскую площадь. Ребятам помогали красноармейцы, несшие охрану Кремля. Ленин попросил их об этом. К вечеру дорожка была расчищена и залита.

На этой ледяной дорожке вскоре были устроены соревнования. Ребята заранее чистили свои «снегурки», стругали палочки, чтобы закручивать потуже веревочные крепления. Смотреть на соревнования пришел и Владимир Ильич. Он ведь сам очень любил коньки.

Однажды Владимир Ильич шел с Володей Стекловым. Повстречав Глеба Максимилиановича Кржижановского, который руководил разработкой великого плана электрификации, Ленин, конечно, стал спрашивать, как идут дела.

— Я очень много жду от вашего плана,— сказал Ленин.— Я абсолютно уверен, что электрификация на почве советского строя создаст окончательную победу основ коммунизма в нашей стране. Мы с вами, возможно, и не доживем до коммунистического общества, но вот он,— Ленин обнял Володю,— он обязательно будет жить в этом светлом обществе.

Эти слова запали в душу мальчика. Он теперь инженер-строитель электростанций. Стал инженером и Александр Михайлович Калинин.

А на этом снимке вы видите Владимира Ильича с другими детьми: с Верой, дочерью дворника (она сидит на коленях у жены Владимира Ильича Надежды Константиновны Крупской), и с племянником Ленина — Виктором.

Не правда ли, ты вырастешь коммунистом?

Кем ты решил стать, друг?

Летчиком? Сталеваром? Врачом?

Тысячи профессий есть на земле — простых и сложных. Но было бы не совсем правдой сказать, что все они доступны для тебя. Нельзя загадать, как сложится твоя жизнь, хватит ли у тебя способностей, упорства, характера пойти по намеченному пути. К тому же ты еще очень мало знаешь о жизни, и может случиться, что если сегодня ты хочешь стать летчиком, то завтра решишь пойти в штурманы дальнего плавания, а через год поймешь: нет профессии лучше, чем у строителя.

Это не страшно, что ты не знаешь, кем будешь. Все придет со временем. Профессию ты выберешь себе, когда тебе будет семнадцать или двадцать лет. Но характер, взгляды, отношение к жизни надо вырабатывать уже сейчас. Может случиться, что потом будет поздно...

Вот об этом давай сегодня поговорим. Сегодня время для такого разговора: мы отмечаем ленинские дни. А когда люди думают о Ленине, они задумываются и о своей жизни, о своей судьбе.

Однажды, разговаривая с мальчишкой,— может, вот таким же, как ты,— Владимир Ильич сказал задумчиво:

— Не правда ли, ты вырастешь хорошим коммунистом?

Ну-ка, представь себе невозможное. Представь себе, что ты живешь не сейчас, а сорок лет назад. Живешь в подмосковной деревушке, ну, скажем, где-нибудь неподалеку от Горок. И вот однажды летним днем, когда ты возвращался из лесу босой, в рубашке навыпуск, в большом картузе, ты встретил Ленина. Вы долго разговаривали с ним о разных делах, и, прощаясь, он положил тебе руку на плечо и сказал, прищурив глаз:

— Не правда ли, ты вырастешь хорошим коммунистом?

Вот тебе задача, друг!

Ленин хотел, чтобы ты вырос не просто знающим, не просто сильным, умелым, твердым человеком, а чтоб ты вырос коммунистом.

Удивительные люди — коммунисты!

О них можно было бы рассказывать и рассказывать...

Ты смотрел фильм «Коммунист»? Помнишь самые первые его кадры: как усталый, измученный человек в грязной солдатской шинели не может найти себе ночлег в чужой деревне, как, собрав последние силы, не вошел, а ввалился он в избу, в тепло и сел, обессиленный, потирая ноющую раненую ногу... И как тотчас же раздался стук в окно: «Коммунисты, на собрание!» И он обулся, встал, шатаясь, и опять пошел в дождь, в слякоть...

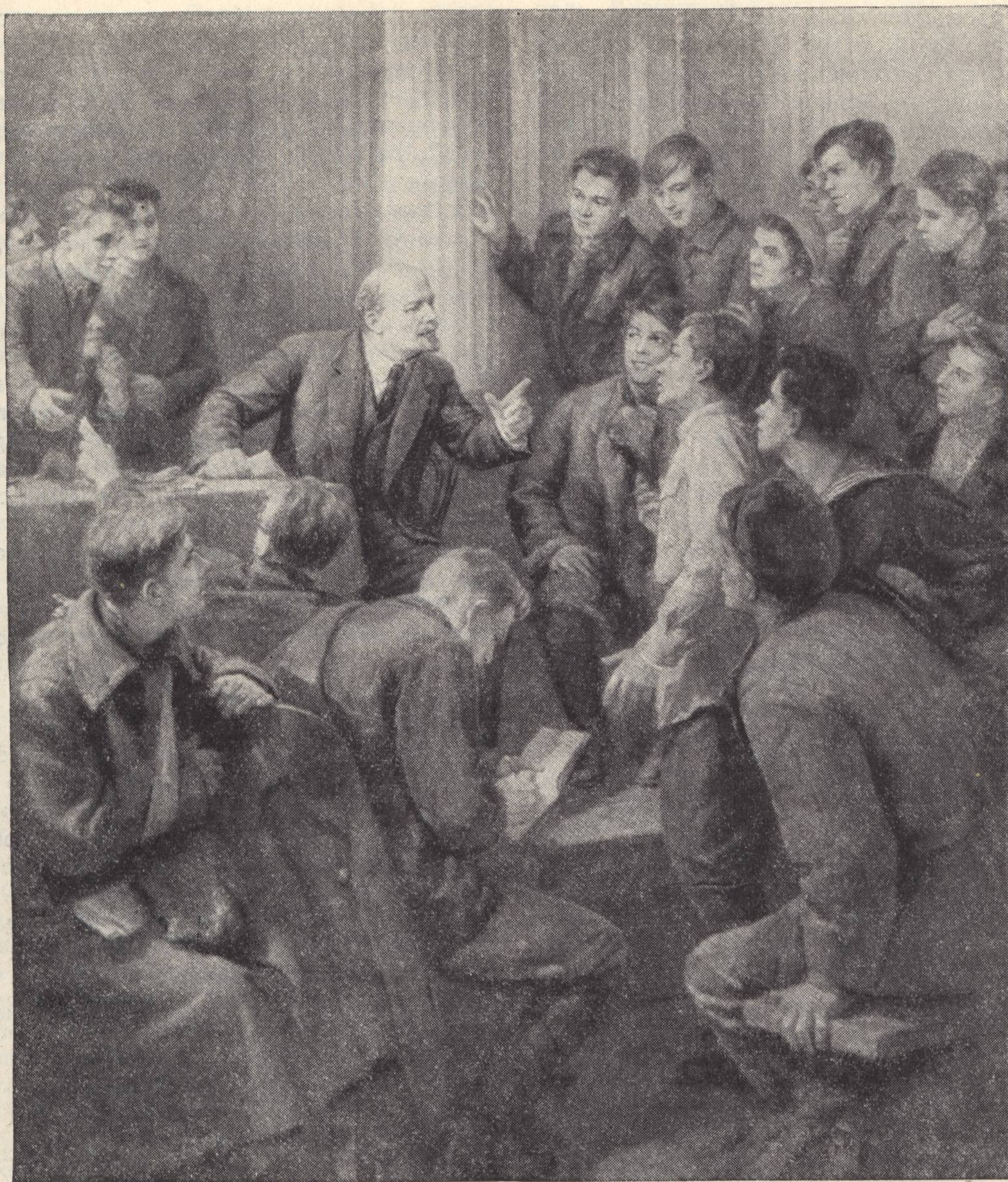
А помнишь, как остановился, не дойдя до города, эшелон с хлебом, и Василий один всю ночь напролет с ожесточением рубит, и рубит, и рубит дрова для паровозной топки... Пот катится с него, рубаха на нем разодрана в лоскутья, а он все рубит, рубит дрова, потому что перед глазами его стоит очередь голодных женщин, ожидающих хлеба. Ты помнишь этот стук одинокого топора в ночном лесу?

Вот такие люди коммунисты!

Во всем мире думают о них. Одни восхищаются ими, другие удивляются им, третьи ненавидят их глубокой, страшной ненавистью. Равнодушных нет.

Еще бы: в них какая-то скрытая сила, которую не все понимают.

В октябре семнадцатого года в нашей стране было сто двадцать миллионов народу, а коммунистов — всего двести пятьдесят тысяч. Горсточка! Но почти все сто двадцать миллионов пошли за этой горсточкой, и наша страна стала свободной. А сейчас за коммунистами идут сотни миллионов людей в разных странах.

Это картина художника П. Белоусова «В. И. Ленин среди делегатов третьего съезда комсомола». Тогда и произошел разговор, о котором вспоминает делегат съезда А. Безыменский.
— Владимир Ильич!.. Неужели я... я.. увижу коммунистическое общество? — спросил взволнованно паренек из Воронежа.
— Да, да! — ответил Ленин.— Вы! Именно вы, дорогой товарищ!

Вот какая сила у коммунистов!

Коммунисты очень простые люди. Может быть, твой отец коммунист, или мама, или вот тот сосед по квартире, что каждое утро выходит к умывальнику с полотенцем через плечо. Кажется, в них нет ничего особенного, необыкновенного. Но ты попроси их рассказать о своей жизни, и почти от каждого услышишь захватывающую историю.

А хочешь узнать их тайну, разведать секрет их силы?

Тогда заведи с ними разговор о будущем нашей страны — коммунизме.

Они расскажут тебе о красивых, честных, сильных людях, которые с нетерпением берутся за работу, которые только тот день считают прожитым не напрасно, когда они много и с пользой трудились.

Они расскажут тебе о фантастических событиях в нашей стране: о новых, солнечных городах, об отступившей полярной стуже, о спрятавшихся в зелени заводах-автоматах.

Они расскажут тебе о стране изобилия, счастья, о людях, которые перестали думать о хлебе и вещах: у них всего вдоволь.

Понимаешь, что делает коммунистов сильными людьми? Всей душой верят они в это светлое коммунистическое общество, они знают, что оно обязательно придет, знают, как его построить. Сами сплоченные, они собирают вокруг себя весь народ и ведут его к коммунизму.

Если тебя спросить, за коммунизм ты или против, ты, наверно, только пожмешь плечами. Что за странный вопрос? Как можно быть против счастья людей?!

Это хорошо, что ты так думаешь. Могло быть и по-другому, только, конечно, не у нас.

Давай опять представим себе на минутку невозможное. На этот раз очень неприятное, даже страшное. Представь себе, что ты живешь не сейчас, а двадцать пять лет назад, и живешь где-то в Германии. Кругом фашистские плакаты, свастика, штурмовики в коричневых рубашках, офицеры с нашивками «SS» на петлицах... Но жизнь продолжается,— всех людей в концлагерь не упрячешь, всех не убьешь.

И вот ты, как и все мальчишки, идешь в школу, к фашистским учителям. Чему тебя там учат? Тебя учат, что немцы — высшая раса, а все другие должны подчиняться им. Тебя учат, что самое священное дело — захватническая война. Тебя учат ненавидеть коммунистов, обожать кровавого «фюрера»... При входе учителя в класс ты должен вскакивать и кричать исступленно: «Хайль Гитлер!»

Стоп! Довольно! Не будем и вспоминать то время!

Но ведь у нас с тобой сейчас серьезный разговор, так что давай говорить, как взрослые. Понимаешь, если человеку в школе каждый день долбят и долбят одно и то же, то он постепенно начинает верить в эти бредни. Тебе это кажется неправдоподобным? Но твои сверстники, скажем, в Западной Германии, или в Южно-Африканском Союзе, или в Южных Штатах Америки и сейчас на каждом уроке получают солидную порцию лжи, ядовитых идей, которые очень попахивают фашизмом. Их тоже учат, что люди одной национальности хуже, чем другой, и потому достойны только презрения, что коммунистов и всех, кто стоит за рабочих, надо ненавидеть... Трудно себе представить, что вырастет из этих ребят!

Тебе повезло. Ты родился в Советской стране. Тебя в школе учат самому чистому, самому верному, тебя никто не смеет обманывать.

Когда учителя рассказывают тебе о жизни народов, об их борьбе за свободу, тебе говорят только правду. Тебе не морочат голову выдумками о боге. Ты с детства знаешь, что не бог, а люди, объединившись, добывают себе счастье. И вот ты был еще совсем маленьким — десяти лет! — а уже принял важное решение: ты вступил в пионеры, в детскую коммунистическую организацию. Это был самый первый твой шаг на пути к тому, чтобы стать коммунистом.

Что же тебе делать дальше?

Может, теперь твоя жизнь покатится так же гладко, как трамвайный вагон по рельсам? Вступил в пионеры, потом в комсомол, потом в партию... Вот и стал коммунистом.

Нет, не такое это простое дело. Быть коммунистом нелегко. Это, пожалуй, самая трудная должность из всех, какие есть на земле. Далеко не каждый из тех, кто стоит за коммунизм, может быть коммунистом. Коммунисты — передовой отряд нашего народа. Они как разведчики. А в разведку возьмут не каждого.

Только самые стойкие, самые преданные делу Ленина, самые боевые, смелые люди могут стать коммунистами.

Ты заметил, что почти все герои нашего народа — коммунисты?

Кого ты любишь больше всего?

Николая Островского? Он был коммунистом.

Гулю Королеву? Она тоже была коммунисткой.

Юной коммунисткой — членом коммунистического союза молодежи — была Зоя Космодемьянская.

Коммунист и Алексей Маресьев — тот самый, о ком написана «Повесть о настоящем человеке».

И Валентина Гаганова, чье имя известно сейчас всей стране,— тоже коммунистка.

Да ты и сам, конечно, встречал замечательных людей — коммунистов.

В Калининской области, в Зубцовском районе, работает председателем колхоза Владимир Всеволодович Навроцкий.

Вот послушай, что это за человек. Пять лет назад наши колхозы были гораздо бед-

нее, чем сейчас. Партия сказала: «Надо укрепить колхозы, надо послать председателями 30 тысяч коммунистов. Кто пойдет?»

Навроцкий в это время был учителем. Он преподавал в библиотечном техникуме. Казалось бы, что ему до колхозов? Разве без него не обошлись бы? Да он и в сельском хозяйстве-то ничего не понимает! Вырос в городе и почти мальчишкой пошел воевать. Всю войну на передовой. Но он коммунист. Он пошел в райком партии и подал заявление: прошу направить меня в колхоз...

Ох, нелегко далось ему это решение! Две ночи провел он без сна. Думал. Он мог бы совсем по-другому устроить свою жизнь. Он городской человек, ему и его семье непривычно жить в деревне,— он мог поехать в родной Киев и устроиться там.

Он очень хотел учиться и уже почти окончил — заочно — второй институт. Он мог бы спокойно окончить его и работать по новой специальности, о которой мечтал всю жизнь.

Но он оставил все свои планы и пошел в колхоз, потому что его звала партия. Он пошел на сельскохозяйственные курсы, ночами сидел над книгами по агрономии и животноводству.

Когда Владимир Всеволодович Навроцкий пришел в колхоз, на трудодень давали меньше рубля. Через три года колхоз стал самым богатым в районе. Работать председателем трудно. Навроцкий устал. Но в райкоме партии сказали: «У нас есть еще отстающие хозяйства. Вот вам новый колхоз, принимайтесь за дело сначала...» И снова Навроцкий пошел в самый плохой колхоз, где труднее всего работать.

Давай с тобой разберемся: а почему именно он пошел и в первый колхоз и во второй?

Видишь ли, если речь идет об очень трудном деле, то коммунисты не спрашивают: «Почему я, а не другой?» Коммунисты не ищут, где полегче, не отсиживаются в кустах.

Наоборот, они сами добиваются, чтобы их послали туда, где опасно, туда, где нужна их помощь.

Алексей Маресьев с трудом упросил врачей, чтобы ему, безногому, дали истребитель. Валентина Гаганова сама решила, что она должна пойти в отстающую бригаду.

Постарайся понять их: они просто не могли поступить иначе.

Коммунист не может жить спокойно, если он в стороне от большого дела.

Он там, где нужно партии, даже если это идет вразрез с его личными интересами. Самоотверженные, боевые, горячие, преданные делу коммунизма до конца, на всю жизнь — вот какие люди состоят в нашей партии. Только таких в нее и принимают. Слова, которые ты сейчас часто повторяешь: «Всегда готов!»,—для них заключают в себе смысл жизни. Да, коммунисты всегда готовы к трудностям, к борьбе, к победе.

Не случайно говорят о коммунистах: «Это героическая партия». Партия героев — кто ее победит? Если такая партия ведет нашу страну,— значит, мечта наша сбудется, коммунизм обязательно будет построен.

Счастья на земле много, люди счастливы по-разному. Но только тогда счастлив человек до конца, самым большим счастьем, когда он чувствует себя нужным народу.

Вот почему все вокруг желают тебе, чтобы ты вырос коммунистом, ленинцем.

Сколько тебе лет сейчас? Двенадцать? Четырнадцать?

Маловато. Польза от тебя еще небольшая. Жалко, конечно, что время уходит, что многое люди успеют сделать без тебя. Но ты не бойся, ты не придешь на готовое. И на твою долю достанется работы, достанется борьбы и счастья.

Да и эти годы, когда тебе двенадцать, четырнадцать, ты не теряй времени даром. Готовься. Упорно вырабатывай в себе качества коммуниста, пусть в небольших, но нужных для страны делах. И если тебе будет трудно, если ты не будешь знать, как поступить, ты подумай: «А что сделал бы на моем месте коммунист?» — и поступай так же.

У тебя замечательный девиз: «Всегда готов!» Всегда готов к борьбе за дело Коммунистической партии.

Помни его хорошенько.

И тогда ты обязательно вырастешь хорошим коммунистом!

Вожатый **Сима Соловьев**

В СЕМЬЕ

Ю. МАХИНА,
Г. ХАИТ

Володя Ульянов — гимназист.

Рис. О. Коровина.

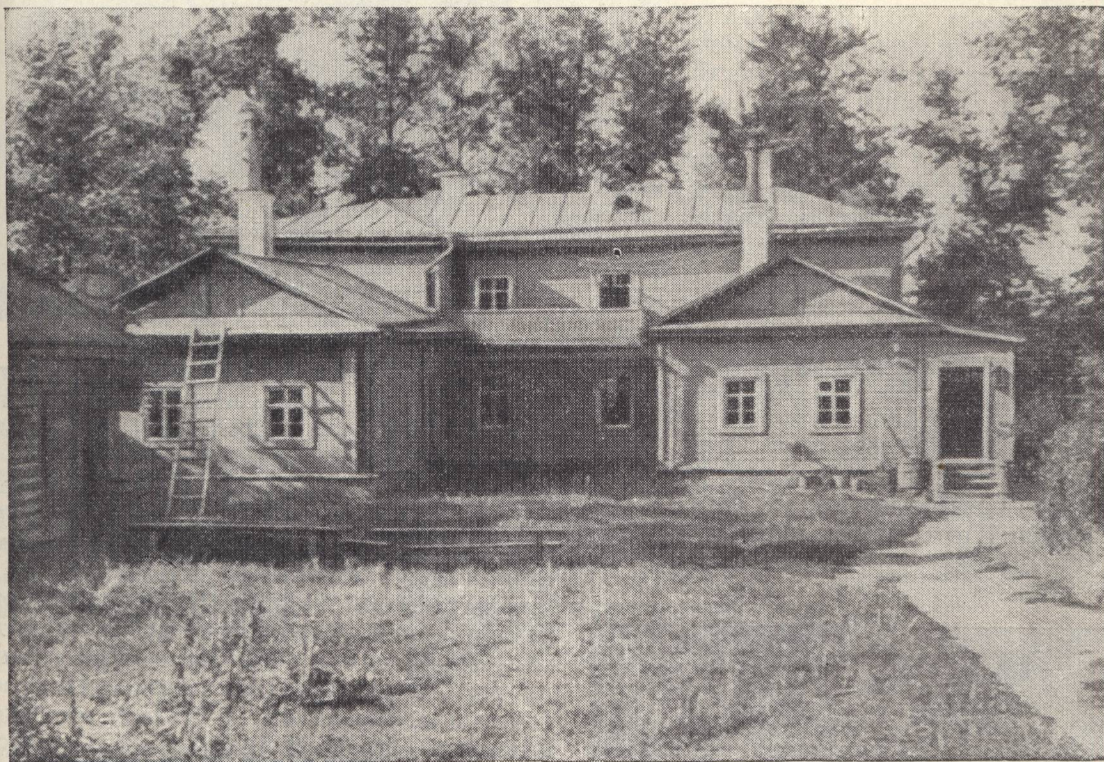
Людям важна и дорога каждая подробность жизни Владимира Ильича Ленина. Мы хотим знать и о годах революционной борьбы, и о детстве, и о юности и о том, какой была семья, формировавшая характер, чувства, мысли будущего вождя величайшей из революций.

Все документы, связанные с Лениным, тщательно собираются. Об этом позаботилась партия. В Москве, на Советской площади, в Институте марксизма-ленинизма, бережно хранятся эти драгоценные свидетели замечательной ленинской жизни. Хранится там и то, что относится к детству Ленина.

Воспоминания сестер, младшего брата, сверстников, друзей детства и юности. Школьные дневники, сочинения, рисунки, письма, табели...

Как они дошли до нас! Как уцелели! Чья добрая рука сберегла их! Прежде всего мы должны быть благодарны матери Владимира Ильича, Марии Александровне Ульяновой. Это она многие десятилетия хранила школьные тетрадки, письма, рисунки, дневники детей. Хранила, несмотря на все жизненные невзгоды и трудности, на частые переезды, связанные с арестами и высылками, которым подвергались ее дети.

Сегодня на страницах журнала мы и познакомим вас с частью документов, относящихся к детству и юности Ленина. Некоторые из них публикуются впервые.

В этом доме семья Ульяновых жила с 1875 по 1887 год.

Этот дом словно не подвластен времени. Все в нем сохраняет тот же вид, какой был в те далекие годы, когда здесь жил мальчик Володя Ульянов.

Как выглядит дом с улицы, вы, наверное, хорошо знаете хотя бы по фотографиям. Посмотрите теперь на него со стороны двора. Посмотрите и на этот двор, поросший травой. Тут играли дети Ульяновых, по этой лестнице они любили лазить на чердак, по этим дорожкам бегали наперегонки, отдыхая, сидели на этих скамейках.

Об играх, о шалостях шумной и веселой ватаги братьев и сестер, связанных между собой крепкой и хорошей дружбой, мы узнаем из воспоминаний.

«В нашей семье дети росли «по парам», соответственно возрасту,— вспоминает Анна Ильинична, старшая сестра Ленина.— Володя и Оля сначала были младшей парой, а потом, как Володя заявил с гордостью, средней парой: младшей стали Митя с Маней. Эта средняя была самой бойкой и шаловливой парой. Володя любил шумные игры, беготню, любил командовать. Володя был коноводом всех игр, а Оля—прекрасный товарищ, живая и очень способная девчурка, немного с мальчишескими наклонностями — не отставала от него».

А вот что рассказывает о «средней паре» самая младшая в семье — Мария Ильинична:

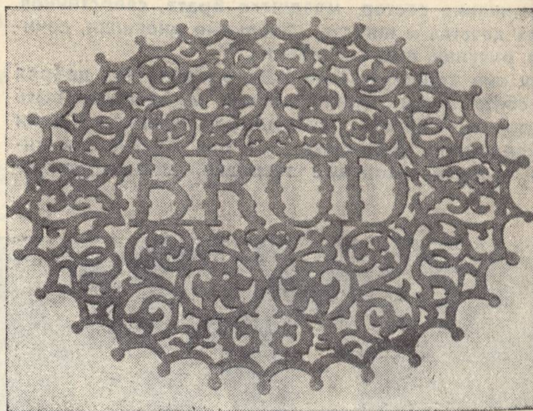
«Они были неистощимы на выдумки различных игр, гоняли по саду и двору, лазали по деревьям, забирались в сарай и на чердак. Однажды, когда все собрались к

обеду, отец спросил, а где же Володя и Оля? Мать кивнула наверх и ответила: «Там, на чердаке, играют в индейцев». В саду «индейцы» устраивали шалаши, а младшего брата, Митю, отправляли в кухню за черным хлебом — «мы, мол, голодны».

Много и других милых и живых подробностей раскрывают нам воспоминания сестер. Мы узнаем, что Володя был большой «дразнилка и насмешник», подмечал слабую струнку каждого. И что вместе с этим он был очень любящим и заботливым братом. С большой, какой-то особой нежностью он относился к младшей сестренке, называл ее «пичужкой» и, забавляя, любил высоко поднимать вверх, подхватив сзади за локти.

Из сосновой коры, из дерева Володя искусно вырезал лодочки, а потом дарил их младшему брату, Мите. В старом каретнике Володя устроил себе трапецию, ловко упражнялся на ней сам и учил этому брата.

Любили дети Ульяновых и тихие игры. Кто больше вспомнит городов на одну букву? Кто больше придумает слов от одного корня? Кто составит шараду потруднее? Кто без запинки скажет: «На дворе трава, на траве дрова»?

Дощечка для хлеба, которую выпилил Саша.

Многие из вас, ребята, тоже любят эти игры, но не все знают, что когда-то, много десятилетий назад, в них играл веселый мальчик Володя Ульянов.

Анна Ильинична вспоминает о раннем детстве Володи и Оли, когда они были примерно такими, как на этом портрете, где они сняты вдвоем:

«Иногда, при редких отлучках матери, нам, старшим, поручалось присматривать за младшими, и тут мы бывали обычно не на высоте задачи. Так, помню, что расшалившаяся мелюзга (они были малыши: Володя и Оля — до 5 лет) пустила в ход высшее, доступное ей хулиганство: бросаться из прихожей в залу калошами. Нас двоих, более смирного нрава, эта шалость сильно поразила, и вот, когда мы снова остались одни и малыши начали буянить, мы остановились глубокомысленно, как бы для военного совета, и стали шептаться: как быть?

— Они еще, пожалуй, опять калошами кидаться станут? — опасливо предположил кто-то из нас.

Ухо младших уловило это опасение, и — бац! — калоши полетели в чистенькую зальцу, в диван, только что обитый красным, с разводами ситцем...

Мать по возвращении, очевидно, тотчас проникла в суть происшествия, ибо прервала наши тревожные возгласы спокойно и твердо: «Это пустяки! Этого делать не надо!» И совсем не распекая «преступников», а посмотрев более укоризненно на старших, повела всех за собой и заняла чем-то».

Володя и Оля в раннем детстве.

На этом снимке вся семья Ульяновых. Сидят: Мария Александровна с Маняшей на руках, Митя, Илья Николаевич, Володя; стоят: Оля, Саша и Аня.

т снимок сделан позднее. Здесь вы е всю семью Ульяновых. Дети были лько дружны между собой, с родите- их тоже связывали отношения дру- ие, полные большого взаимного ува- я и доверия.

любили они приходить в кабинет от- колько было там интересного, нового! Николаевич был инспектором на- х училищ Симбирской губернии. Он много ездил по деревням, по уездным городишкам. В его кабинете до очередного рейса по школам часто бывали сложены всевозможные наглядные пособия. Здесь в картонках и папках хранились таблицы с изображениями диковинных заморских животных и растений, географические карты с нанесенными на них маршрутами плаваний великих путешественников, картинки, показывающие пред-

Оля Ульянова, когда ей было двенадцать лет.

ставителей разных народов России в национальных костюмах, гербарии, коллекции минералов и насекомых, купленные Ильей Николаевичем для народных училищ.

В доме Ульяновых любили порядок. Для каждой вещи было свое место. Дети настолько привыкли к этому, что никому из них и в голову не пришло бы бросить вещь где попало. Придя из гимназии, каждый не забывал повесить на место свое пальто или шинель, шапочку или фуражку, переодеться, помыть руки, аккуратно выложить из ранца книги на свой стол.

Они любили мастерить. Многие вещи в доме были сделаны руками самих ребят.

Саша смастерил дощечку для хлеба и среди кружевного узора вырезал на ней по-немецки «хлеб». Правда, в немецком слове он не дописал последнюю букву, зато видно, с каким старанием выпилена эта дощечка.

Аня умела клеить красивые абажуры. Маняша училась вязать. Оля искусно вышивала гладью и крестом. До сих пор в го-

стиной сохранилась вышитая ею больш красивая подушка.

Оля отличалась особенным трудолю ем, поражая этим даже свою семью. « чьей трудоспособности можно позави вать»,— сказал однажды в разговоре с терью Володя, восхищаясь тем, как сис матически и упорно занималась сестрен музыкой.

Оля любила не только музыку, она п красно рисовала. На следующей страни вы видите один из ее рисунков. А зде внизу, Олино сочинение о том, как она училась читать.

Сохранилось и другое ее домашнее чинение на свободную тему — «Поезд на вакат» (на каникулы).

Ульяновы любили Волгу, и это ч ствуется в сочинении Оли.

«...Я почти все время стояла на палу и любовалась волжскими берегами, ко рые особенно хороши около Богородс мне так понравилась Волга, медленно тившая свои светлые воды, ее красивые рега, быстрое движение парохода, жаль было расставаться с этим, когда пр ехали в Казань...»

На другой странице — Олин дневник.

Школьный дневник! Даже через мно десятки лет может он беспристрастно р сказать, каким был его хозяин: аккур ным или неряшливым, прилежным или нивым, собранным, дисциплинированн или разболтанным. Скажет дневник и том, как его хозяин учился. Вот перед ми кусочек из дневника Оли Ульяново Образ девочки—подобранной, трудолюб вой и одаренной — встает из-за этой акк ратно написанной странички, и отмет

Какъ я училась грамотѣ
Мнѣ было 4 года, когда моего
старшаго брата начали учи
грамотѣ. Я была очень дружн
съ братомъ и не хотѣла отъ
него отставать, мои родит-
ли не учили меня, думая, что
я еще мала и мнѣ будетъ тру
но, но у меня была большая
охота учиться, и я выучила

Отрывок из сочинения, в котором Оля рассказыва как она училась грамоте.

В этой записке Оля пишет своей подруге Вере Юстиновой: «Брат сообщил мне, что не он от вас убежал, а вы от него — это можно объяснить взаимной храбростью. Пожалуйста, спросите Половцеву, была у нас французская диктовка или нет? Я забыла написать это прямо ей. Напишите что-нибудь: скука ужасная. Засвидетельствуйте мое нижайшее почтение, остаюсь, любезнейший Адам Адамович, Вашим покорнейшим слугой и сотрудником господином Поколеноморепереходящинским».

«12» против заданий по географии и педагогике — высшая отметка женской гимназии — справедливая оценка прилежания и способностей хозяина дневника. «Дюжинки» неизменно украшают и другие страницы этого дневника.

Мѣсяцъ Ноябрь **1885** го **года.**

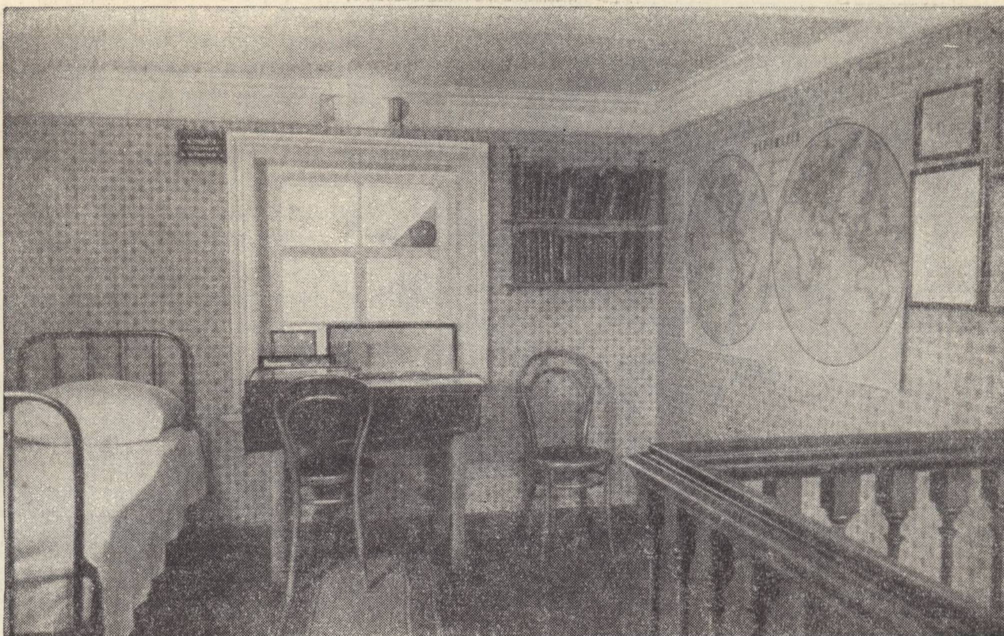
Къ какому дню.	Изъ какого предмета.	ЧТО ЗАДАНО.	Баллы
Къ Понедѣльнику. 4-го	Географія	Границы, климатъ и города Португаліи	12.
	Нѣмецкій	Otto's [illegible] …höfning" и синтаксисъ.	
	Французскій	"Littérature" Boudeault.	
	Педагогика	Старый урокъ.	12
	Математика	2 задачи	

Один день из Олиного дневника.

Совсем юная, почти девочка, она уже мечтала посвятить свою жизнь служению народу. «Завидная доля того человека, который приносит действительную пользу из желания приносить ее»,— писала она в год окончания гимназии своей подруге.

До нас дошли некоторые письма и записки гимназистки Оли. Вот одна из них. Она адресована Вере Юстиновой. Оля шутливо называет подругу генералом Адамом Адамовичем Вейде. (Был такой генерал при Петре Первом.) Подписывается она тоже прозвищем: гимназические подруги часто называли Олю «Поколеноморепереходящинский».

В записке Оля спрашивает о классных новостях: она больна и очень

Володина комната. Здесь он готовил уроки, читал, отдыхал.

скучает по гимназии. Володя играет роль почтальона, приносит сестре письма подруг, а Олины ответы передает девочкам.

Из гимназических работ Володи Ульянова до нас, к сожалению, дошла только одна — домашняя работа по французской грамматике.

Преподавателя французского языка месье Пора Володя не любил. Но французский язык, этот красивый, певучий язык, которым так хорошо владеют родители, старший брат и сестра, нужно знать и учить, будь на свете хоть тысячи Поров,— так считал Володя.

Он аккуратно разлиновал сначала карандашом, а затем чернилами листы чистой бумаги, а потом вписал в таблицу глаголы своим убористым, бисерным почерком — шестьдесят четыре глагола. Они заняли три страницы. Мы даем здесь начало первой страницы.

Temps primitifs				Temps dérivés
Infinitif	Présent de l'indicat.	Passé défini	Part. passé	
1. Absoudre оправдать	j'absous, n. absolvons	нетъ	absous, te	
2. Aller идти	je vais, tu vas, il va, n. allons, v. allez, ils vont	j'allai	allé, ée (av. être)	fut.: j'irai prés subj.: que j'aille, que n. allions
3. Asseoir сажать	j'assieds, n. asseyons или j'assois, n. assoyons	j'assis	assis, se	fut.: j'assiérai, j'assoirai, j'asseyerai.
4. Battre бить	je bats, n. battons	je battis	battu	

Начало таблицы французских глаголов. Гимназическая работа Володи Ульянова.

Золотая медаль, полученная Володей Ульяновым при окончании гимназии.

ученик „ IV-го „ класса Ульяновъ Владимиръ

Предметы ученія		Съ 16-го Августа по 16-е Октября: Успѣхи	Вниманіе	Прилежаніе	Число проп. уроковъ	Съ 16-го Октября по 20-е Декабря: Успѣхи	Вниманіе	Прилежаніе	Число проп. уроковъ	Съ 7-го Января по 16-е Марта: Успѣхи	Вниманіе	Прилежаніе	Число проп. уроковъ	Съ 16-го Марта по 15-е Іюня: Успѣхи	Вниманіе	Прилежаніе	Число проп. уроковъ	Отмѣтка годовая	Отмѣтка по экзамену	Средній выводъ
Законъ Божій	Священная Исторія																			
	Ученіе о Богослуженіи																			
	Катихизисъ		5	5	"	5	5	5	–	5	5	5	–		5	5	–		5	5
	Церковная Исторія																			
Русскій съ Славянскимъ языкомъ и словесность			5	4	"		5	5	1	5	5	5	"	5	5	5		5	5/5	5
Логика																				
Латинскій языкъ			5	5	–	5	5	5	2		5	5	"		5	5	"		/5	5
Греческій языкъ			5	5	"		5	5	2		5	5	"		5	5	"		5	5
Математика	Ариѳметика																			
	Алгебра	5	5	5	–	5	5	5	2					5	5	5	"	5	/5	5
	Геометрія																		/5	5
	Тригонометрія																			
Физика																				
Математическая географія																				
Исторія			5	5	–	5	5	5	"	5	5	5	–		5	5	"		5	5
Географія			5	5	–	5	5	5	1	5	5	5	–		5	5	"		5	5
Нѣмецкій языкъ			5	5	"		5	5	1	5	5	5	"		5	5	"		5 5	5
Французскій языкъ			5	5	"		4	5	1	5	4	5	–	5	5	5	"	5	5/5	5
Чистописаніе																				
Средній выводъ		5	5	5	"	5	5	5	10	5	5	5	"	5	5	5	"			
Поведеніе		5				5				5				5						
Исправность тетрадей		5				5				5				5						

Примѣчаніе: Перевед. с I-ю нагр.

Габель Володи Ульянова за четвертый класс. Внизу пометка о переходе в следующий класс с первой наградой.

ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТЪ

Педагогическій Совѣтъ Классической Гимназіи, уважая отличные успѣхи, прилежаніе и похвальное поведеніе воспитанника V класса Владиміра Ульянова наградилъ его симъ похвальнымъ листомъ. Симбирскъ, Іюня 11 дня [illegible] года.

Похвальный лист, полученный Володей Ульяновым при переходе в шестой класс.

Володя обычно готовил уроки быстро, как правило, быстрее, чем Оля. И все же он последним расставался с учебниками, потому что каждый вечер к нему приходил заниматься учитель — Никифор Михайлович Охотников.

Кто же кого учит? Оказывается, ученик Ульянов—учителя Охотникова.

Удивительный человек был этот Никифор Михайлович, сын простого крестьянина-чуваша. И какой талантливый! Возьмет задачник и решит одну и ту же задачу десятью разными способами, труднейшие примеры в уме решает! Но латынь и французский ему давались тяжело. А Никифор Михайлович готовился сдавать экзамены за курс гимназии, чтобы поступить в университет.

Старшая сестра, Аня, как-то выразила сомнение, что брат за два года сумеет подготовить Охотникова.

Володя задумался и серьезно ответил:

— В гимназиях тратится на курс латыни восемь лет, а взрослый, сознательный человек вполне может пройти этот курс за два года.

И он оказался прав. Его ученик успешно выдержал экзамен.

Володе и Охотникову было интересно друг с другом. Любили они вместе поси-

Столовая в доме Ульяновых.

деть, поломать голову над сложными математическими задачами. Володя тоже любил математику. Благодаря ему в гимназии был организован кружок любителей математики.

Чаще всего они занимались в Володиной комнате (вы видели ее на снимке). Комната эта на втором этаже дома. Ход в нее мимо кабинета отца. И, возвращаясь из гимназии, Володя, прежде чем подняться к себе наверх, задерживался у двери отца и сообщал о своих успехах за день.

Митин кристалл.

В столовой учили уроки. Все дети усаживались за большой обеденный стол, разложив на нем свои учебники и тетради. Это было время строгой тишины во всем доме.

Мария Александровна обычно сидела тут же с каким-нибудь рукоделием. Илья Николаевич работал у себя в кабинете. После уроков начинался «громкий час», вечером вся семья снова собиралась в столовой за чаем.

Няня Варвара Григорьевна войдет, бывало, с подносом, покрытым белой, хрустящей салфеточкой, окинет всех взглядом из-под мохнатых, сросшихся бровей. Взгляд будто строгий, а потом улыбнется так, что ямочки на щеках появятся, и скажет свою любимую присказку:

— Ешьте, ладушки, оладушки.

И говорит она эту присказку, даже если на блюде пироги с яблоками или печенье, а вовсе не оладушки.

Няню все любили. К праздникам ребята ей дарили свои рисунки, разные картинки, которые она наклеивала на крышку сундука. Случалось, няня по-старушечьи жаловалась на свои очки. И тогда Володя брал очки, протирал их, и они снова «работали» хорошо. Не забывал Варвару Гри-

горьевну и Саша, когда уехал в Петербург учиться. В одном из сохранившихся писем он спрашивает: «Как прошла операция на правом глазу у няни?»

Сашины письма обычно читались за вечерним чаем. В них для каждого было дружеское словцо.

Внизу на предыдущей странице вы видите фотографию кристалла. Его нашел и отдал старшему брату Митя. В письме из Петербурга Саша писал, что Митину находку с удовольствием приняли в минералогический кабинет университета.

Володя был большим книголюбом. Саша всегда внимательно относился к «книжным» поручениям брата. «Посылаю тебе, Володя, 3-ю книжку Меморского...», «Книги, которые просит Володя, и ноты Оле я пришлю...» И так в каждом письме...

Весной 1887 года письма от Саши стали приходить реже. И вот однажды, в начале марта, учительница Вера Васильевна Кашкадамова, большой друг семьи Ульяновых, пришла в гимназию и вызвала Володю. Взволнованная и расстроенная, она протянула ему только что полученное письмо, в котором ей сообщали об аресте Саши и Ани, о том, что Сашу обвиняют в покушении на царя.

Володя прочитал и с тревогой сказал:

— А дело-то серьезное. Оно может плохо кончиться для Саши.

Володя принес матери тяжелую весть об аресте. Мария Александровна решила тотчас же ехать в Петербург. Володя и Охотников долго не могли найти попутных лошадей, которые довезли бы ее до железной дороги. Никто не решался ехать с Марией Александровной, боялись: ведь у нее арестован сын. Да еще за такое дело! Наконец Никифор Михайлович нашел земляка-чуваша, который отвез Марию Александровну в Сызрань к поезду.

Чтобы дети не оставались одни, мать перед отъездом вызвала из Казани свою старшую сестру — Анну Александровну. Володя остался старшим из детей. На его плечи легли сложные, недетские заботы. Он мужественно принял их. Он очень повзрослел за последнее время. Первое большое горе нежданно-негаданно пришло к нему год назад, когда скоропостижно умер отец. И в те трудные дни Володя стал настоящей опорой для матери.

Когда близкие в беде, когда не знаешь, что с ними, долго и томительно тянутся часы и дни. Что с Сашей, с Аней? Как там мама в Петербурге? Трудно ей! Но Володя скрывает свою тревогу от младших. Он

Рисунки и картинки, наклеенные на крышку няниного сундука.

старается делать в доме все, как делала мама. Он проверяет уроки у младших, возится с Маняшей, шутит с ней, хоть на сердце совсем не радостно. А ночью, когда все уже спят, Володя с Олей долго, чуть не до рассвета, говорят о Саше, об Ане.

Саша всегда был любимцем семьи. Родителей радовали его способности, его серьезность, вдумчивость. Братья и сестры с живейшим интересом относились ко всему, что касалось Саши. А Володя был прямо влюблен в старшего брата. Он во всем хотел быть похожим на него.

Когда Саше было всего пятнадцать лет, он написал сочинение: «Что требуется для того, чтобы быть полезным обществу и государству». Вы видите здесь, на фотографии, начальные строки сочинения. Дальше Саша писал:

«...Честности и желания приносить пользу обществу недостаточно человеку для полезной деятельности; для этого он должен еще уметь трудиться, т. е. ему нужны любовь к труду и твердый, настойчивый характер.

...Для непривычного человека труд всегда кажется чем-то тяжелым и требует внешнего побуждения, поэтому человек должен приучить себя к труду, полюбить

Александр Ульянов.

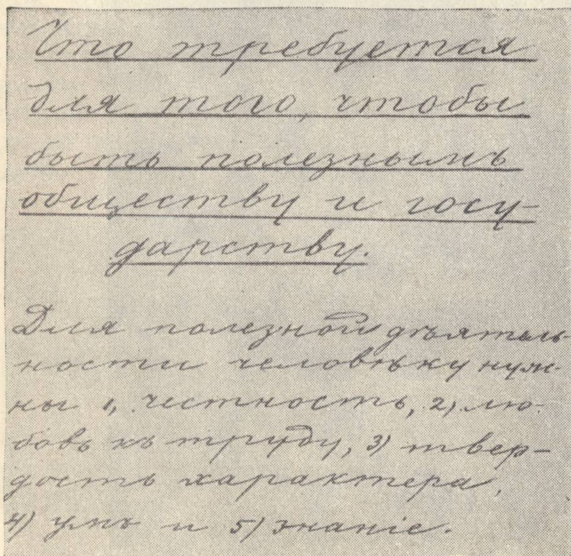
его, и труд должен сделаться в его глазах необходимой потребностью его жизни.

...Чтобы быть действительно полезным человеком общества, человек должен настолько приучиться к настойчивому труду, чтобы не останавливаться ни перед какими трудностями и препятствиями, ни перед теми, которые представляют ему собственные недостатки и слабости: для этого он должен уметь управлять своей волей и вырабатывать в себе твердый и неуклонный характер».

Этим мыслям он был верен. Он выработал в себе твердый, неуклонный характер... Он не останавливался ни перед какими трудностями и препятствиями. Он умел и любил трудиться. Еще в гимназии он увлекался естествознанием, а химию, которую гимназистам тогда не преподавали, изучал сам.

В университете Саша Ульянов сразу завоевал любовь и уважение студентов. Один из них писал из Петербурга своему товарищу в Казань:

«...вот тебе портрет души Ульянова, а также и внешности его. Серьезный, обык-

Что требуется для того, чтобы быть полезнымъ обществу и государству.

Для полезной дѣятельности человѣку нужны 1, честность, 2) любовь къ труду, 3) твердость характера, 4) умъ и 5) знаніе.

Начало Сашиного сочинения.

новенно хладный, с умным выражением лица, он будто бы держит ум постоянно наготове и в разговорах и в делах...»

Царская охранка почуяла, что Саша и его товарищи представляют угрозу для царских порядков. За ними началась неотступная слежка. И все же шпики не знали главного: что решено убить царя и готовится на него покушение.

Александр Ульянов и его товарищи ошибались, думая, что, убив царя, можно запугать правительство и вырвать у него некоторые свободы для народа. Но они надеялись на это.

Убийство царя Александра III — тупого, жестокого душителя свободы — было назначено на 1 марта 1887 года. Три студента в намеченный час ждали на Невском проспекте проезда царя. Ждали с бомбой, имевшей вид обыкновенной книги. Но в последнюю минуту их схватила полиция. Начались аресты. В числе первых был взят Александр Ульянов и заключен в одиночную камеру Петропавловской крепости. Их скоро судили.

В зале суда Александр Ульянов, улучив минуту, тихо, но внятно сказал товарищам:

— Говорите на меня. Я выдержу...

Когда настал его черед выступить перед судом, он заявил страстно и смело:

— Мое намерение было помочь освобождению несчастного русского народа...

Прокурор перебил его грубым окриком, но Александр, повысив голос, продолжал:

— После нас явятся новые и новые сот-

№ 39. Воскресенье 10 Мая 1887 года. № 39.

ТЕЛЕГРАММА
СѢВЕРНАГО ТЕЛЕГРАФНАГО АГЕНТСТВА.

УТРЕННЯЯ.

Петербургъ.

куна и Волохова на 10 лѣтъ каждаго; при-
говоръ о смертной казни чрезъ повѣшеніе
надъ осужденными Генераловымъ, Андрюш-
кинымъ, Осипановымъ, Шевыревымъ и Уль-
яновымъ приведены въ исполненіе 8 мая.

Правительственное сообщение о казни А. Ульянова и его товарищей.

Володя Ульянов в год окончания гимназии.

ни молодых людей... Я понял, что изменение существующего строя не только возможно, но даже неизбежно.

Глухой ночью их перевезли из Петропавловской в Шлиссельбургскую крепость и казнили там на рассвете 8 мая 1887 года.

Сообщение о казни было получено в Симбирске утром 10 мая. Газета «Симбирские губернские ведомости» выпустила экстренный листок. Страшная весть пришла и в домик на Московской улице, где четверо детей все еще жили одни, где Володя все еще был за главу семьи.

Может быть, именно в эти тяжелые дни, представляя брата Сашу в неравной борьбе с царем, Володя Ульянов впервые глубоко задумался о том, как же надо вести борьбу за освобождение народа. Может быть, тогда зародились впервые те мысли, которые предопределили его жизненный путь.

Путь Владимира Ильича Ульянова-Ленина — это путь организатора боевой революционной партии рабочего класса, путь вождя Октябрьской революции и главы первого в мире государства рабочих и крестьян...

Клятва на верность

Николай ГРИГОРЬЕВ

Рисунки П. Кирпичева.

Топкий берег озера Разлив сейчас покрыт асфальтом. К услугам туристов автобус. Сошел с поезда — и через несколько минут у шалаша Ленина. На коротком, двухкилометровом пути проносятся, обгоняя автобус или навстречу ему, легковые машины. Туристам заботливо предоставлены все удобства в путешествии к шалашу. По-видимому, так и надо...

Но берег Разлива был мне милее в его естественном состоянии. Идешь, бывало, тропинкой, след которой то и дело пропадает в траве. Журчат ручьи, стекая из болота в озеро. На мелководье у берега вдруг блеснет, как рассыпанные иголки, рыбья мелкота и исчезнет в глубине. В густых болотных зарослях крякнет неосторожная, еще молодая утка—и на «полуслове» умолкает: видать, почуяла все-таки человека или от мамы-кряквы влетело за беспечность.

Шагаешь по берегу, и еще задолго до того, как среди ветвей проглянет шалаш, тебя осеняет радость предстоящего свидания с Ильичем... Как любил он природу, и сколько им самим исхожено земли!

И невольно среди туристов, устремляющихся к шалашу, выделяешь группы пешеходов. Одежда и обувь пропылились, глаза жадно примечают каждый кустик, камень, клок сена, пенек. Все, все, что видят здесь эти люди, на всю жизнь останется в их памяти.

Расскажу, почему я сам предпочитаю ходить в Разлив пешком. Вспоминается это место в дни ленинградской блокады...

...Однажды наше подразделение вывели с передовой. Было приказано следовать в тыл, двинув с собой снегоочистители. Стояли морозы, навалило много снегу, вдобавок несколько дней и ночей свирепствовала вьюга. Дороги, служившие для подвоза к передовым линиям боеприпасов и продовольствия, сделались непроезжими, а иные и совсем пропали под снежным покровом. Все это очень осложнило боевую деятельность войск, и саперы всего фронта — а нас немало — были брошены в бой против снегов.

Саперы расчищали дороги, и, признаться, для моего подразделения оказалось неожиданным, что нас послали в сторону от дорог, к озеру Разлив. Недоумение возросло, когда близ места назначения мы повстречали артиллерийский полк, передвигавшийся по тылам с целью перемены позиции. И как раз он шел со стороны Разлива. Если артиллерия прошла, значит, путь в порядке? А мы со снегоочистителями... Непонятно! Но приказ есть приказ—обязаны прибыть в Разлив.

Чтобы стало ясно дальнейшее, надо представить себе этот полк. Я видел его в самом начале войны. Он имел орудия на конной тяге. Это обеспечивало в условиях болот повышенную маневренность: кони способны лихо развернуть орудия на такой позиции, где механическая тяга увязла бы. Ах, что это были за кони!.. Рослые, с могучей грудью. Шея дугой. А ноги такие мохнатые, будто над копытами у коней морские клеши. Идет четверка таких коней, пританцовывает, словно и тяжесть орудия ей нипочем, азартно разбрасывает с удил хлопья пены... Даже танкисты, даже летчики, на что уж люди моторизованные, и те встречали и провожали полк восхищенными глазами.

Я не видел полка несколько месяцев. А когда теперь вот увидел, не поверил глазам. В артиллерийских упряжках на месте коней сами артиллеристы. Одни толпой облепили дышло и тянут вперед орудие, другие, теснясь, нажимают сзади, помогая руками, обернутыми в тряпки, вращаться орудийным колесам. Лица у бойцов изможденные, с глубокими, темными глазницами — печать блокадной голодовки. А кони, широкогрудые, мохноногие кони, где же они? Видно, тяжелые бои пришлось вынести полку, если не осталось в нем ни одного коня.

...И все-таки орудия двигались в строгом порядке, безостановочно, выдерживая уставную дистанцию. Каких усилий это стоило людям, можно было только догадываться.

Впереди полка колыхалось развернутое бархатное знамя. Там же с высоко вскинутой головой шагал его командир. Взгляд его выражал и гордость за своих людей и в то же время затаенное страдание. «Посмей только кто-нибудь понасмешничать над полком,— предостерегал этот взгляд,— только посмей!»

Прокаленные морозом стволы орудий были пушистыми от инея. Все артиллеристы, и молодые и старые, одинаково выглядели седоусыми и белобородыми. Даже шинели от клубившегося в тесноте дыхания густо заиндевели. И стоило полку совсем немного удалиться от нас, как и орудия и люди словно растворились в снежном безбрежье. Только алая капелька знамени как бы продолжала плыть в воздухе.

Полк прошел. А рассказ о нем, собственно, только здесь и начинается...

Когда наше подразделение, приближаясь к Разливу, сделало последний привал, навстречу вышел проводник из близ расположенной дивизии. Он и уточнил задание. Оказывается, из-за снежных заносов прекратился доступ к ленинскому шалашу. А дорогу туда надо держать открытой. Перебрасываемые с Большой земли в осажденный город для пополнения, молодые бойцы требуют, чтобы их прежде всего свезли к шалашу. Присягая на верность Родине у шалаша, солдат как бы самому Ленину давал клятву победить или умереть.

Пока наши механики готовили снегоочистители к делу, мы, несколько человек, встали на лыжи, чтобы ознакомиться с предстоящей работой. Двигались, увязая в сугробах и то и дело путаясь ногами в прутьях лозняка, тонких, как силки. Вдруг покатились вниз. Глядим, мы во рву. Нет, это не ров... Мы стоим на очищенной от снега, промерзшей поверхности болота. По всему видно, что здесь совсем недавно тоже высились сугробы. А глубина снега — мы померили — достигала двух метров. И вот видим, снежные горы раздвинуты в стороны... Что за чудовищная сила действовала здесь? Машины? Но на размятых, истоптанных снежных откосах многочисленные следы падения людей...

Все разъяснилось у памятника. Здесь, перед гранитным шалашом, монументом, воздвигнутым ленинградскими рабочими в X годовщину Октября, мы увидели на земле немецкую каску. Сквозь каску был вбит в землю прочный березовый кол. И на нем на фанерной доске надпись, сделанная разными почерками:

«Товарищ Ленин! Будь спокоен за нас.
Клянемся: Ленинграда им не видать.
Березовый кол в башку фашистов!
Молодые бойцы-призывники,
а также старослужащие
Н-ского конно-артиллерийского
полка».

Мы переглянулись, как виноватые. Хотя и не в чем было себя упрекнуть: пришли в срок, без опоздания, приказ выполнили точно. И все-таки на душе была горечь. Не дождались артиллеристы саперов. Не дождались снегоочистителей. Сами проложили дорогу к ленинскому шалашу. Да еще с орудиями, в полном строю... Не дождались...

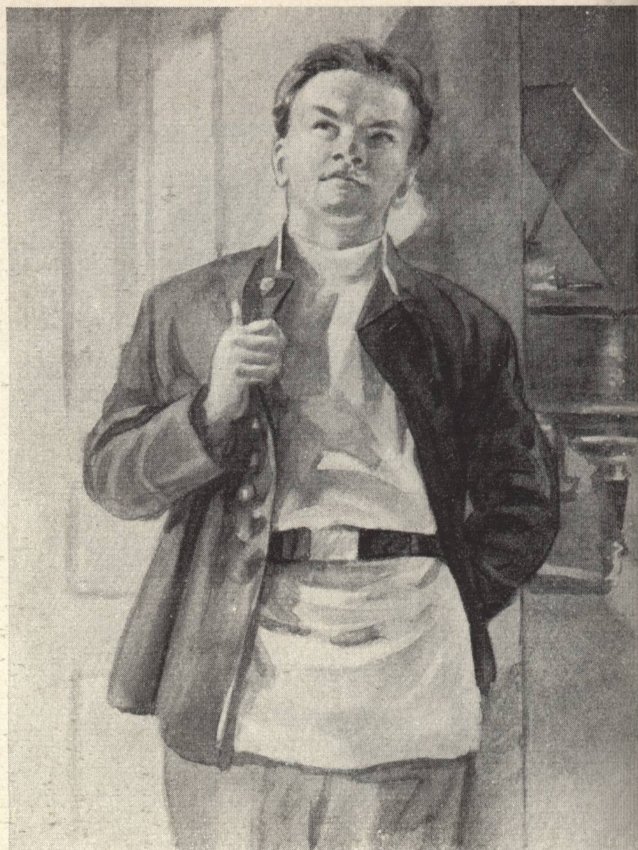
И вдруг мне подумалось: а может быть, они и не желали помощи?

В. И. ЛЕНИН СРЕДИ КРЕСТЬЯН. В. Циплаков.

Рисунки
Н. Н. Жукова.

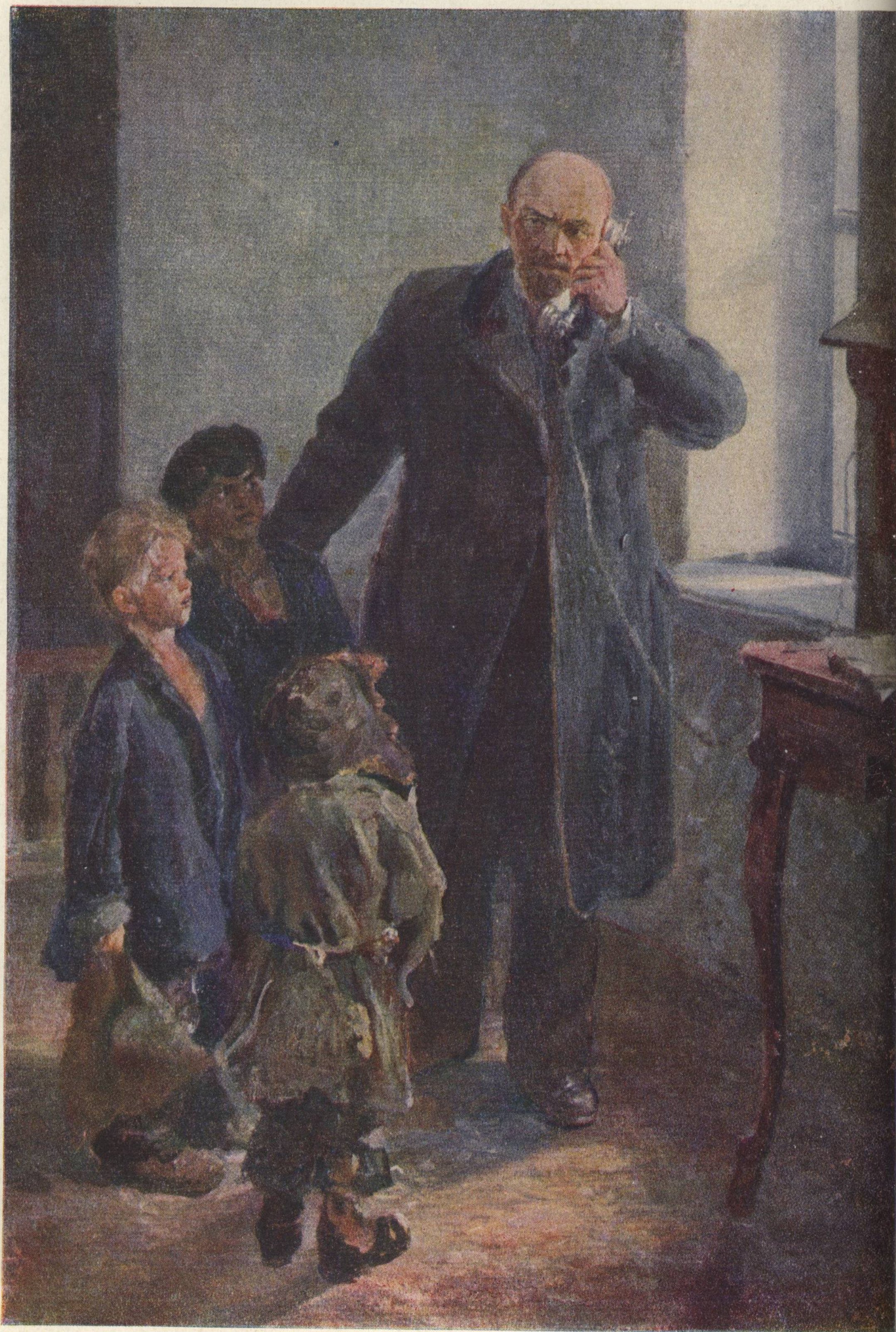

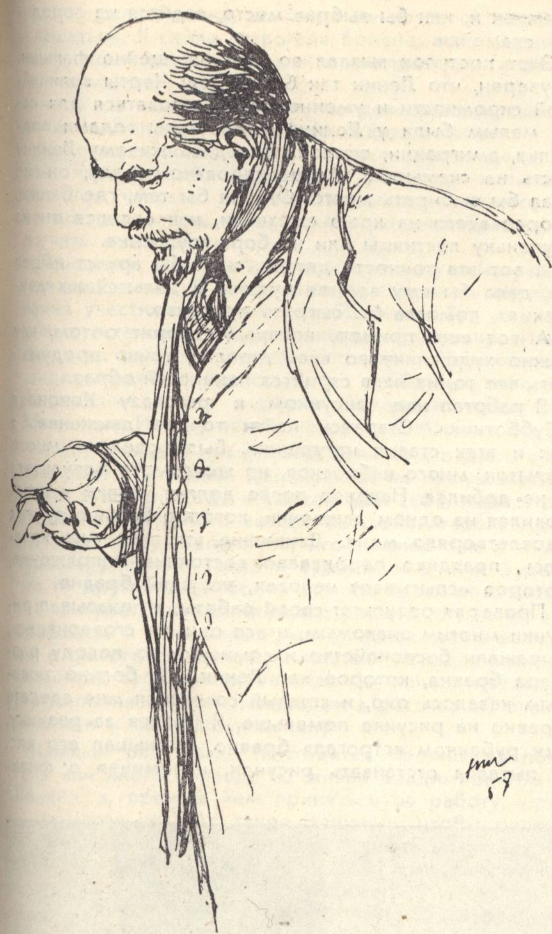
ВЕЧЕРНЯЯ ПОЧТА.

В. И. ЛЕНИН СРЕДИ ДЕТЕЙ.

ИХ СУДЬБЫ. М. Горбатенко.

Любимый образ

В этом номере журнала на нескольких страничках вы увидите рисунки народного художника Н. Н. Жукова.

Вглядитесь повнимательнее в эти странички, посмотрите: ведь правда, Ленин на них, как живой?

Откуда же такая правдивость, такая убедительность в этих рисунках? Мы обратились к художнику и попросили его рассказать нашим читателям о том, как он работает.

Вот что рассказал Н. Н. Жуков.

Первые рисунки, на которых я изобразил Ленина, мне захотелось показать В. Д. Бонч-Бруевичу, близко и хорошо знавшему Владимира Ильича.

— А вы, должно быть, не видели Ленина в жизни? — сказал Бонч-Бруевич, просмотрев рисунки.

Я спросил, почему он делает такое заключение.

— А как же тогда получился у вас рисунок, где Ленин изображен с застывшей, вытянутой вперед рукой? Это неверно.

— В скульптуре изображают Ленина именно в этой позе,— не сдавался я.

— Так то скульптура,— улыбнулся Бонч-Бруевич.— Скульпторам эта рука нужна для монументальности. Этой задаче она отвечает. А характеру движений Владимира Ильича не отвечает. Бывало, конечно, что и Владимир Ильич, выступая перед аудиторией, выбрасывал руку вперед, чтобы подчеркнуть самое значительное слово. Но, выбросив руку, он сейчас же возвращал ее в прежнее положение. Ленин был очень подвижен. Он весь искрился, но резкими его движения никогда не были. Все жесты были мягкими, выразительными и скорее «к себе», чем «от себя». Вот в этом и заключалась особенность его, ленинского, жеста...

Со времени этого разговора прошло двадцать лет. Ленинская тема давно стала основной темой моего творчества. Но я и сейчас часто вспоминаю встречу с Бонч-Бруевичем и думаю, что наш тогдашний разговор и был для меня началом самостоятельного понимания образа Ленина в искусстве.

До этого, стоило мне взяться за карандаш и попытаться изобразить Владимира Ильича, оказывалось, что все мои рисунки получались похожими на что-то, уже ранее сделанное другими художниками.

Сейчас мне понятно, почему так получалось. Ведь, кроме фотографий и документальных кинопленок, уже и в то время было множество произведений искусства, посвященных жизни и деятельности Ленина. Рисунки, картины, кинофильмы, театральные постановки так или иначе не раз пытались воспроизвести образ Ленина, и я волей или неволей был в зависимости от всех наиболее удачных примеров искусства, я находился как бы у них на иждивении.

Увидев, например, игру артиста Щукина в картине «Ленин в 1918 году», я настолько поверил созданному образу, он так увлек меня, что я, сам того не замечая, рисовал не Ленина, а Щукина.

А тут в разговоре я понял, что в работе над образом Ленина самое главное для меня — найти свой взгляд, свое видение образа Ленина, возникающее из глубокого, осмысленного понимания темы.

По-новому посмотрел я и на скульптуры Андреева и многое по-новому понял в них.

Андрееву выпало редкое для художника счастье: он близко знал Ленина, лепил его с натуры. Но материал скульптора — глина,— тяжелый по своей природе материал. Он сам порой толкает автора к монументальному решению образа. И очень редко удается скульптору преодолеть эту монументальность.

Андрееву удалось это. Он сумел материал подчинить выражению основной, увиденной им в жизни черте ленинского характера — движению. Все его скульптуры отличаются метко схваченным промежуточным движением.

В числе работ Андреева есть, например, небольшая скульптура «Пишущий Ленин». Там палец левой руки Владимира Ильича слегка касается рта. Казалось бы, незначительная деталь. Но эта деталь оживляет всю скульптуру.

Зритель тут видит не только фигуру Ленина. Он угадывает то движение, которое предшествовало

позе, изображенной в скульптуре, и то, которое последует за нею: Ленин быстро писал, на мгновение, задумавшись, он остановил перо... Но пройдет еще секунда — левая рука снова ляжет на бумагу, а правая будет быстро работать пером.

Поняв это, я стал добиваться выразительности рисунка, стараясь передать движение. Но тут, как и во всем, что касается искусства, нужен тщательный, обдуманный отбор.

Надежда Константиновна Крупская, смотревшая игру артиста Щукина в картине «Ленин в Октябре» и игру артиста Штрауха в картине «Человек с ружьем», отдала предпочтение игре Штрауха.

По-моему, это легко объяснимо: Щукин в своей первой роли Ленина благодаря отличному гриму создал удачное портретное подобие. Он не боялся сниматься в роли Ленина крупным планом, во весь экран. Но зато игра его в первой роли была скована: он мало и невыразительно двигался. Штраух же совсем по-иному решил свою роль. Он ни разу не вышел на экран крупным планом. Он оставался на втором и на заднем плане, зато двигался свободно, и это давало ему свободу игры. Зритель по фигуре, по движению силуэта узнавал Ленина, следил за ним и больше поверил в этот образ.

В новой роли, играя Ленина в картине «Ленин в 1918 году», Щукин учел свою ошибку. Он верно нашел рисунок движения Ленина и сумел создать превосходный, незабываемый образ. Здесь правильно найденное движение помогло артисту. Но бывает и так, что одно движение, один неправильный жест, поступок сводят на нет все усилия артиста.

В пьесе «Третья патетическая» Ленин идет по Александровскому саду, останавливается возле одной из скамеек и, как бы выбрав место, садится на середину скамейки.

Этот поступок вызвал во мне ощущение фальши. Я уверен, что Ленин так бы не сел! Черты величайшей скромности и умение довольствоваться для себя малым были у Ленина выработаны годами подполья, эмиграции, ссылок. Доведись живому Ленину сесть на скамью в Александровском саду, он не стал бы выбирать место. Он сел бы там, где ближе, скорее всего на краю скамейки, как садился он на ступеньку лестницы или на борт грузовика.

И вот эта точность детали, если бы артист нашел ее, дала бы ему верное чувство в дальнейших движениях, помогла бы сыграть правдиво.

А вот еще пример, который говорит о том, как важно художнику во всех деталях, точно продумывать все то, из чего строится ленинский образ.

Я работал над рисунком к рассказу Кононова «Субботник». Стараясь найти точное движение, я так и этак ставил натурщика. Было сделано много попыток, много набросков, но желаемого результата я не добился. Наконец после долгих усилий я остановился на одном движении, которое больше других удовлетворяло меня. Движение это, как мне казалось, правдиво передавало состояние напряжения, которое испытывает человек, несущий бревно.

Проверяя результат своей работы, я показывал рисунки многим знакомым, и все они, не сговариваясь, выражали беспокойство и сомнение по поводу размера бревна, которое нес Ленин. Уж больно тяжелым казалось оно, и каждый советовал мне сделать бревно на рисунке поменьше. Я брался за резинку, как рубанком «строгал» бревно, уменьшал его вес. Я пытался отстаивать рисунок, напоминая о физи-

Вести с фронта.

ческой силе Ленина, но никто не хотел со мной соглашаться. Я снова «строгал» бревно, но по-прежнему каждый новый человек, приглядевшись к рисунку, спрашивал:

— А не тяжело? А? — и, не дождавшись, сам отвечал: — Конечно тяжело. Не годится, нет...

Наконец я понял, что не в весе бревна дело, а в том, что каждый, смотря на рисунок, испытывал сложное чувство неудовлетворенности оттого, что не мог подхватить, поддержать тяжелое бревно, облегчить ношу Ленина.

Поняв это, я почувствовал, что так эту тему решить мне не удастся. Я снова стал перечитывать воспоминания участников первого субботника. Тут мое внимание остановил момент, когда Владимир Ильич, выйдя из здания Совета Народных Комиссаров и увидев людей, собравшихся на субботник, попросил разрешения встать в строй. Комендант предложил Владимиру Ильичу встать на правый фланг...

И вот, когда я представил Ленина, стоящего в одном ряду с людьми, держащими на плечах лопаты, кирки и ломы, когда я увидел, для себя, народ, равняющийся на своего вождя, на фоне старого Кремля, мне сразу стало ясно, что именно так и нужно строить рисунок. Тогда и субботник в нем будет и что-то другое, еще более важное и значительное.

К фигуре Ленина, несущего бревно, я уже не возвращался. Я понял, что такой рисунок, даже если бы он с фотографической точностью передал один из моментов субботника, не внес бы ничего нового ни в раскрытие образа Ленина, ни в рассказ об его отношении к «Великому почину».

Каждый раз, когда приходится браться за показ того или иного эпизода из жизни Владимира Ильича Ленина, я, прежде чем приняться за работу, долго и внимательно ищу такое решение, чтобы рисунок не просто рассказал зрителю о факте из жизни Ленина, но непременно по-новому раскрыл бы для него черты характера и образ Владимира Ильича.

Художник в какой-то мере должен быть режиссером. Прежде чем браться за карандаш, еще только задумав тему, нужно суметь поставить ее так, как в театре ставят спектакль или сценку. И здесь, в этой постановке, как и в театре, все должно быть продумано от начала до конца.

Однажды, приводя в порядок свой архив, я остановился на одном из старых рисунков, изображавшем Ленина за телефонным разговором. Я мечтал передать в этом рисунке напряженность предельной занятости. В правую руку Ленину я дал телефонную трубку, в левую — переложенный в момент звонка карандаш... Рисунок я назвал «Одну минутку».

Вот это название и привлекло мое внимание.

«Одну минутку», — говорим мы все. Это слишком общо, это не выражает ленинского отношения к времени, к этой минутке. Я перечитал ряд воспоминаний, писем и других материалов и попытался пообразней представить себе характерную черту Ленина — его умение беречь минуты, вмещать в короткий промежуток времени много больших дел.

Вдумываясь в грозные дни Великой Октябрьской социалистической революции, я представил, как дорога была каждая минута Ленина, как минуты его жизни влияли на судьбы людей, партии, рабочего класса... Вот в этих мыслях и пришло новое решение темы. Я заново переделал рисунок и назвал его по-новому. «Не теряйте минуты!» — называется он сейчас, и мне думается, что и новый рисунок и новое название больше говорят зрителю.

Я убежден, что смысл художественного произведения тогда глубок и значителен, когда оно результат большого самостоятельного труда.

В Горках.

Иногда рисуют Ленина с фотографий, точно копируя каждую линию, и считают это «искусством».

Мне же кажется, что художник, глубоко осмыслив и изучив весь имеющийся в его распоряжении документальный материал, должен самостоятельно продумать и по-своему решить тему.

Я лично всю вспомогательную работу делаю с помощью натурщика. А когда уже найдена композиция, когда найдены и движение и свет, я стараюсь придать рисунку портретное сходство. Бывает при этом, что для нужного движения невозможно найти фотографию Ленина с таким поворотом лица, с таким, как задумано, освещением. Это очень часто бывает, но мне думается, что такая беда не должна останавливать художника. Художник, работающий над образом Ленина, должен так изучить черты его лица, пропорции его фигуры, его жесты, движения, как будто бы он лично знал Ленина. Поэтому часто я могу обойтись и без документальных материалов.

Два десятилетия работы над образом Ленина не прошли для меня даром. Сейчас, просматривая свои рисунки сороковых годов, вижу, как далек я был от понимания всей ответственности своей работы.

В изобразительном искусстве художники больше всего отразили Ленина как трибуна, как вождя пролетарской революции. Эти темы требуют от авторов известной приподнятости, плакатности выражения. Ленина часто изображали с непомерно широкими плечами, с могучей грудью, с суровым взглядом...

Но когда читаешь воспоминания близких Ленину людей, встает перед глазами обаятельный образ простого, нравственно чистого, очень цельного, очень душевного и мудрого человека. Отражение именно этих черт ленинского характера — почти еще не решенная задача в изобразительном искусстве.

И я убежден, что целой жизни не хватит на то, чтобы воссоздать для народа ленинский образ.

По-ленински

С НИМИ ДРУЖИТЬ—СЧАСТЬЕ!

Ина болела долго. Но одинокой она себя не чувствовала. Ее часто навещали одноклассники и целая бригада девушек. Не простая бригада — коммунистическая.

Нет, Ина не член этой бригады. Зато она пионерка того отряда, над которым шефствует бригада коммунистического труда из крутильного отдела Меланжевого комбината. А групкомсоргом в этой бригаде Ангелина Лебедева — попросту Геля.

Вот они, друзья пионеров, члены коммунистической бригады Гели Лебедевой.

Интересная жизнь у пионерского отряда, такая же интересная, как и у шефов. Об этой бригаде мы сейчас расскажем.

Девушки из Гелиной комсомольской группы всегда дружили между собой. Но сначала ограничивалась эта дружба поддержкой на работе... Ну, в кино вместе ходили, на стадион...

Но вот однажды заметили девчата, что одна из комсомолок их бригады перестала ходить в вечернюю школу. Стали спрашивать: что да как? Стали советовать, укорять: «Юлька, опомнись! Что ты делаешь?» А та и разговаривать не захотела, повернулась и ушла. Скоро в цехе стали говорить, что встречают Юльку с девчушкой лет этак трех.

Собрались девчата все вместе, пошли к Юле домой. Открывают дверь: девочка на коврике сидит, куклу из носового платка свертывает.

Юля растерялась, стала объяснять:

— Это Люська, сестрина. Сестра одна с ребенком осталась. А техникум не окончила. Доучиться надо. Вот я и взяла их к себе.

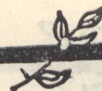
Накричали на Юльку девчата. Почему от них скрыла такое? Что они, чужие, что ли?.. Учиться бросила. Благодетельница нашлась!

Наутро всей бригадой пришли в профком хлопотать, чтобы Люсю в фабричный детский сад устроили. Там ни в какую! Мать ребенка на комбинате не работает, очередь в детский сад большая, так что ничего не поделаешь...

А девчата на своем крепко стоят: «Девочка наша. От всей бригады просим. Может, мы за одно это место целый детский сад выстроим. Обязуемся за Люсю ударно работать на стройке нового детского сада».

После этого случая еще больше сблизились девчата. И жизнь у них стала другая. Внимательнее приглядывались они к людям. Если нужно было, старались помочь, и не только друг другу, но и совсем чужим.

Заболеет работница из цеха — девчата разыщут ее в больнице. А потом одинокая ста-

рая женщина, смахивая слезы радости, говорит соседкам по палате: «Да и кто я им? Не товарка. Уж такие они сердечные...»

...Как-то ехал по городу грузовик, груженный мебелью. В кузове на ворохе матрацев сидела Геля с подружками, держала малышей. Чье же это новоселье? Кто из членов бригады в новую квартиру переезжает? Но, оказывается, новоселье не в бригаде, а у поммастера Валентины Морозовой.

Подходят однажды к Морозовой из профкома и говорят:

«Тебя в список внесли. Ходи на стройку — получишь новую комнату». Валентина растерялась: «Да у меня малыши на руках. Где мне строить? Я и просить-то не думала».

А все это дело Гелина бригада затеяла. Помогали они тогда строить молодежное общежитие и решили заодно отработать на стройке за Валю, «подарить» ей новоселье.

В это самое время появилась у бригады новая забота: стала она коллективным вожатым пионерского отряда. Вместе с ребятами работали девушки на стройке, выращивали кроликов, собирали лом, ходили на лыжах. Даже во Дворец пионеров вместе ездили, как бы провожали ребят...

А на самом деле учились. Девушки пошли в разные кружки, учились обращаться с пилками, лобзиками, учились петь песни, разучивали танцы. Ведь для того, чтобы работать с отрядом, надо многое знать и уметь.

Отрядные дела члены бригады распределили между собой. Геля отвечает за учебу и поведение класса. Августа Чернова готовит песни, танцы. Тамара Маркелова и Мотылькова Валя тренируют ребят к лыжным походам.

А недавно одни настойчивые ребята добились того, что Ангелина Лебедева и ее друзья взяли и над ними шефство. Теперь у бригады два подшефных отряда.

Да, хорошие люди вырастут рядом с этими девчатами. Такие же беспокойные, чуткие...

Н. Бромлей

г. Иваново.

СТО ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЬ СЕКУНД

Наверное, нет человека, который не слышал бы о строительстве железной дороги Абакан — Тайшет, о дороге, которую прокладывают комсомольцы в дремучей тайге, в отрогах Восточных Саян. Послушайте рассказ о людях, которые строят эту дорогу.

* * *

Взрывники сидели в укрытии. Им видно было, как торопливо перепрыгивает с камня на камень Иван Ровенский, который только что запалил последний из двенадцати зарядов. Скоро ударит гром, взметнет над карьером мутное облако земли и дыма.

Вдруг Иван вскрикнул, упал. Вскочил на ноги и снова повалился на землю. Вот он приподнимается на локти, пробует ползти...

Гончаров, начальник взрывпоезда, невольно взглянул на часы. До взрыва осталось всего сто тридцать девять секунд. Что делать?

— Борщов, за мной! — скомандовал Гончаров и первым выбежал из укрытия.— Беги к Ивану. А я обрежу отпальные шнуры. Погоди. Дай нож.

— Нож мне самому нужен...

Борщов кинулся к дымящимся шнурам. Гончаров на мгновение остановился. Но спорить было не время. Он побежал к Ивану, взвалил парня на плечи, понес.

Борщов уже отсек три шнура... Три шанса из двенадцати. А часовая стрелка все бежит и бежит.

Обрезав восьмой шнур, Борщов взглянул на часы: до взрыва одна минута две секунды... Задрожали руки. И тогда Борщов ударил рукояткой ножа по часовому стеклу. Стрелки замерли.

Только бы успеть...

Обрезан последний шнур. Борщов сел на холодную, каменистую землю.

Так окончилась короткая битва за жизнь товарища. И выиграла эту битву дружба.

А. Морковкин

Южсиб, спецвзрывпоезд № 4,
станция Бискамжа.

В ЦЕХЕ ДОВЕРИЯ

К. Киршина

— Неужто опять не сходится? — спросил мастер, когда комсомольцы пришли к нему докладывать о результатах рейда.

— Опять, Иван Иванович. В записях одно, а подсчет деталей показывает другое. Разница, правда, пустяковая — два-три кольца. Может, случайность?

— Не-ет, тут не случайностью пахнет,— рассердился мастер.— Ну, задам я этим девчонкам перцу!

Провинившихся он распекал не с глазу на глаз, а на собрании всей смены.

— Вы понимаете, что делаете? По вашим записям выработку цеха определяют, зарплату выводят. А вы своим товарищам не верите? Думаете, кто-нибудь недодаст детали, вот ваши «подкидыши» и покроют грех? Так, что ли?

Почему зашел такой крупный, сердитый разговор? Что за проступок совершили девчата?

Для того, чтобы вы лучше все поняли, я расскажу сначала про автоматно-токарный цех Куйбышевского ордена Ленина четвертого подшипникового завода.

За последнее время о нем много говорят: «Цех доверия, цех доверия». И я решила пойти туда, посмотреть, узнать, чем он отличается от других цехов.

В труборезный цех, где работает бригада коммунистического труда Николая Косова, я вошла не через дверь, нет — перед нами распахнулись ворота, хоть на автобусе въезжай!

Бригада Косова встала на ленинскую трудовую вахту в честь девяностолетия со дня рождения Ильича. Она взяла на себя большие обязательства.

Рядами стоят станки. За ними и людей-то почти не видно, так, мелькают кое-где цветные платки, черные кепки.

В бригаде Николая Косова шесть человек, двенадцать станков. Вот у двух станков хозяйничает девушка в черном халате, в розовой косынке — Нина Кутафина. Она приветливо улыбнулась, здороваясь со мной, но знаками показала, что поговорить не придется — некогда да и не услышишь ничего.

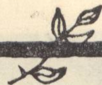
На каждом ее станке крутилась металлическая труба, и четыре резца отрезали от нее сразу четыре кольца.

Девушка не суетилась, работала спокойно, ритмично. Вовремя повернется, вовремя перейдет на другое место, что-то включит, передвинет, выключит. Нелегко, наверное, семь часов так «танцевать», но со стороны смотреть, красиво у нее все получается.

Готовые детали Нина тут же измеряла особым мерительным аппаратом. И, видно, брака не было, горка блестящих подшипниковых колец все росла и росла.

Раньше мерительные аппараты были только у контролеров отдела технического контроля — ОТК,— а теперь я их увидела не только у Нины, но и у других станочников. Значит, вот она, особенность цеха: каждый рабочий сам себе контролер!

Когда начался перерыв, наступила тишина, и тут обнаружилось, какие громогласные девчата у Николая Косова в бригаде. Пока он рассказывал мне, что они выполнили месячный план на 273 процента, что почти ликвидировали брак, девушки, усевшись вокруг стола, заку-

сывали и отчаянно спорили. И знаете о чем? О том, какую им сшить себе форму.

И мне невольно вспомнилось прошлое, когда у здешних ребят «формой» был неуклюжий, промасленный ватник.

Помню, щеголял в такой одежде и токарь Саша Арчаков. Поступил он сюда во время войны. Совсем еще мальчишкой был, но успел уже три месяца отлежать в госпитале после ранения. А ранило его у станка на Сталинградском тракторном при очередном фашистском налете.

Выпускник школы ФЗУ, он имел пятый разряд и свое собственное клеймо. Это означало: человек работает без брака, детали с его клеймом не нуждаются в контроле. Может, поэтому Саша посмеивался над контролерами: «Ну и профессия! Ничего не производят, на чужих изделиях сидят. Лишняя надстройка».

Не было бы Арчаковых с их «личным клеймом» — не могло бы, наверное, быть такого вот цеха, где каждый станочник обходится без контролера.

— У нас больше ста бригад. За сутки мы выдаем столько подшипниковых колец, что потребовалось бы около трехсот контролеров, чтобы перебрать, перемерить их,— рассказал мне Николай Косов.

«Триста сидящих на чужих изделиях,— подумала я словами Саши Арчакова.— Много же, однако».

— Мы не только контролеры, а еще и учетчики,— продолжал бригадир.— Зайдите на склад, посмотрите. Детали из цеха отвозятся туда и сгружаются на определенных местах, под номером станка, на котором были изготовлены. После смены девушки пойдут сосчитают свою продукцию и каждая оставит записку: «Сделано столько-то». Ну и подпишется, конечно.

— И давно вы так работаете? — спросила я.

— О, история долгая! Не сразу добились, не в один прекрасный день. Ведь что это такое, доверие? Прежде всего взаимная честность и правдивость. И не только. Если честный человек не овладел станком, доверите вы ему работать без контроля? Мастерство еще нужно, опыт. Вообще культура.

Загибая пальцы, Николай стал перечислять членов своей бригады:

— Володя Савельев, Рая Шачнева, Зина Дементьева — кого ни возьми, все учатся. Нина Кутафина — на курсах подготовки в институт. Десятилетнего образования нам уже мало, вот как.

— Но все-таки в цехе тысяча рабочих или даже больше. Разные среди них есть люди. Никогда не случалось, чтобы кто-нибудь пропустил брак, приписал себе больше деталей, чем следовало?— снова спросила я.

Николай поморщился.

— Находились уроды, не без того. Только товарищи быстро выводили их на чистую воду. Кое-кому пришлось уйти. А сейчас у нас не бывает, чтобы кто-нибудь сфальшивил, замарал честь цеха. Доверие, оно ведь воспитывает, делает человека лучше. Разве какой новичок счудит по неопытности, не из корысти. Ну, с таким другой разговор.

Вот теперь мы и вернемся к тому собранию, о котором шла речь в самом начале. Оказывается, тогда проштрафились именно девушки-новички. Нет, они не присваивали себе лишнего! Наоборот, записывали меньше, оставляя, как сказал мастер, «подкидышей». А вдруг хоть одно кольцо куда-нибудь закатится.

«Это по-ленински»,— говорим мы, когда видим людей самоотверженного труда, мужественных, боевых.

Много сейчас таких людей, их становится все больше и больше. Придет время, и все у нас будут людьми коммунистического труда, и наша страна станет коммунистической.

Хочешь, чтобы этот день пришел поскорее?

Старайся и ты жить по-ленински, по-коммунистически!

— Мы теперь в одной дружине!
Летчики прославленного авиаполка «Нормандия — Неман» полковник Леон Кюффо и Герой Советского Союза майор Жак Андрэ — почетные пионеры второй московской школы.

Фото А. Ляпина.

В этом доме живут малыши ребячьей республики.

Я не знаю твою страну, но я ее люблю

Саша Адабашьян получил письмо от друга.

«Дорогой советский товарищ! Дорогой Александр! — писал Жан-Лу. — Я хотел бы, чтобы ты рассказал мне о твоей прекрасной стране и о себе самом. Я не знаю твою страну, но я ее люблю. Я посылаю тебе и твоей стране мои дружеские чувства и дружеские чувства всей республики».

Вы еще не понимаете, о какой республике идет речь. А Саша хорошо знает ее историю. Во второй московской школе ребячья республика Мулен Вьё и Клерланд знакома всем. Оттуда часто приходят письма, и на каждом листочке нарисованы яркий альпийский луг и пляшущая на лугу девчонка,

одетая в синее, белое и красное. Синее, белое и красное — это цвета французского флага. Ребячья республика — во Франции, в Альпах. Приходят из республики бандероли, посылки, а однажды...

— Алло, алло! Говорит республика Мулен Вьё и Клерланд!..

Ребята столпились вокруг магнитофона. Маленькая кассета с узкой коричневой лентой неторопливо крутилась на оси, лента перематывалась, бежала, пробиралась меж валков и щеточек...

— Говорит республика Мулен Вьё и Клерланд! Слушайте вальс «Бэби-Луна». Слова и музыка республики...

Двуликая мадам Луна
С веселой хитрецой
Всегда показывает нам
Свое одно лицо.
И мы задумались: как быть?
Как тайну вечную раскрыть?
Мы всех друзей возьмем в полет,
Патоша и Маман,
Лети, наш звездный самолет,
В космический туман.
Мы новый адрес свой друзьям,
Одним друзьям дадим.
Мы скажем недругам: «Нельзя!
Нам не по пути».

Конечно, эта песня, как и вся лента, на французском языке. Но в комнате, где ее слушали, не было переводчика и никто не давал никаких пояснений. Здесь все знали французский язык, всем были знакомы имена Патоша и Маман, о которых поется в песне.

Пьер Драи, житель республики Мулен Вьё и Клерланд, писал о них ребятам:

«Директора нашего детского дома и его жену мы ласково зовем Патош и Маман, они нам как родные... Мой отец, мать и несколько братьев погибли в фашистском концентрационном лагере в Аушвице. Меня никто не любил. Я был во многих больницах, пересыльных пунктах, детских домах, но никто меня не любил. Но вот я приехал в ребячью республику. Я стал счастливым. Меня окружили любовью. Это случилось в первый раз...»

Вот какая она, ребячья республика, вот какие люди Патош и Маман!

«...Я не знаю твою страну, но я ее люблю».

Французские и советские ребята садятся за книги, изучают карты, чтобы лучше узнать страну друзей и еще больше полюбить ее. Маленькие французы из ребячьей республики читают Макаренко и Николая Островского, называют любимым фильмом «Сталинградскую битву» и просят рассказать поподробнее о клоуне Олеге Попове, который выступал в Лионе. А ребята из второй московской школы смотрят французские фильмы и пьесы, бывают на французских выставках...

Сейчас во второй школе висит карта Франции с маршрутом поездки Никиты Сергеевича Хрущева. Наверно, такая же карта висит в старинном замке Клерланд, где недавно поселились старшие ребята из республики (сами отремонтировали замок!). Ребята в Москве, ребята в Клерланде следят за этой важной поездкой.

Может быть, Никита Сергеевич не знает о дружбе двух школ, но он привез с собой во Францию добрые чувства всех советских людей, и республика Мулен Вьё и Клерланд видит в нем посланца своих московских друзей.

Кажется, в эти дни мы все побывали во Франции... Краснозвездный самолет Никиты Сергеевича Хрущева прокладывает курс к дружбе.

В. Орехов, С. Семенов

La petite feé Maroussia... Маленькая фея Маруся на празднике Зимы в ребячьей республике Мулен Вьё и Клерланд.

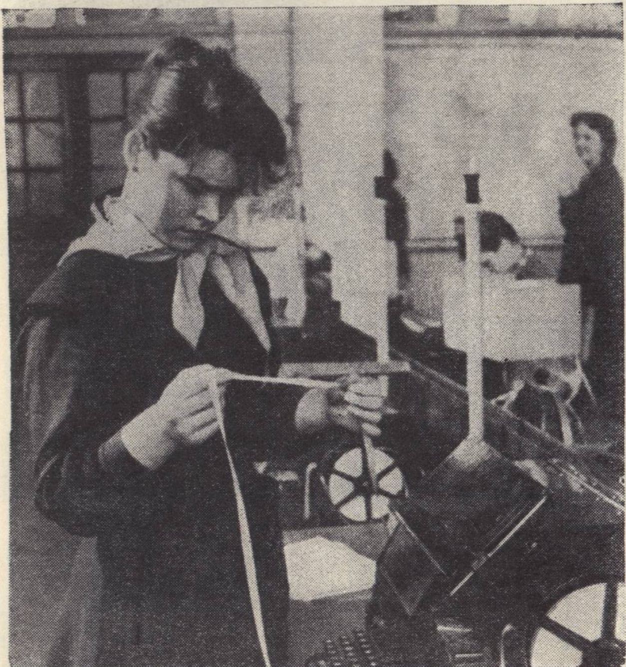
Телеграф стучит: ПИОНЕРЫ НА ЛЕНИНСКОЙ ВАХТЕ!

ПИОНЕРские ИЗВЕСТИЯ

№ 4 АПРЕЛЬ 1960 г.

ЛЕНИНГРАД
РАНЬШЕ У НАС
БЫЛО ТРИ НЕ-
УСПЕВАЮЩИХ,
А ТЕПЕРЬ НЕ
БУДЕТ НИ ОДНОГО САША СИМУНИ 6 „Б" КЛАСС
ШКОЛЫ N 321 ● СОВХОЗ ХОМУТОВСКИЙ
ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ. РЕБЯТА НАШЕГО КЛАССА
УХАЖИВАЮТ ЗА СОВХОЗНЫМИ
ЛОШАДЬМИ ГАЛЯ КИСЕЛЕВА ●
ЧЕЛЯБИНСК ПОСТРОИЛИ СТАДИОН,
СТРОИМ ПЛАВАТЕЛЬНЫЙ БАССЕЙН
ПИОНЕРЫ ШКОЛЫ
N 84 ● БАЛАШГР
САРАТОВСКОЙ ОБ-
ЛАСТИ. ГОТОВИМ
БОЛЬШОЙ ПОХОД
В УЛЬЯНОВСК НА
РОДИНУ ИЛЬИЧА
СОВЕТ ДРУЖИНЫ
ШКОЛЫ N 1 ●

Наташа Скрябина принимает вести.

Павлик Соловьев спешит доставить телеграммы. Наташа и Павлик, ученики 135-й московской школы, проходят практику на телеграфе.

«РАКЕТА» АГИТБРИГАДЫ

Вечером в Нижне-Баскинском клубе (в Свердловской области) собралось много народу. Все читают веселый номер стенгазеты «Ракета», который выпустила агитбригада Шамарской средней школы. Старшие ребята прочитали лекцию, пионеры показали концерт.

Агитбригада даст еще много концертов в колхозах Шалинского района.

ДОЛОЙ «ЗРЯСВЕТКИ»!

В городе Междуреченске, Кемеровской области, ни одна лампочка зря не горит. За этим следят патрули «пионерского счетчика».

Во дворах, парадных, в учреждениях теперь вовремя гасят свет. Пионерские отряды соревнуются за экономию электроэнергии.

За одну неделю на лампочках-«зрясветках» сэкономлено 20 тысяч киловатт-часов электроэнергии.

ДОБЕЙСЯ СВОЕГО

Вы читали в первом номере «Пионерских известий» про «волевого» Сашу? Многие ребята написали, что они думают об этом человеке.

...У Саши, конечно, есть воля, но эта воля направлена в другую сторону, эта воля никому не нужна и пользы никому никакой не приносит. Он опускает руки перед настоящей трудностью.

Оля Шульгина

г. Новая Каховка.

С ЮЖНЫХ ГОР ДО СЕВЕРНЫХ МОРЕЙ

СПАРТАК ТУРКЕАШВИЛИ открыл нефть в Ахметском районе Грузии.

ЗИНА ОДИНЦОВА с товарищами составила карту древесных пород в долине Печоры.

ЖЕНЯ КИСЕЛЕВ, пионер-инструктор из Тулы, учится только на пятерки.

ХОЧУ БЫТЬ ЮНКОРОМ

Дорогая редакция! Я тоже хочу стать юнкором газеты «Пионерские известия». Вот моя первая заметка.

Однажды утром в I «Б» классе появились книжки, а на доске надпись: «Ребята! Прочитайте эти книжечки. К вам придет Димка-Невидимка».

Малыши с нетерпением ждали. А когда мы пришли к первоклассникам, они увидели, что это пионеры — их друзья. Мы собрали более двухсот книг, сделали малышам библиотечку.

Оля Чернякова

Харьков, школа № 116.

Юность выходит на экраны

В Свердловском районе Москвы работает любительская киностудия «Юность». Здесь под руководством режиссера А. З. Брынзы проводятся занятия, ребята учатся быть актерами, операторами, режиссерами.

Режиссеры и операторы студии сняли большой документальный фильм «Подарок», художественные фильмы «Трудное счастье» и «Дневник», киножурналы.

Женя Берлянд

Я слышу Париж

Миша Сыпачев, семиклассник из школы № 9, слушал эфир. «Париж! — закричал он.— Я слышу Париж!» В журнале радиокружка при Дворце пионеров есть такие записи: «Слушали Люксембург»... «Разговаривали с Варшавой»...

Юра Шишков

г. Пермь.

То, что Саша прошел 40 км,— это не доказательство воли, это временная вспышка гнева. Если бы его и приняли в «Орликовцы», это было бы неправильно, потому что воли у него нет. Никогда не будет у человека воли, если он будет все делать вспышками. Человек должен всегда добиваться своего.

Коля Титаренко

с. Ново-Урупское.

У Саши воли нет. Надо было сразу же лучше заниматься, а не вешать голову.

Толя Рычагов

с. Ибердус, Рязанской области.

ВВЕРХУ — вагон метро-поезда, построенного из металла киевских пионеров.

ВНИЗУ — киномеханики Сережа Крючков и Саша Зернов из Вышнего Волочка.

У ЮННАТОВ

НА ПРОГУЛКЕ С... ВОЛКОМ

Дик совсем не похож на хищника. Его биография чиста. Он друг человека и живет в зоопарке. Особенно подружился волчонок с юннаткой Зоей Носковой. Они даже гуляют вместе.

г. Свердловск.

ДРУЖОК И ВЕРНЫЙ

Дружок и Верный — так зовут наших песцов. Мы чистим их клетку, кормим их мясом и вареной оленьей кровью. Чтобы песцы лучше росли и не болели, в пищу добавляем немного дрожжей.

Митя Каургин, Наташа Рольтыргина

Халларчинская школа Нижне-Колымского района. Якутской АССР.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Алеша Шестопал (редактор), Женя Берлянд, Валерий Иванов, Таня Копылова.

Дорога к будущему

Красные галстуки на стройках СЕМИЛЕТКИ

Со всех вокзалов страны уходят поезда и увозят молодых и смелых к подвигу. Только мальчишки и девчонки остаются, и опять за книжки, опять география, геометрия, грамматика... Без них уходят в море китобои, без них поднимаются в небо ракеты, без них рождаются города.

Без них? Неправда! Они сделали такое дело, о котором можно говорить, как о подвиге.

Сотни тысяч ребят, целая армия пионеров, совершили этот подвиг, и не где-нибудь, а в тайге, которая так манит каждого... Правда, многие видели тайгу лишь в кино и на картинках, но наступали на нее во всех уголках страны. Наступали пионеры Украины, Татарии, Крыма, Сахалина...

— Собираем старые тазы, ведра и всякие железки! — кричали ребята, проходя по дворам.

Тачки, нагруженные доверху металлическим ломом, подъезжали к школам, знакомые и незнакомые шоферы помогали ребятам подбрасывать их «груз» к приемочным пунктам. Лом, лом, лом... Как можно больше лома стремились собрать пионеры.

Из города Дзержинска, из школы № 7, сообщали они: «Каждый понедельник на линейке объявляем результаты соревнования. Подвели итог. И оказалось, что за две недели пионеры нашей школы собрали 20 тонн...»

А потом на классных досках, на обрывках бумаги решали ребята задачи, которых не было ни в одном задачнике. Они считали, сколько метров и километров стальных рельсов проложат в тайге из их металла, сколько построят мостов.

Абакан — Тайшет — вот дорога, на которую по призыву школ Московского железнодорожного узла все пионеры страны собирали металл. Пионерский труд вливался в труд комсомольцев-строителей. Строители благодарили ребят за поддержку и рассказывали о своем труде: «Нам предстоит взорвать еще множество гор, прорубить сотни километров тайги, пересечь Восточные Саяны, соорудить 12 туннелей, построить 8 больших и несколько сот малых мостов, проложить сотни километров рельсов. Нелегко приходится нам сейчас. Стоят морозы. Но мы торопимся».

Торопились и ребята. Горы металлического лома — это ли не помощь? Но пионерам этого казалось мало. А что еще могут они сделать для друзей-комсомольцев?

Совет дружины школы № 7 из города Дзержинска сфотографировал лучших сборщиков лома.

И вот на стройку пришли посылки: книги, теплые рукавицы, игрушки для детей строителей... Каждый отряд стремился по-своему проявить заботу о комсомольцах. Пионеры средней школы № 1 города Минеральные Воды писали: «Мы решили выписать для вас, старшие друзья, журнал «Строитель». Немного опоздали с подпиской, поэтому журнал за январь пришлем бандеролью...»

Целые книги можно было бы составить из тех писем, которые присылали ребята, согревая в самые трудные дни сердца строителей, и из тех писем, которые писали им комсомольцы в минуты отдыха при свете костров.

— Про наших! — врывались ребята в класс с материалами из «Комсомольской правды», из «Пионерской правды», из «Пионера», «Огонька», «Юности»...

Красные галстуки на стройках семилетки

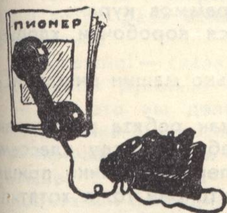
Фотомонтажи, лозунги, плакаты в школах рассказывали о великой стройке.

И теперь, когда весь необходимый металл — 200 тысяч тонн — собран, пионеры по праву говорят: «Наша дорога!»

За большое дело — большая награда. Семьдесят лучших дружин награждены Почетными грамотами и подарками ЦК ВЛКСМ и Министерства транспортного строительства. Многие пионеры, собравшие лома больше других, встретятся в Артеке. В память о великом пионерском вкладе одна из станций дороги названа Пионерской.

Экзамен выдержан. Дорога Абакан — Тайшет — дорога в трудовое будущее.

Н. Балашева

Не восемь миллионов, а тридцать!

Кто читал ноябрьский номер журнала «Пионер» за 1958 год, тот, наверно, помнит рассказ о пионерах поселка Николаевского, Сталинградской области, которые спасли восемь миллионов сазанчиков. В канун ленинских дней мы позвонили в Николаевский. К телефону подошел директор Дома пионеров Владимир Ильич Золотарев.

«ПИОНЕР». Здравствуйте, товарищ Золотарев! Как продолжается ваша работа? Ведь к Николаевскому теперь подошло Сталинградское море. Мальков больше спасать не нужно?

В. И. ЗОЛОТАРЕВ. Да, конечно, теперь в «сухопутном» поселке Николаевском начинают строить морской порт, большой рыбопитомник. Все заводи и бочаги ушли на дно Сталинградского моря. Но ниже плотины Сталинградской ГЭС попрежнему нужна помощь пионеров. Мы с ребятами отправились за двести сорок километров от Николаевского, к селу Тутово, близ Ахтубы. Там вокруг много мелких пересыхающих озер; в них летом гибнет малек. Опять, как и в прошлом году, мы вылавливали мальков сазана семиметровым бреднем и возили их к воде, на свободу...

«ПИОНЕР». Кто же поехал спасать мальков?

В. И. ЗОЛОТАРЕВ. Поехали наши ветераны: Володя Коротков, Галя Рабочая, ну и новые ребята — пионеры пятых — восьмых классов: Витя Михайлов, Володя Лопухин, Галя Шаповалова, Галя Абрамова, Галя Журавлева. Всего нас было двенадцать человек, да лошадь Ракета, да беломордый жеребенок Спутник...

«ПИОНЕР». Наверно, ребята очень уставали?

В. И. ЗОЛОТАРЕВ. Да как вам сказать? Во всяком случае, когда после рабочего дня решали идти в кино в Ленинск за пять километров, никто не отказывался. Комарье досаждало да осы — вот напасть!

«ПИОНЕР». Сколько же мальков спас отряд в этом году? Прошлый раз, помнится, было восемь миллионов.

В. И. ЗОЛОТАРЕВ. За восемнадцать дней мы обследовали сорок восемь озер и спасли тридцать миллионов сто пятьдесят тысяч мальков сазана и леща.

«ПИОНЕР». Ого! Как же их считают, эти миллионы?

В. И. ЗОЛОТАРЕВ. Очень просто. Мальки — по полтора-два сантиметра. В ведре восемнадцать—двадцать тысяч сазанчиков. Мы считали ведра, которые наполняли мальками.

Через два-три года наши мальки дадут примерно шестьдесят семь центнеров рыбы. Не устали от цифр?

«ПИОНЕР». Что вы, товарищ Золотарев! Мы большими буквами напечатаем в журнале:

НИКОЛАЕВСКИЕ ПИОНЕРЫ СПАСЛИ ТРИДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ МАЛЬКОВ!

Красные галстуки на стройках семилетки

Ребята из Ходжента

ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛЬЦЕ

Есть у меня волшебное зеркальце. Стоит в него посмотреть — и ты увидишь все, о чем думает или мечтает твой собеседник. Как это зеркальце появилось у меня, рассказывать долго. Это целая история. Поэтому я лучше расскажу, как оно помогает мне в работе.

Однажды серебряная птица — самолет — принесла меня в город Ленинабад. В Ленинабаде я сел в автобус и приехал в гости к ходжентским ребятам. Мы устроились в пионерской комнате, и они рассказали мне о своем житье-бытье. Ребята говорили все разом и о самых разных делах: о спорте, о хлопке, о Таджикском море, о ковровом комбинате... И если бы у меня не было волшебного зеркальца, то я сразу бы запутался. Но зеркальце у меня было, я смотрел в него и видел все, о чем рассказывали ребята.

ЧТО ТАКОЕ КУРАК?

— О! — говорила Жанна Кравченко.— Вы знаете, как интересно работать на хлопке! Мы его и пропалывали, и целых четыре дня на уборке были, и курак очищали...

И я видел знойное небо, и поля, и школьников, убирающих хлопок. Особенно мне понравилось, как работают Слава Султанов, Али Дададжанов, Хамид Умасов. Руки у них так и мелькали — настоящие мастера-хлопкоробы. Каждый из них за два-три часа собирал по семьдесят килограммов курака.

Курак — это нераскрывшиеся коробочки хлопчатника.

— Мы этого курака несколько машин очистили! — сказал Али Дададжанов.

И я увидел в зеркальце, как ребята разгружают машину с кураком, делят работу между классами, потом между собой. И как первоклассники пришли к пионервожатой и сказали, что они тоже хотят помогать колхозу, что пусть им тоже доверят очищать курак.

— Одним словом, товарищ московский корреспондент,— важно выступил вперед Наджим Руziев,— все наши пионеры трудились не покладая рук.

Тут я заметил, что по лицам ребят скользнули лукавые улыбки. Я посмотрел в зеркальце и все понял. Да, трудились пионеры хорошо, но кто это спрятался в зарослях джуды и собирает ягоды? Вот он повернулся, и я увидел Наджима.

СЕМЬ МЕДАЛЕЙ И ОРДЕН

«За трудовую доблесть» — вот какие медали на груди у этих ребят с Рязанщины! А маленький Володя Волков (он стоит слева) получил даже орден Трудового Красного Знамени. Ребята награждены за хорошую помощь колхозным животноводам. Вот их имена: Лида Хлыстова, Нина Четвертакова, Петя Нестеркин (сидят); Володя Волков, Олег Журавлев, Коля Семенов, Рая Кувшинова, Володя Можаев.

Фото С. Васина.

— Скажи, Наджим,— спросил я, пряча зеркальце,— сколько джуды ты можешь съесть за два часа?

Ребята засмеялись, а Наджим покраснел и спрятался за их спинами.

РАЗГРОМНАЯ НИЧЬЯ

— А ведь мы однажды взбунтовались,— призналась Жанна Кравченко.— Нас колхозники попросили собрать урюк, а когда мы приехали в колхоз, то оказалось, что на урюк послали другую бригаду, а нас собираются поставить на хлопок...

Я снова достал зеркальце. Ах, вот оно что! Сразу у всех головы заболели. Лежат мои новые друзья в тени деревьев и стонут, и охают, и никак не могут оправиться от «солнечного» удара.

Вдруг смотрю, зашевелился узбекский седьмой класс. А в этом классе учится всего семь человек. Посовещались между собой ребята, посмотрели строгими глазами на товарища своего Наджима, и тот стукнул себя кулаком в грудь. Тогда Слава Султанов подошел к восьмиклассникам и сказал:

— Хоть вы и старшие и людей у вас против нашего в три раза больше, мы вызываем вас на соревнование

— Смешно! — сказали восьмиклассники. — Да мы вас одной рукой...

— Ну, это вы делом докажите.

— Докажем! — рассердились восьмиклассники.

И началась работа. Кто быстрей? Кто лучше? Кто больше?

Колхозный бригадир, который смекнул, почему заболели у ребят головы, привез тем временем два ящика урюка.

— Угощайся, пионерия!

Но где там! Есть ли когда заниматься пустяками? Тут каждая минута дорога.

И знаете, ничья у ребят получилась.

Не смогли двадцать человек победить семерых умельцев. У них даже Наджим не подкачал.

КОГДА МЫ ВЫРАСТЕМ

Еще видел я в зеркальце, как школьники помогали строителям коврового комбината.

Среднеазиатские ковры славятся своей красотой, богатством орнаментов, мягкими переходами красок. Особенно хороши туркменские ковры. Пользуясь в основном красным цветом, мастерицы умеют так сочетать тона и полутона, что достигают необыкновенно сдержанной, собранной и постоянно новой красоты.

Человек, живущий в Средней Азии, живет среди ковров. Ковровые кошмы устилают пол, нарядные энгси закрывают вход в кибитку, на пороге лежит коврик — гермеч. Быстрые руки мастериц прошлись и по чувалам — сумкам для скарба — и хурджинам — переметным сумам. Причудливые узоры, которые радуют наши глаза, считались когда-то не просто узорами, а священными талисманами, которые будто бы оберегали человека от злых духов. Но ручное производство ковров дорогое. Ковер быстро не соткешь. А вот ходжентский комбинат будет давать больше двух миллионов квадратных метров ковровой ткани в год. Целое море ковров.

Пионеры решили: в их силах помочь строителям быстрее сдать комбинат в эксплуатацию. Пусть взрослые делают большую и серьезную работу; они освободят их руки, их время от мелочей.

И пионеры очищали от строительного мусора цеха, помогали распаковывать ящики с оборудованием, убирали стружку. Они посадили в своем школьном саду арчу, чтобы потом пересадить ее на территорию комбината. Всего 5 тысяч различных деревьев посадят пионеры на комбинате.

Красные галстуки на стройках семилетки

— Когда мы вырастем,— сказала одна девочка,— мы тоже научимся ткать ковры.

А другая добавила:

— Мы столько сделаем ковров, что они в каждом доме будут!

Я посмотрел в свое зеркальце, а потом в него стали смотреть все, кому только хотелось. И мы увидели и ковры, и Таджикское море, и удивительные машины, которые убирали хлопковые поля и тут же очищали курак. И еще мы увидели самих себя.

И каждый из нас был тем, кем он сегодня мечтает быть, и каждый был настоящим трудовым человеком.

— Это так интересно! — засмеялась от радости Жанна.

А Слава Султанов сказал:

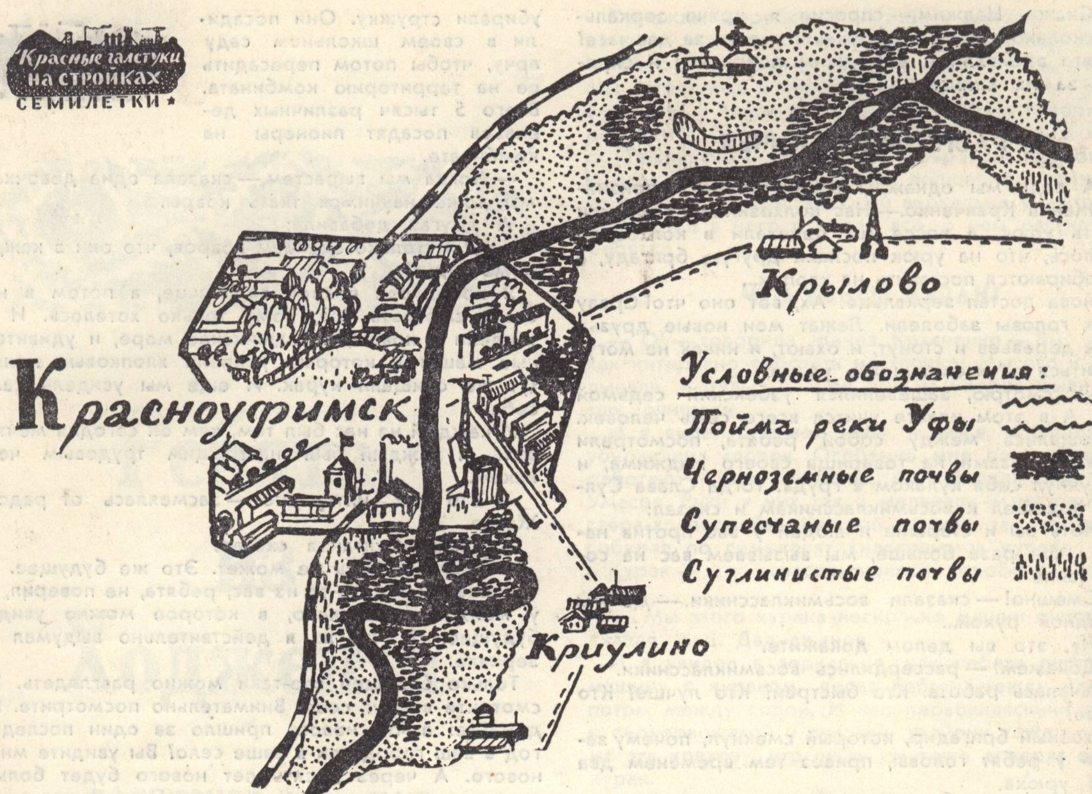
— Иначе и быть не может. Это же будущее.

Может быть, кто-то из вас, ребята, не поверил, что у меня есть зеркало, в которое можно увидеть будущее. Ну что ж, я действительно выдумал это зеркало.

Только будущее все-таки можно разглядеть. Посмотрите вокруг себя. Внимательно посмотрите. Подумайте: а что нового пришло за один последний год в ваш город или в ваше село? Вы увидите много нового. А через десять лет нового будет больше не в десять раз, а, может, в сто. Потому что за эти годы люди изобретут такие машины, которые будут работать быстрее и лучше, потому что через десять лет вы тоже станете строителями.

В. Бахревский

Мы открываем целину

Из вахтенного журнала научной экспедиции Красноуфимской школы № 1. Примечания Нади Цаплиной сделаны во время пребывания группы научных работников экспедиции в Москве в январе 1960 года.

11 июня 1959 года в 8.20 флотилия в составе шлюпок «Флагманская», «Роза», «Русалка» «Комета», «Венера» и «Чайка» погружена на машины. Экспедиция отправляется вниз по Уфе до Нязепетровска, где флотилия будет спущена на воду.

ПРИМЕЧАНИЕ ЛЕТОПИСЦА ПОХОДА НАДИ ЦАПЛИНОЙ. Лодки мы выпросили у артели «Швейник». Если бы вы только видели, какие они были жалкие, когда мы их получили! Рассохшиеся, облезлые, дырявые... Два месяца мы их чинили, шпаклевали и красили.

12 июня. Поход начался успешно. Прошли первые 15 километров.

ПРИМЕЧАНИЕ НАДИ ЦАПЛИНОЙ. Конечно, успешно... Правда, флагманская лодка, которой командовал наш капитан Саша Деревень, в первые же минуты перевернулась, и все наши ценные вещи: ружье, аккордеон, сахар, деньги, документы, карты — оказались в воде. Мы полдня ныряли за ружьем и сушили документы и сахар. Но это не считается.

14 июня. Почвоведы Клава Изгагина и Сережа Моржерин берут пробы почвы, топографы Эдик Кугель, Валерий Цурин и Лиза Гусова вносят исправления в карту поймы реки Уфы. Обнаружены первые гектары неиспользованной земли, пригодной для посевов кукурузы.

ПРИМЕЧАНИЕ НАДИ ЦАПЛИНОЙ. Мы еще весной с агрономом занимались, учились определять почвы и все-таки сначала не сразу могли отличить суглинок от супесчаника. Ничего, в специальные мешочки мы брали пробы почвы. Мы сдали их потом на анализ в районную лабораторию. С грузом проб нам ни за что нельзя было переворачиваться — вся работа насмарку пойдет!

16 июня. Продолжаем наши наблюдения. Решили расширить программу: измеряем ширину и глубину реки Уфы.

ПРИМЕЧАНИЕ НАДИ ЦАПЛИНОЙ. Глубину часто приходилось измерять... ногами. То и дело каменистые перекаты. Флагман первым с ходу упирается в камни. Капитан Саша Деревень отдает команду: «Впрягайся!» И вот не мы на лодках, а лодки на нас... Ну и работка! Зато там, где река широкая и глубокая, мы вовсю использовали изобретение Толи Куличкина: ставили лодки в ряд, борт к борту. Гребут только на крайних лодках, остальные ребята греются на солнышке.

18 июня. Сегодня дали концерт в деревне Комарово.

ПРИМЕЧАНИЕ НАДИ ЦАПЛИНОЙ. Толя Куличкин — настоящий талант. Он наш художественный руководитель, конферансье и аккордеонист. Николай Иванович, наш руководитель, сделал доклад о международном положении. Колхозники были рады: в Комарове очень давно не было докладов и концертов. Еще мы давали концерты в Рахмангулове, Азигулове и Усть-Торгаше.

23 июня. Второй день сидим в деревне Межевой, ждем машины, чтобы отправиться домой.

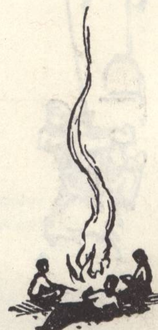
ПРИМЕЧАНИЕ НАДИ ЦАПЛИНОЙ. От нечего делать сочинили песню. В ней есть замечательные строчки:

Но вера в победу
И тяга к обеду
Влекут неустанно вперед...

Считали раны и победы. Раны — волдыри на руках от весел — к концу похода зажили, а победы... Мы обследовали 16 тысяч гектаров пойменных земель. Взяли четыреста проб. В нашем Красноуфимском районе около тысячи гектаров плодородной земли фактически пустует. Это целина, которую мы открыли!

Последняя запись в журнале.

Красноуфимский райком партии рассмотрел материалы экспедиции и постановил: в 1960 году засеять кукурузой, засадить овощами открытые нами земли.

ПРИМЕЧАНИЕ НАДИ ЦАПЛИНОЙ. Мы кричали «ура!» и обнимались — девочки, конечно. А сейчас, на каникулах, мы приехали сюда, в Москву, на конференцию туристов. Только вот наш капитан Саша Деревень опять потерпел аварию. Он нахватал двоек, и его с нами не взяли. Обидно, правда?

Да, чуть не забыла главное. Сейчас в мастерской нашей школы ребята делают шесть новых лодок. Мы получили новое задание. Скоро земснаряды начнут углублять русло Уфы на несудоходных участках. Мы должны определить примерный объем работы для земснарядов.

Константин ТУЙАРСКИЙ

Рисунки П. Павлинова.

ИЗ ПОЭМЫ

Выехали мы рано,
Из Даркылаха рано.
Солнышко только-только
Встало над горизонтом
И, как веселый школьник,
Прыгая, побежало
Из Холгумы холодной
Прямо на юг — за нами.

Даже трудно поверить,
Что только вчера на нартах
В теплой шубе и шапке
Мчался я через вьюгу.
Белая тундра стыла,
Плакал северный ветер.
А я от родного Мечи
Дальше, все дальше ехал.

И вот надо мною небо,
А подо мной деревья...
Сижу я, гляжу в окошко
На светлых тучек отары.
Вдруг Солнце к стеклу прильнуло,
Басит: «Константин, здорово!
Куда это ты забрался!
Догнать меня, что ли, хочешь!
Попробуй! Вряд ли удастся».

И вот мы начали гонку.
Все выше летим, все дальше.
Земля, облака и небо
Летят с Константином вместе,
В Москву с Константином вместе.

Есть у якутов сказка.
Гаврил Баргый — кожемяка
В своей деревне когда-то
Ее рассказывал детям.

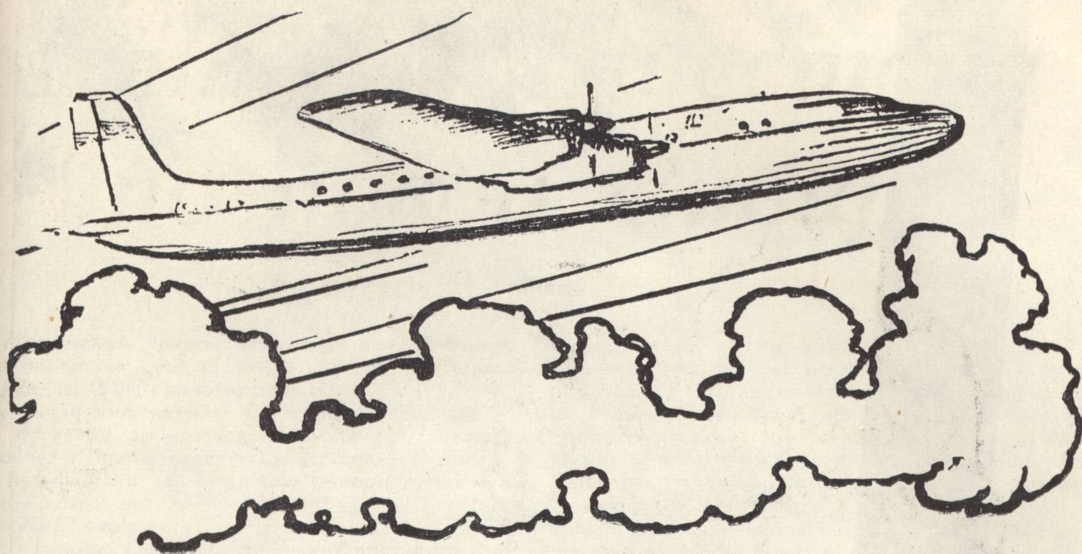
Батыр, могучий и добрый,
Летал по синему небу,
По всем девяти ступеням,
По всем кругам поднебесным.
Он усмирял морозы,
Он утишал бураны,
Он помогал упряжкам
Выбраться на дорогу.

И я, как батыр из сказки,
Лечу по синему небу,
По всем девяти ступеням,
По всем кругам поднебесным.

Уже Урал миновался,
Дворцы и стройки Свердловска.
Уже под крылом печально
Плывут казанские степи.

Но мы (это я и Солнце)
Глядим и глядим на землю,
Которая тем роднее,
Чем дальше и недоступней.
Да, близко, наверно, время,
Когда говорить мы будем:
— На Марс ты летал сегодня!
Ну, как живут марсиане!

Меж тем надвинулась туча,
Солнышко в ней пропало.
И я откинулся в кресле,
Где даже чорон с кумысом
Не дрогнет и не прольется.

Лежит Константин и пишет,
На тучах лежит и пишет,
Между землей и небом
Лежит Константин и пишет...

Слова у него простые,
Они похожи на тундру,
Они похожи на ветер,
На дождь, на щебеты птичьи.

Словами этими нужно
Сказать о самом заветном:
О том, что второе солнце
Над нашей землей сияет.

Его лучи незакатны,
Его тепло неизбывно.
Сиять это солнце будет,
Покуда живет живое.

А что же это за солнце,
К которому все народы,
Как будто цветы на грядке,
Тянутся в жажде света!

Ленин — второе солнце!
Это его мечтою
Поднят народ мой скромный
Из непроглядной дичи,

Из нищеты костлявой,
Из темноты и стужи.

Ровно ревут моторы,
Сладко дремлют соседи.
Лежит Константин на тучах,
Лежит Константин и пишет.

Вдруг самолет качнулся,
Кверху хвост задирая,
Выбрал в тучах разводье
И... пошел на сниженье.

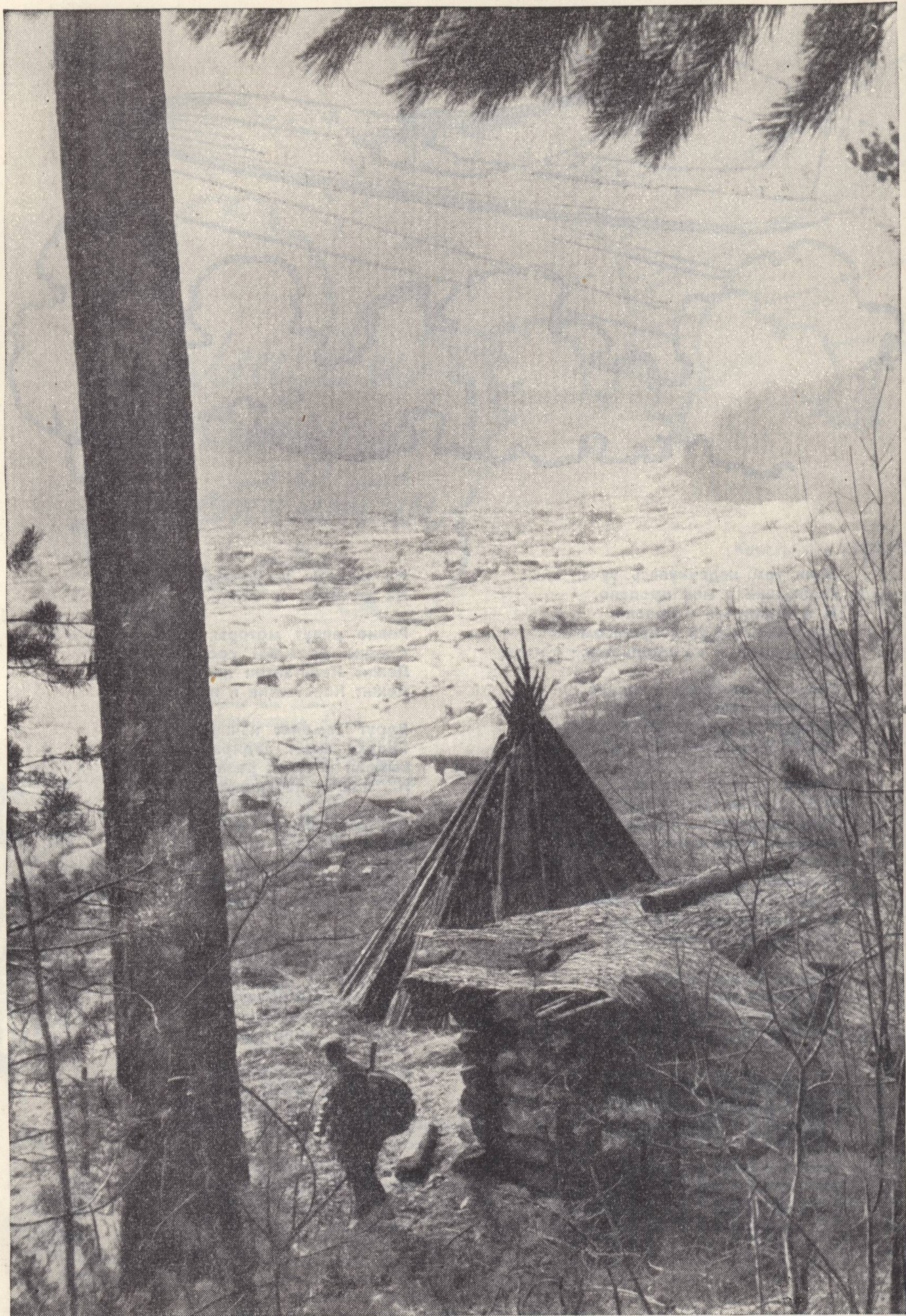
Ох, как земля рванулась,
Как понеслась навстречу!
Мать к любимому сыну
Так несется с порога:
Руки и сердце — настежь.

А самолет уж мчится
По беговой дорожке,
Вот уже и пропеллер
Медлит свое вращенье
Так, что приметны стали
Лопастей очертанья.

И в это время Солнце
Выбралось из-за тучи,
Светлый герб развернуло
И засияло снова.

...Сеятель изобилья,
Светоч труда и счастья,
Мир несущее миру,
Здравствуй, товарищ Солнце!

Перевод с якутского
Ел. Благининой.

Братская гидростанция строится. А изыскатели уже разведывают, где лучше сооружать следующую ступень Ангарского каскада — Усть-Илимскую ГЭС.

Фото Т. Немноновой.

Пять путешествий по новой Сибири

В. СМИРНОВ

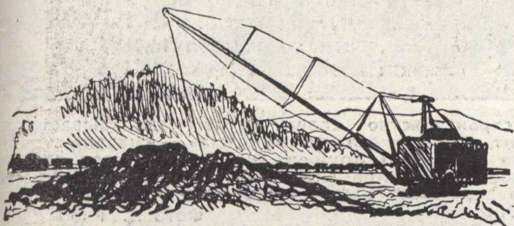
На Московском тракте, пересекающем Сибирь с запада на восток, можно увидеть такой указатель: «До Москвы 5 000 километров».

Пять тысяч километров! Пешеходу пришлось бы около полугода добираться... Но кто же, скажете вы, пойдет пешком в такую даль, если на поезде такое путешествие займет лишь четверо суток, а в самолете всего-навсего семь часов?

Да, сибирские расстояния побеждены. Но было время, когда бескрайность сибирских просторов вселяла в людей ужас. Богатейшая страна от Урала до верховьев Амура и от Саянских гор до Северного Ледовитого океана была необжита. При слове «Сибирь» представляли не плодородные земли, не залежи полезных ископаемых, не полноводные реки и густые леса, а пересыльные тюрьмы и поселения ссыльных... По Московскому тракту вереницами шли ссыльные. Краем горя была Сибирь.

В первые годы Советской власти после победы над Колчаком началось преобразование Сибири. «Чудесный край, с большим будущим»,— говорил о ней Ленин. В наше время это будущее уже наступило.

Давайте же совершим путешествие по новой, преображенной Сибири.

Путешествие первое. Начинается на глубине ста метров под землей

Клеть — подземный лифт — скользит вниз. На стометровой глубине она мягко, пружинисто тормозит и останавливается.

Мы в шахте. Журчание воды и звуки неумолчной капели заглушают гул насосов, откачивающих воду. Идем по широкому, пробитому в скале проходу — квершлагу. Темные, неотсвечивающие стены из гнейса делают тусклым свет шахтерских лампочек. Только иногда под лучом фонаря что-то ярко блеснет, точно осколки зеркала вкраплены в стенку. Это сверкают кристаллы слюды.

Слюда залегает в горной породе жилами, заполняющими трещины. Нелегко «выковыривать» пластинки слюды из твердых скал. На помощь слюдянщикам приходят механизмы.

Вот горняки, надев предохраняющие от пыли маски, длинными пневматическими бурами пробивают в скале отверстия, вставляют в них заряды. По шахте прокатывается глухой удар грома. После того, как мощные вентиляторы откачают из шахты вредные пороховые газы, подходит породопогрузочная машина. Лапами-захватами подбирает она глыбы гнейса и бросает их на длинную ленту транспортера, которая уносит их к вагонеткам подземной железной дороги.

Вскоре возвращаются к месту взрыва шахтеры, выбирают из обнажившихся в стене жил широкие пластинки слюды, сияющие в лучах прожектора.

Из этой глубокой шахты слюда начинает свой путь к электротехническим и радиозаводам. Ни один радиоприемник, ни одну сложную электромашину нельзя сделать без легких, хрупких пластинок слюды.

Лифт поднимает нас к зданию шахтерского управления. Под нами вдали Слюдянка — один из самых солнечных городов. За Слюдянкой — голубой Байкал.

Здесь у южных берегов Байкала в Саянских горах добывается не только слюда. Близ Слюдянки на горном перевале расположен один из крупнейших в Сибири известняковый карьер. Он так и называется — Перевал. Отсюда известняк вывозится на цементные заводы. Неподалеку от Слюдянки добывается ценный камень нефрит.

Щедра земля сибирская. Люди давно знали о сокровищах, таящихся в ней, но не могли найти доступа к ним. Только когда осуществился ленинский план индустриализации, мощные машины помогли нам добыть клады сибирских недр.

Если из Слюдянки мы поедем на электричке в Иркутск, а затем по старинному Якутскому тракту — на север, к реке Лене и дальше, к Витиму, то мы попадем в золотоносный Бодайбинский район.

Маленький поезд по узкоколейке повезет нас вдоль реки Бодайбинки. Перед нами откроется озеро. Посреди него плавает на понтонах металлический пятиэтажный дом. Это драга. Гремят, лязгают черпаки. Они гуськом — один за другим — уходят под воду и возвращаются полные поднятого со дна песка. Черпаки уплывают в темное чрево металлического гиганта. Здесь в огромных металлических ситах песок очищается от крупных обломков породы и промывается в лотках. Тяжелые частицы золота, скрывавшиеся в песке, остаются на дне лотков, а песок уносится струями воды.

Тысячи старателей должны были бы выполнять работу, которую совершает новая драга. Командует плавучим комбайном один инженер, сидя за пультом управления.

...Если из Иркутска мы поедем не на север, а на запад, то попадем в Черемховский угольный бассейн.

В 1920 году во время разрухи черемховские шахтеры послали приветствие Владимиру Ильичу, сообщили ему о том, что они превратят старые разработки в социалистические механизированные предприятия. Ленин ответил черемховцам.

«Особенно дороги в Вашем приветствии, товарищи,— писал он,— чувства глубочайшей уверенности в полной и окончательной победе Советской власти

над помещиками, капиталистами и всяческими эксплуататорами, а также непреклонная твердость и решимость преодолеть все препятствия и трудности».

Черемховцы сдержали свое слово. Их бассейн теперь механизирован. А недавно черемховцы перешли к самому выгодному способу добычи неглубоко залегающего угля — открытому.

Экскаваторы стальными челюстями разбирают «крышу» — верхний слой грунта над угольными пластами. Ковш черпает раздробленный уголь, машинист в кабине нажимает рычаг, и ковш переносится к железнодорожным платформам. Четыре ковша — и вагон полон. Так крановщик, сидящий в светлой застекленной кабине, сменил шахтера.

Но продолжим наше путешествие на запад по Московскому тракту. Город Тайшет. Близ него недавно были найдены крупные месторождения железной руды. Их тоже будут разрабатывать открытым способом, как черемховский уголь. Здесь скоро вырастет металлургический комбинат.

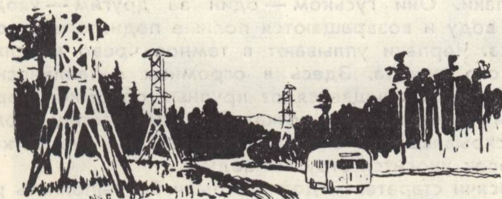
Еще западнее Тайшета — Канский угольный бассейн. Далее, у Красноярска, строится алюминиевый комбинат, который будет перерабатывать нефелиновую руду. А еще западнее, неподалеку от железной дороги, сооружается мощная Назаровская электростанция, которая будет работать на канском угле.

И так до самого Урала. Заводы и стройки. Стройки и заводы.

«Вы ведете великое строительство, своим трудом закладываете довольно крепкий фундамент строящегося коммунизма»,— сказал строителям Братской ГЭС Никита Сергеевич Хрущев. Он познакомился со строительством этой самой мощной в мире гидроэлектростанции и дал ряд практических советов. На этой фотографии вы видите Н. С. Хрущева на строительстве Братской ГЭС.

Фото Я. Рюмкина.

Путешествие вдоль дорог, по которым мчится энергия

Строители линии электропередач — ЛЭПа — прокладывали свою воздушную трассу через реку. Ранняя весна спутала планы строителей. Весь март дули теплые ветры, лед на реке посинел.

Посреди реки остров. На нем нужно поставить центральную опору — металлическую мачту. Этого не сделать без тракторов «С-80». Не переправишь тракторы на остров — на год затянется работа. Но выдержит ли лед — синий, ноздреватый? Прораб, молодой парень, продолбил пешней лед на реке, измерил его толщину и решил отправить тяжелые машины по льду без водителя, чтобы не рисковать людьми... Тракторист завел мотор машины, нацелил ее носом на остров, закрепил рычаги управления и выпрыгнул из кабины. Трактор пошел. Лед под его гусеницами потрескивал.

Вот уже последние метры пути. У берега машина провалилась в окно, промытое быстротеком. Но здесь уже было мелко, и, проскрежетав гусеницами по прибрежной гальке, трактор, точно умное животное, выполз на берег. Водитель, шедший позади, вскочил в кабину и заглушил мотор.

Так же переправили еще две машины. Мачта была установлена, и строители повели ЛЭП дальше.

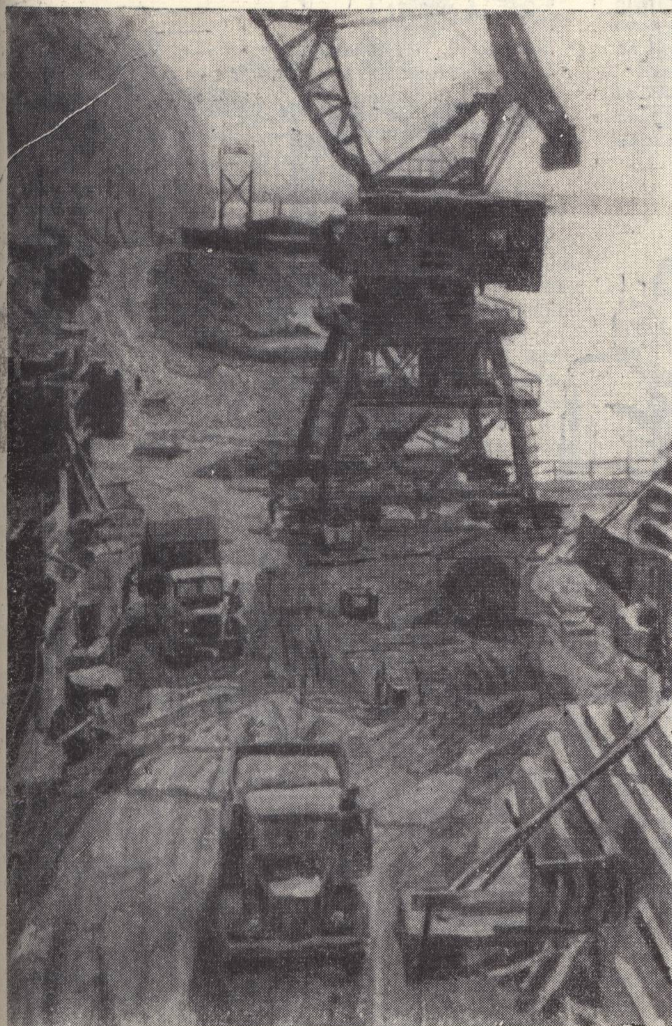
В Сибири сейчас сооружаются десятки электростанций. Но выстроить станцию — это еще полдела. Надо соединить ее с потребителями энергии: заводами и фабриками, городами и селами. А это не так просто. Расстояния в Сибири немалые, реки в ней широкие, тайга неуступчива. И все-таки высоковольт-

ные линии — дороги энергии — упрямо прорезают тайгу и переваливают через горы. С каждым годом в Сибири все гуще сеть этих воздушных дорог.

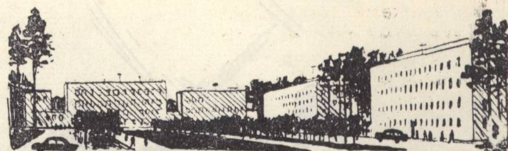
Жители Подмосковья уже привыкли к ровным, как линейки, просекам в лесах, вырубленным для высоковольтных линий. Ажурная мачта электропередачи стала характерной чертой среднерусского пейзажа. Для сибиряка мачты — новинка. И эта новинка означает, что в Сибири рождается энергосистема.

Постепенно воздушные энергетические дороги свяжут все промышленные районы в одно целое. Иркутск уже соединен проводами электропередачи с Братском. Братск в ближайшие годы соединится с Красноярском. Красноярск — с Новосибирском... Возникнет Центральная энергосистема Сибири. Она поможет свободно распределять энергию, посылать ее туда, где она нужна в данный момент, запасать излишки энергии. Сибирская система — самая крупная в мире — соединится с Европейской системой. Волжские гиганты протянут руку станциям ангарского каскада.

Так выполняются заветы Ильича об электрификации всей страны.

Кипит работа на строительстве Братской ГЭС.
Рисунок Г. Ефимочкина.

Путешествие третье, из которого мы узнаем о городах науки

Однажды незадолго до пуска первой турбины Иркутской ГЭС я по поручению газеты, в которой в то время работал, приехал на эту прославленную стройку. У стен плотины уже плескалось молодое море. Вместе с бригадиром бетонщиков Ермолаевым я спустился в глубь здания станции, в бетонную трубу, по которой вода Иркутского моря должна была с чудовищной силой устремиться к лопастям турбины.

Мы находились на самом дне моря, только металлические ворота отделяли нас от воды. Вода просачивалась в пазы ворот.

— Мы с вами последние экскурсанты,— сказал бригадир.— Скоро откроют затвор,— он указал на ворота,— и сюда уже никто не сможет спуститься.

Меня поразила удивительно гладкая поверхность стен бетонной трубы, похожей на улитку,— точно их отшлифовали наждаком. До чего точная работа!

— Еще бы,— с гордостью сказал бригадир.— Если бы мы изменили форму трубы хотя бы на сантиметр, это сказалось бы на мощности турбины. А еще говорят, бетонные работы грубые!

Да, мастерство бетонщиков было удивительным. Но нельзя было не восхищаться и точностью расчетов ученых и инженеров, проектировавших гидростанцию.

В Сибири много научно-исследовательских учреждений. За последние два-три года у Иркутска и Новосибирска выросли новые пригороды — научные городки. В недалеком будущем в Новосибирске будет двадцать новых научно-исследовательских институтов, в Иркутске — восемь.

Многими замечательными находками геологи Сибири обязаны науке, указавшей правильные пути поисков. Ученые установили сходство геологического строения Восточной Сибири с теми местами Южной Африки, где когда-то был найден знаменитый кимберлит — горная порода, несущая в себе кристаллы алмазов. «Алмазы должны быть в Восточной Сибири!» — твердо сказали ученые. И после долгих поисков алмазы были найдены.

Сейчас в Восточной Сибири ведутся поиски нефти. Она очень нужна. Приходится вести гигантский нефтепровод из-за Урала к Иркутску. Но многие ученые утверждают: нефть есть, надо только нащупать, где она прячется.

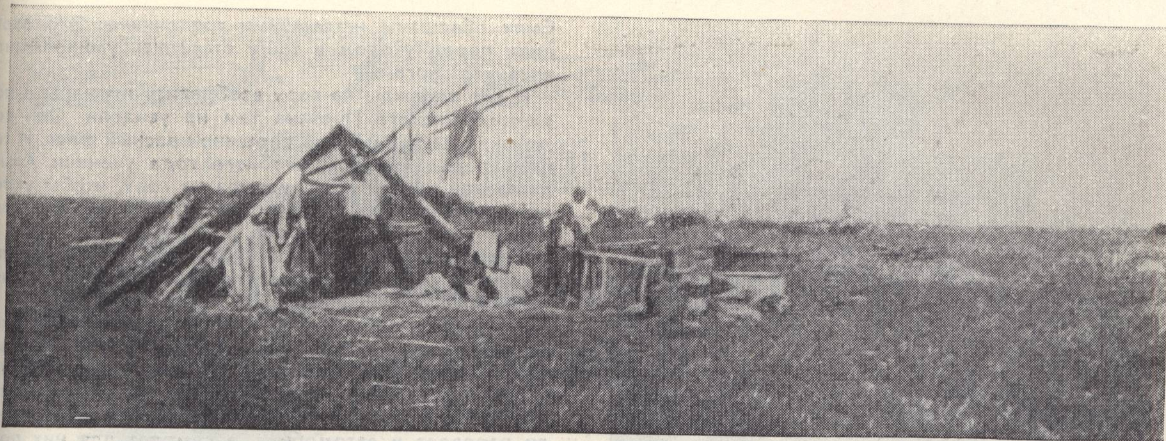
Геологи строят буровые вышки, вонзают в землю длинные многометровые буры с алмазными наконечниками, «ощупывают» пласты.

Недавно газеты сообщили о том, что новая скважина неподалеку от Иркутска дала мощный фонтан промышленного газа. Значит, нефть где-то поблизости. Она будет найдена!

Художник И. Сущенко побывал на Кузнецком металлургическом комбинате в то время, когда комсомольцы заканчивали сооружение новой домны. Вот его рисунки: молодежная бригада сварщиц-высотниц, горновой, новая домна.

Так жилось переселенцам в Тургайской степи. Этот снимок был напечатан в журнале «Искры» в 1908 году.

Путешествие четвертое знакомит нас с переселенцем

Переселенец. Человек, меняющий селение. Слух о привольных, богатых сибирских землях давно манил крестьян на восток. Обозами двигались по Московскому тракту ярославские, тульские, новгородские, полтавские села. Люди шли в неведомую страну.

В Сибири им выдавали наделы. Корчуйте лес, коли сила есть. Ну, а коли нет силы — пропащее дело...

Тем, кто впервые попадает в Сибирь, бросается в глаза, что в здешних старых селах нет зелени. Вот среди сопок показалась деревня. Веселые белые мазанки, огороженные плетнями. На плетнях сохнут вверх дном глечики. Будто ты каким-то чудом попал на Украину. Только одно странно: вокруг хат голо, ни куста, ни деревца. Раньше лес был врагом сибирского переселенца. Вот он и рубил все подчистую. Теперь приходится молодежи заново озеленять свои села.

И в степных районах крестьянину жилось нелегко. Весной надо было торопиться сеять: лето в Сибири короткое, заморозки рано падают на землю. Не успеешь вовремя посеять — не созреет, пропадет урожай.

В одиночку не поднять сибирские земли. Только объединение по ленинскому плану крестьянских хозяйств в колхозы позволило в короткий срок изменить облик сибирской земли.

Посмотрите на карту. На Алтае распаханы даже издавна пустовавшие земли. На алтайской целине за пять лет собран один миллиард сто пятьдесят миллионов пудов зерна. Для перевозки его потребовалось бы не менее десяти тысяч поездов. Если бы поезда эти уходили с одной станции один за другим через каждые полчаса, то отправка целинного хлеба продолжалась бы более полугода.

Тысячи и тысячи гектаров засевают первосортной пшеницей в Омской и Новосибирской областях. Сельское хозяйство вслед за промышленностью двинулось далеко на север. Парники, фермы, картофельные поля появились под Братском, в золотоносном районе Бодайбо, близ «алмазного центра» города Мирного...

И сейчас в Сибирь едут переселенцы. Только судьба нынешних целинников нисколько не напоминает безрадостную судьбу искателей «вольной земли» в царской России.

Путешествие пятое приводит нас в горную страну Тофаларию

Однажды знакомый художник предложил мне провести отпуск в Тофаларии.

— Где эта страна? — спросил я.

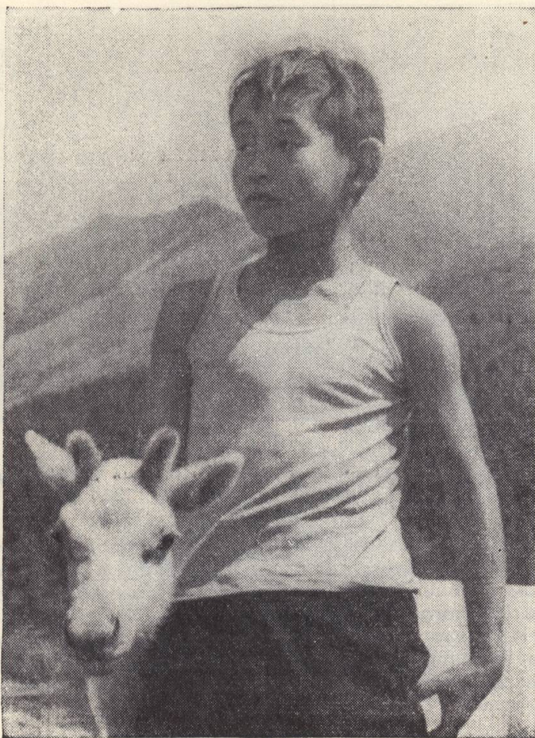
— Эх ты,— укоризненно сказал художник.— А еще путешественник! Страна эта совсем близко от нас, иркутян.

На следующий день художник принес мне несколько старых книжек, изданных еще до революции. В них я прочитал, что тофалары живут в Саянских горах. Это самый маленький народ на земле, их всего триста сорок человек. Тофалары вымирают. Их становится все меньше. Они невежественны и дики. Алчные купцы легко обманывают кочевников, выменивая безделушки на ценные собольи шкурки. Две недели пути отделяют Тофаларию от ближайшего городка Нижнеудинска.

И вот мы с приятелем отправились в Тофаларию. Приехали в Нижнеудинск. Сели в самолет. Через полтора часа самолет доставил нас в поселок Алыгджер, на берегу быстрой горной реки Уды. Мы увидели большие бревенчатые дома с антеннами на крышах, привязанных у заборов оленей, веселые стайки велосипедистов на улицах. Во дворах рядом с домами стояли чумы, крытые корой.

— Значит, тофалары все еще живут в чумах? — спросили мы у учителя Бориса Ивановича Чернышева, с которым мы познакомились в самолете.

— Нет,— рассмеялся Борис Иванович.— Чум здесь вроде беседки. В нем летом прохладно, вот и собираются посудачить, обсудить дела.

Это Гена Тутаев. Зимой он учится в школе-интернате, а летом уезжает на высокогорные пастбища, помогает пасти оленей.

Фото Б. Жутовского.

Борис Иванович — он приехал в Тофаларию давно вместе с первыми русскими учителями и хорошо знает историю маленького горного народа — показал на возвышавшуюся над Алыгджером гору. На вершине ее мы разглядели трепыхавшийся на ветру красный флаг.

— Это Спиринская гора,— сказал Борис Иванович. — По преданиям, она была священной, на ней обитал сердитый бог Пурхан. Кусты на склонах горы были обвешаны истлевшими тряпочками. Это охотники перед уходом в тайгу старались умилостивить гневного бога.

И вот однажды на гору взобрались пионеры и, конечно, никакого Пурхана там не увидели. Они водрузили на каменистой вершине красный флаг. И теперь перед началом учебного года ученики Алыгджерской школы поднимаются на гору, чтобы укрепить расшатанное ветрами древко. Так ребята развеяли старинное суеверие.

Что еще мы увидели в Саянах? Больницы, школы в каждом селе. Мы познакомились с врачами и учителями.

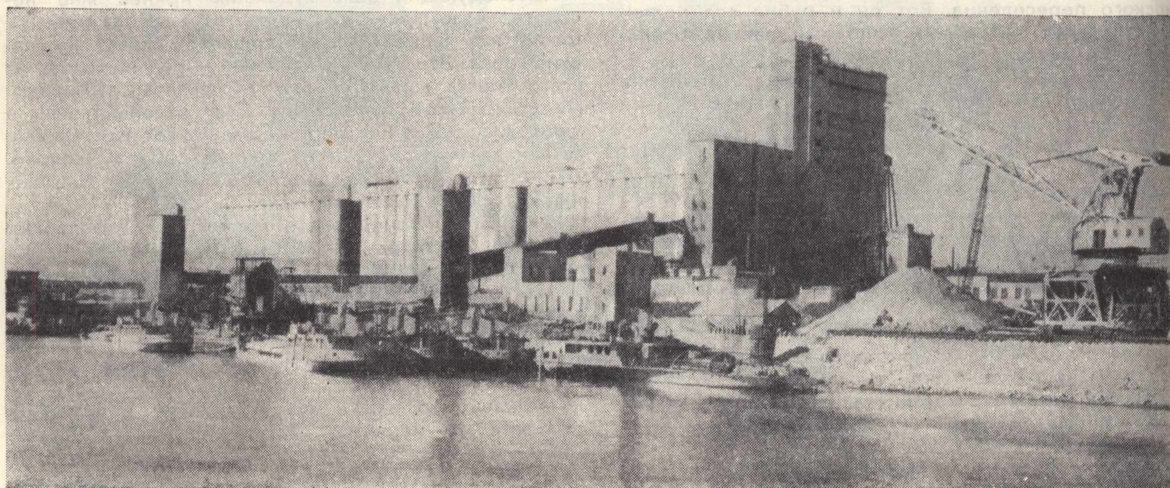
К первому октября — занятия в тофаларских школах начинаются позже — школьники слетаются в интернат. Селения в Тофаларии удалены друг от друга, и ребят приходится доставлять в школу на самолетах. Многие школьники Тофаларии никогда не видели паровоза и автомобиля, а самолет для них привычный транспорт.

Советская власть спасла этот маленький народ от вымирания. Сейчас тофаларов уже шестьсот человек — почти вдвое больше, чем до революции. Да только ли тофаларам принесли светлую жизнь ленинские идеи равенства народов, населяющих нашу большую страну!

В Сибири много народностей. Якуты, буряты, эвенки, монголы, хакасы, тувинцы. Все они живут дружно, одной семьей. Все они активно участвуют в строительстве новой Сибири.

Наше путешествие подходит к концу. Очень хотелось бы представить себе еще одно путешествие по Сибири — в конце семилетки. Тогда мы увидели бы еще более грандиозные перемены. Мы пролетели бы над юными морями, увидели в действии энергетический гигант — Братскую гидростанцию, увидели бы новые города, названия которых мы еще не знаем.

«Когда-то словом Сибирь пугали не только народы нашей страны; при этом слове содрогались сердца многих людей мира. Теперь вы, сибиряки, преобразили свой край, сделали его благодатным и богатым,— сказал Никита Сергеевич Хрущев.— В наше время можно сказать: — Кто в Сибири не бывал, тот и света не видал».

Одна за другой подходят к причалам Омского элеватора баржи, груженные сибирской пшеницей...

На золотых песках

(Продолжение.)

Владимир **СТЕПАНЕНКО**

Рисунки А. Смолина, П. Смолина.

Товарищи

Мимо прошла группа ребят. Никто из них не посмотрел на Ромку, не окликнул его, не пригласил вместе идти в школу. Это его обидело, и он решил не догонять их. За три дня Ромка познакомился только с Эджегиз, дочерью директора машинно-экскаваторной станции, у которого они жили.

Но ему не терпелось познакомиться с ребятами, и он прибавил шагу. Сразу же и они пошли быстрее.

«Ну и пусть! — подумал Ромка.— Они меня еще не знают! Вот начну погоду предсказывать— позавидуют. Разве есть у кого такая рыба, как у меня? А читали ли они «Приключения Тома Сойера»?»

Убедившись, что ребят не догнать, Ромка свернул с дороги к кибиткам. Он не видел, что ребята, пригнувшись, быстро пробежали за дувалом, чтобы опять оказаться впереди него.

Неожиданно откуда-то сбоку выскочила огромная рыжая собака. Свалявшаяся шерсть висела на ней клочьями. Ромка оцепенел от страха. Еще секунда — и собака рванула бы его за ногу. Но наперерез ей бросился из-за дувала туркменский мальчик. Он упал перед собакой на четвереньки и прыгнул к ней с криком:

— Гав, гав!

Собака испуганно взвизгнула и бросилась бежать.

Мальчик поднялся, отряхивая пыль с халата.

— Спасибо,— сказал Ромка, чуть заикаясь от страха. Он узнал в мальчике одного из ребят, шагавших впереди него, и понял, что они не убегали, а просто играли.— Я собак не боюсь. Я с ней справился бы.

Мальчик кивнул.

— Как тебя звать?

— Ромка, Роман...

Здравствуй, Рохман. А меня зовут Джура.

Джура был невысокий, смуглый, со скуластым лицом. На правой щеке синели точечки пороховинок, раскинувшись, словно созвездие Большой Медведицы. Незапахнутый халат открывал сильную грудь.

Вслед за Джурой подошли и стали знакомиться с Ромкой другие ребята. Те, кто плохо говорил по-русски, только улыбались ему и называли свое имя.

Ромка понял, что знакомство состоялось.

— У нас под Воронежем тоже злые собаки.

— А охота есть? — спросил Джура.

— Еще какая! Я часто в лес ходил. У меня хорошее ружье, с курками!

— Какой калибр?

— Шестнадцатый! — Ромка понял, что заврался, но отступать было уже поздно.

— А пороха ты сколько сыплешь?

— Да как всегда...

Джуру обрадовало, что новый знакомый оказался храбрым и к тому же охотником. А к охотникам Джура относился всегда с большим уважением.

— Якши, будем стрелять туртушек!

— Ладно! — охотно согласился Ромка.

Вместе двинулись в школу. Новые товарищи все были в теплых стеганых халатах, в тюбетейках. На плече у каждого висела ковровая сумка с тетрадями и учебниками.

— Давай торопиться,— вдруг спохватился Джура. — Мы всегда до уроков работаем в саду.

— Он не знает, что у нас есть сад,— сказала маленькая девочка и тряхнула головой. Монетки на ее тюбетейке тонко зазвенели.

Ромка сказал, что в той школе, где он учился, был хороший сад и ребята ездили за саженцами в Мичуринск. Он перечислил множество сортов яблок, сочинял историю за историей, ошарашивая своих слушателей.

— Антоновки было страсть сколько, а налива, а китайки... Прямо не знали, куда девать! Я всех мальчишек с нашей улицы угощал!

— Яблоки вкусные? — спросил Джура. — Я их на картинке видел! Слаще урюка?

— Бывают слаще сахара!

Ребята уже подходили к школе, но Ромка не видел никакого сада. Он решил, что его разыгрывают. Ребята часто переговаривались между собой на родном языке, и это еще больше его настораживало. Правда, тут, в этом удивительном краю, все своеобразно. Арба не похожа на телегу, кибитка — на дом, тюбетейка — на кепку, халат — на пальто, аул — на деревню... Любую деревню в России издали увидишь — деревья, высокие дома, большие окна... А здесь!.. «Наш аул!» — крикнул в день приезда Непес и показал куда-то вперед. Но сколько Ромка ни вглядывался, он ничего не видел. Все так же горбатились барханы, все так же курился песок. Долго еще они ехали, прежде чем мальчик разглядел аул. Небеленые, серые домики сливались с землей. Сено и сухие стебли хлопчатника на крышах еще больше маскировали их. Каждый дом издали походил на холмик или куст.

Точно так же Ромка не узнал школу, где ему предстояло учиться. В первый день своего приезда он долго искал ее. Ему почему-то казалось, что новая школа обязательно должна быть двухэтажной, как та, где он учился раньше. Он несколько раз прошел мимо школы, принимая ее за самую обыкновенную жилую кибитку. Правда, она была больше, словно составленная из двухтрех кибиток.

Сейчас Ромке предстояло познакомиться с садом. И сад тоже оказался необычным. Здесь не было ни яблонь, ни вишен. Колья и привязанные к ним гибкие вьющиеся ветви — виноград!

— Правда, хорошо у нас в саду? — спросила у Ромки маленькая девочка и снова зазвенела своими монетками на тюбетейке.

— Правда,— со вздохом сказал Ромка.

В группе ребят Ромка заметил Эджегиз и радостно ее окликнул. Девочка перестала окапывать виноград и оперлась на кетмень.

— Можно мне попробовать?

Ромке приходилось иметь дело с тяпкой. Но стоило ему поднять кетмень, как он почувствовал, что руки его наливаются свинцом и спина начинает болеть. Но он старался не поддаваться усталости и прилежно работал.

— Ну как? — спросил Джура.

— Ничего, только почему ваша тяпка такая тяжелая?

— Тяжелая! — Эджегиз засмеялась и что-то сказала Джуре по-туркменски.

— Якши! — Джура убежал и вернулся с большим кетменем на плече. — На, вот этим попробуй. Это кетмень мужчины.

Ромка попробовал замахнуться и чуть не выронил кетмень из рук: ему показалось, что на конце палки привязана двухпудовая гиря.

Джура взял из его рук кетмень и принялся спокойно работать.

— Легкий кетмень плох,— улыбнулся он.— Никогда землю не разобьешь.

В саду шла напряженная работа: кто окапывал виноградник, кто делал грядки под огород.

— Рохман, принеси воды с арыка! — попросила Эджегиз.

— Пойдем вместе,— сказал Джура.— Мы всегда воду таскаем, землю кетменями разбиваем, а девочки и малыши делают грядки.

— А почему бы не провести водопровод? — поинтересовался Ромка.— Это же совсем не трудно.

Сходив по два раза за водой, ребята сели отдохнуть. Скоро к ним присоединились другие мальчики. Все хотели послушать новенького. Было известно, что ему выпало счастье побывать в Москве, ходить по Красной площади, ехать в поезде, плыть на пароходе. Ребятам, жителям этого далекого аула, затерявшегося в песках, еще ни разу в жизни не пришлось видеть ни поезда, ни парохода.

Ромке завидовали. Он казался ребятам необыкновенным. И вещи его тоже были необыкновенными. А когда он достал из кармана блокнот, ребята были окончательно поражены. Твердые крышки блокнота были скреплены металлическими кольцами. Стоило Ромке нажать пальцем на планку, как кольца мгновенно открывались, и тогда, по желанию, можно было вынуть любой листок или вставить новый.

А Ромка нарочно открывал блокнот, закрывал, менял листочки. Он тут же принялся рисовать схему водопровода. И, как это всегда бывало с ним, увлекся и уже через минуту сам поверил, что построить водопровод легко и просто.

Ребята, как зачарованные, смотрели Ромке в рот, следили за его руками. И хотя большинство из них не понимало, что он говорит, все согласно кивали стрижеными головами.

Такое внимание к своей персоне Ромка принимал как должное.

— Жаль, что не посмотрел, когда будет дождь,— сказал он небрежно.— А то, может, сегодня не стоит поливать.

— Ты умеешь угадывать погоду? — удивился мальчик в серой каракулевой шапке. Знакомясь с Ромкой, он назвал себя Мамедом.

— Я не угадываю. У меня есть одна вещь!

— Барометр? — спросил Джура.

— Нет... Вроде прибора...— Ромка засмеялся, представив, как вытянулись бы лица ребят, если бы они увидели его рыбу.— Завтра скажу, что показывает! — небрежно добавил он и почесал обгоревший, шелушившийся нос.

К ребятам подошел учитель Сейдула Таганмурадов, с комсомольским значком на светлом кителе. Он прихрамывал и опирался на палку.

— Здравствуй, Рохман! — поздоровался учитель.— Молодец, уже познакомился с ребятами! Это Джура, Эджегиз, Ташли, Мамед — твои товарищи по классу. Старайся научить их хорошо говорить по-русски.

— Сейдулла-джан! — сказал Джура.— Рохман хочет сделать водопровод в наш сад. Говорит, тогда не нужно будет таскать воду.

— Очень хорошо! Посоветуемся с учителем физики.

— Зачем?— запальчиво сказал Ромка.— Я сам сделаю!

— Ладно, посмотрим, а теперь все мыть руки! — Учитель посмотрел на часы.

Ромка вместе с новыми товарищами направился в класс. На пороге он вдруг остановился.

— Ты чего? — удивленно спросил Джура.

Ромка не знал, что ответить. Острая боль на секунду сжала сердце. В ней была и жалость к оставленной школе под Воронежем, к старым товарищам и недовольство этой маленькой комнатой, тесно заставленной партами.

В этой комнате все предметы были те же, что в старом классе: учительский стол, доска, географические карты на стенах... Но в то же время в ней было что-то свое, особенное. Ромка не мог понять: то ли это слабый свет от маленьких окон, то ли запах земляных полов и беленых стен.

— Я так, ничего! — Ромка застенчиво улыбнулся.

— Садись со мной! — пригласил Джура.

— Хорошо! — Ромка поднял крышку новой своей парты, чтобы положить портфель с книжками. На доске были вырезаны две буквы: «Э» и «К».

Ромка оглянулся. Сзади него сидел Мамед, а через ряд — Эджегиз с какой-то девочкой. «А кто занял мое место?» — подумал Ромка.

В класс вошел учитель. Подымаясь со своих мест, ребята застучали крышками парт.

— У нас новенький! — сказала Эджегиз.

— Я не забыл,— улыбнулся учитель и вывел в классном журнале фамилию и имя нового ученика. Потом громко прочитал.— Роман Кузьмичев!.. На нашем языке, Рома, тебя зовут Рохманом. Я стану объяснять уроки ребятам на их родном языке, а потом переведу тебе. Если что будет непонятно, не стесняйся, спрашивай. Учебники у вас одинаковые. Только ты будешь учиться на русском языке, а весь класс — на туркменском.

Поселок в пустыне

Айнабад не забыла о своем обещании написать. И вот однажды Ташли, порывшись в своей огромной сумке почтальона, протянул Ромке письмо. Мальчик не стал разглядывать красивую марку, а нетерпеливо надорвал угол конверта.

«Ромка, представь, я в самом центре пустыни,— писала Айнабад.— Всюду песок. Он набивается в карман, скрипит на зубах. Но я немного забежала вперед. Буду тебе рассказывать все по порядку. Как только мы сошли с парохода, папа пошел на базар, чтобы купить бочонок для воды, но не нашел его. «Что ты смеешься? — спрашивал он меня.— Это же Каракумы, пустыня. Здесь люди умирают от жажды! Дальше мы на машине поедем по пескам, надо запасти воду». Тогда я купила двадцать бутылок ситро! Вот так!

Утром за нами приехал шофер на грузовой машине. Мы стали укладывать наши бутылки, а шофер смеялся. Мне было тоже смешно, но я старалась сдерживаться.

Почти сразу за городом начались барханы. Есть и очень высокие, как двухэтажные дома. Каждый бархан машина брала с трудом. Если бы ты только видел, как мы ехали! Я насчитала двести пятьдесят барханов, но потом сбилась. Говорят, летом здесь очень жарко. В песке можно печь яйца.

Ехали мы, ехали и вдруг увидели цистерну. Шофер остановился и налил полное ведро воды. «Это первый киоск «Пиво — воды»,— сказал он, а папа на него обиделся. Оказывается, на всем пути до канала стоят цистерны с водой. Чтобы они не нагревались, их выкрасили в белый цвет.

В одном месте дорога круто повернула, и мы выехали к берегу канала. Я написала «дорога».

Но настоящей дороги тут нет. В пустыне каждый ездит где угодно, если не мешают кустарники. Но машины обычно идут по одному следу, чтобы не заблудиться, да и песок тут прибитый. Понимаешь, машине ехать легче, как сказал мне шофер.

Еще задолго до того, как мы увидели воду, нас с папой удивила густая зеленая трава. Сколько мы ни ехали через степь, такой травы нигде не видели.

Канал мне очень понравился. Вода здесь не такая черная и грязная, как в Аму-Дарье. Мы ни разу не останавливались, а то бы я обязательно увидела рыб. Жалко, что ты не сможешь посмотреть на канал. Его сейчас называют «Пионерным». Это его бульдозеры выкопали, они идут впереди. А потом канал будут еще расширять земснаряды. Мне кажется, что даже сейчас по нему сможет пройти маленький пароход. Ну, если не пароход, то катер обязательно пройдет.

В поселок мы приехали, когда там были заняты перебазировкой к новому месту работы. Все домики стояли на больших салазках. А в салазки вместо лошадей были впряжены тракторы. Здесь так и говорят: перебазировка. Папа сказал: «Как на войне». Я с трудом узнала маму. Она была в запыленном синем комбинезоне, в кирзовых сапогах, в темных очках.

«Вот наш дом, устраивайтесь,— сказала мама.— Будем чай пить. Торопитесь, а то дом утащат».

Мне захотелось пойти посмотреть школу. Когда я проходила по поселку, то увидела на домиках вывески: «Магазин», «Клуб», «Парикмахерская», «Сберкасса». Многие дома уже увезли, но по следам на песке видно, где были улицы. А знаешь, как они тут называются? Улица Мира, Ашхабадская, Московская, Ленинградская и Херсонская. И в новом поселке будут так же называться. Как мне потом сказала мама, на Херсонской улице живут строители, которые приехали из города Херсона. А дома в поселке ватные. Правда-правда, ватные! В таком же доме и школа. И под ногами в классе вместо пола — кошма. В одной комнате стоят четыре парты. Сразу занимаются все классы. Правда, в школе всего шестнадцать учеников. Два — в третьем классе, один — в седьмом, шесть — в пятом. В моем — шестом классе — трое и в первом — тоже трое. Все это мне рассказал Шурик Горяев, с которым я познакомилась в школе. Он там складывал книги, готовился к переезду. Шурик — единственный ученик в четвертом классе. Он очень смешной: рыженький, волосы ежиком. Шурик сказал, что только у него одного во всем поселке есть настоящая школьная фуражка, которую все мальчики носят по очереди. Сам Шурик фуражку носит по воскресеньям, это его день. Он заядлый рыболов. Когда я его спросила, какую рыбу ловил Том Сойер с Гекльберри Финном, он не знал. Я ему сказала про твоего скоферинха. Напиши, предсказывает ли он погоду?

Учительница у нас молодая, красивая и хорошая. Зовут ее Ирина Владимировна.

Перебазировка мне и папе не понравилась. К нашему дому подошел трактор и зацепил его тросом. Дернул и потащил за собой. Мама уговаривала пить чай, но какой там чай! Стол дрожал, пиалы подпрыгивали, как тушканчики. Все скрипело и гремело. А когда трактор спускался с бархана, казалось, что мы вместе с домом летим куда-то вниз. Было даже немного страшно, но мама уверяет, что мы привыкнем. Посмотрим.

Приехали мы в самые глухие места. Сюда даже чабаны овец не гоняли. Здесь нет ни одного колодца. Но за нами все время идет вода, будто мы разматываем большую веревку и тянем ее за собой.

Все дома в новом поселке быстро расставили, и началась работа.

Ты помнишь Петеньку? Он работает бригадиром бульдозеристов. На новом месте он захотел быть нашим соседом и сам притащил трактором себе материал на новый дом. Я как раз пошла посмотреть, как ставят поселок, и вдруг вижу: Петенька едет на тракторе, а сзади тащатся сани с досками, рамами, брусьями. Петенька и позвал меня собирать ватный домик. Петеньке помогал плотник. Он очень интересно говорит на «о», словно поет. Работал он быстро и все время рассказывал разные истории. Сначала поставили четыре стойки, потом между ними укрепили в коробках оконные рамы со стеклами и дверь. После этого натянули брезент, а поверх него — огромное ватное одеяло и снова покрыли брезентом. Если в доме будет жарко, можно расстегнуть полость. Холодно — застегнуть. Для этого есть петли, а вместо пуговиц пришиты палочки. Мы с Зиной помогали натягивать брезент, застегивали все палочки.

Но я тебе забыла написать о самом главном. Этот поселок уже никуда не едет. То есть мы, строители канала, конечно, уедем со своими домиками дальше, а здесь будет строиться город Карамет-Нияз. И порт тут будет на канале. Однажды мы в школе узнали, что шофер Макарий привез веточки тополя. Мы помогали ему их сажать. И они уже всегда тут будут расти. Скажи, ведь правда хорошо, что поселок будет зеленый?

Рома, мне интересно знать, как ты учишься? Какая у вас школа? Как звать твоих учителей? Кто твой самый лучший друг? Обязательно напиши, я буду ждать. Привет твоим маме и папе.

Айнабад».

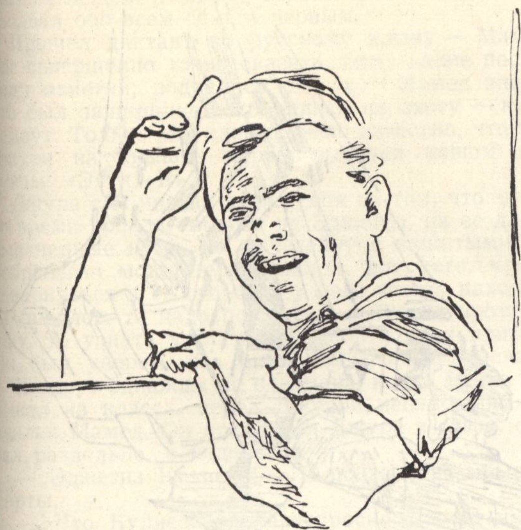
Экскаваторы, бульдозеры и знаменитости

На новых землях работали круглые сутки. В поселок с полей долетал глухой гул моторов, позванивали в окнах стекла.

Ромка каждый день приставал к отцу, чтоб тот взял его в поле посмотреть на работу экскаватора и бульдозеров. И вот как-то на рассвете отец разбудил его.

— Пойдешь со мной?

Ромка вскочил и бросился к умывальнику. Он не слышал, как мать ворчала на отца за то, что

в такую рань поднял парня, не дал выспаться, как отец, смеясь, оправдывался и обещал больше этого не делать.

Они вышли, когда на улице было еще темновато и свежо. Аул уже проснулся, оттуда долетал горький дым печей, голоса, блеяние овец и мычание коров.

Ромка нес в большом ситцевом платке завтрак отцу. Никогда еще он не уходил так далеко в степь. Колхозные поля кончились, и поднялись гряды песка. И как это отец находит среди них дорогу?

Сначала Ромка думал, что отец идет по своим вчерашним следам, но скоро убедился, что песок не сохраняет следов долго. Там, где они только что прошли, оставались лишь быстро осыпающиеся круглые ямки. Издали, когда оглянешься, они были похожи на масляные пятна на бумаге.

— Слышишь?

Ромка утвердительно кивнул головой. Впереди подымалось к небу темное облако пыли. Машины двигались в нем с зажженными фарами. Оглушительный рев моторов, лязг гусениц, скрежет катков не стихали ни на минуту.

Отец уловил что-то неладное в этом гуле.

— Нож привалил! — с досадой сказал он.— В этом наждаке трудно работать, это не наш чернозем. Интересно, чем меня ночная смена обрадует? Вчера у одного бульдозера песок съел подшипник катка.

— Папа, а что они делают?

— Сейчас зарывают старый арык. Потом будем разравнивать землю. А затем канавокопатели нарежут временные каналы для пропуска воды. Да у нас в конторе карта есть. Я тебе покажу, тогда скорей поймешь.— Он помахал бульдозеристу рукой и двинулся в обход арыка.

Ромка спросил, а как же будет с тутовыми деревьями, которые растут вдоль главного арыка? Они ведь помешают работе.

— Не бойся, их не срубят. Все до одного выкопаем и пересадим на новое место. Ну, что ты скажешь? — Отец кивнул на стрелу экскаватора.— Опять ковш высоко подымает и пылит. Половину земли теряет. А ведь вчера показывал, как надо. Нет, милый мой, так не работают!

Но Ромка не согласился с отцом. Он наблюдал за экскаватором с восхищением, любовался работой стального гиганта. Удар — и стрела уносит ковш, полный земли!

Впереди, недалеко от экскаватора, стелился серый дымок костра. Рядом с костром на песке сидел старик в большой черной папахе. «Никак Оразгельды?! — подумал Ромка.— Что же он тут делает?»

— Ага, Оразгельды уже пришел! — весело заметил отец.— Каждый день проводит с нами. Ребята его инспектором по качеству прозвали. Ты побудь с ним, а я к экскаватору схожу.

Ромка обрадовался и побежал к старику. «Инспектор по качеству»!» — смеясь, повторил он.

— А, бала! — Оразгельды подбросил в огонь сухую колючку.— Ты чего не заходишь? Дыня ждет тебя!

— Зайду! — Ромка опустился на землю, поджав ноги, посмотрел на экскаватор.

Стрела остановилась.

— Опять отец Иванова учит! — сказал Оразгельды и хитро засмеялся.— Большой башка! Ты смотри!

Экскаватор взмахнул стрелой и послал тяжелый ковш вперед. Сразу почувствовалась какая-то собранность в его движении. Через минуту стрела принялась описывать круг за кругом. Здесь не было ни одного лишнего движения, ни одного пустого проноса ковша.

— Ай-бо! — восторженно сказал Оразгельды.

А у Ромки закружилась голова. Пришлось на мгновение прикрыть глаза, чтобы прийти в себя.

Через полчаса к костру подошли отец и экскаваторщик Иванов, молодой парень в синем замасленном комбинезоне.

— Ты не обижайся,— сказал отец и похлопал Иванова по плечу.— Хочу из тебя специалиста сделать. Здравствуй, товарищ Оразгельды! Хочешь, научу тебя работать на экскаваторе?

— Да я стараюсь, Василий Семенович! — оправдывался экскаваторщик и ожесточенно тер тряпкой грязные руки.— Тут сегодня еще и трос порвался, из-за него стоял. Надо запасной иметь. Выпишите со склада.

— Садитесь чай пить, лепешка есть! — пригласил Оразгельды.

Отец с жадностью отпил чаю из пиалы.

— Тебе везет, Иванов,— сказал он.— Полюбил Оразгельды экскаватор, чаем тебя поит, а вот бульдозеристам и скреперистам хуже: их пока никто не любит.

— Зачем так говоришь? — обиделся Оразгельды.— Я сам видел: ребята приносили чай. Посмотришь, и сегодня придут!

Когда все напились, Оразгельды вызвался сходить на склад за тросом. Он получил от Ромкиного отца записку, спрятал ее под папаху и начал заворачивать в разостланный на земле платок лепешку, сахар, пиалы.

— Папа, я пойду с Оразгельды,— сказал Ромка.

— Ладно! — рассеянно ответил отец. Он уже снова озабоченно толковал о чем-то с экскаваторщиком.

Ромка почему-то только сейчас заметил, как похудел и загорел отец. Лицо его обветрилось. Резче обозначились скулы и глубокие оспинки на щеках.

Около бульдозера Оразгельды остановился, сбросил ковровую сумку с плеча и снова расстелил платок. Ромка торопливо помогал ему доставать посуду.

Но бульдозерист, по-видимому, не замечал их.

— Я сбегаю позову! — сказал Ромка и бросился бегом по взрыхленной земле.

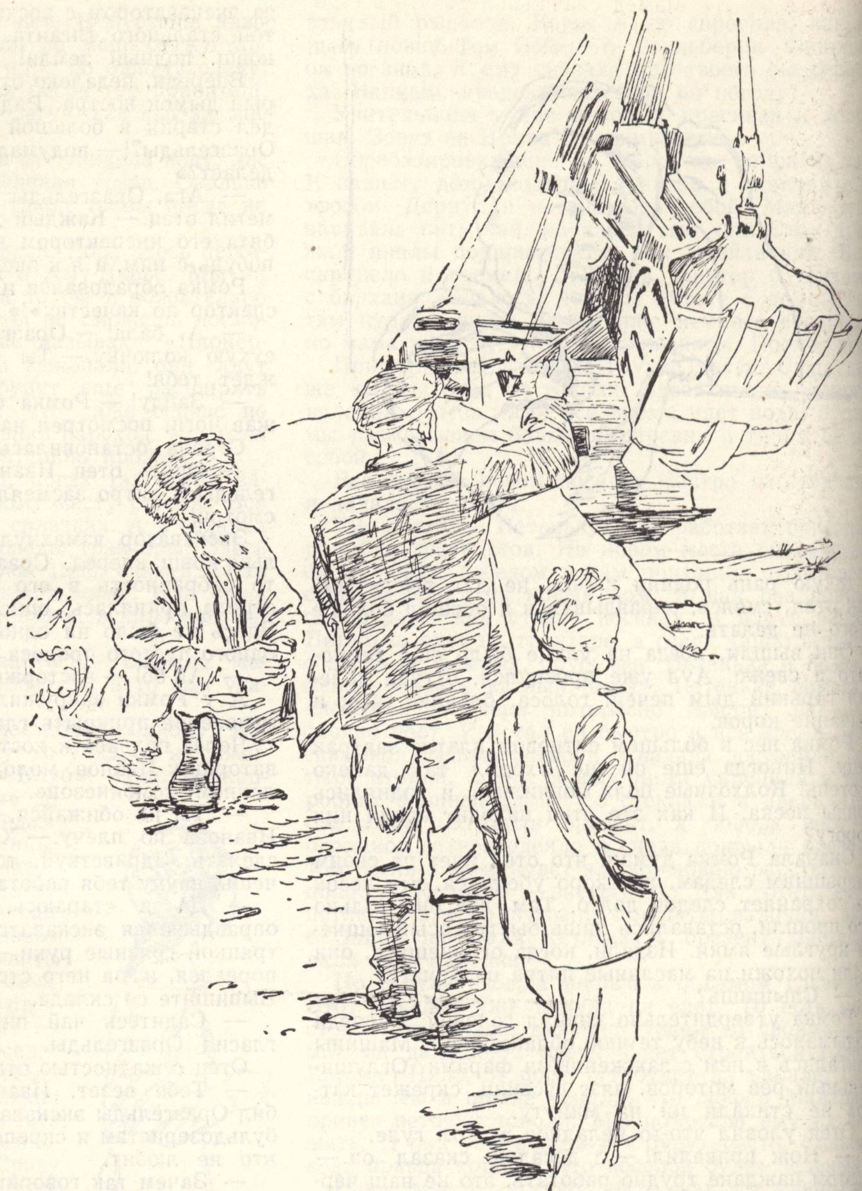
Бульдозерист остановил машину. В ответ на Ромкино приглашение пить чай он улыбнулся и сказал, что сегодня выдался хороший день: его уже поили чаем, он три пиалы выпил, но, что ж, с удовольствием выпьет еще. А напоил его туркменский паренек, Ромка того паренька, наверное, знает. Это Джура.

Ромка обрадовался. Джура нравился ему. Он во всем старался подражать Джуре. Ему хотелось бы так же запросто рассказывать о походах в степь, о настрелянной дичи, так же небрежно доставать из сыромятных ножен кинжал, когда на уроке надо заточить карандаш...

— Если тебе Джура нужен, поищи его на конце гона! — заметил бульдозерист.

Оразгельды, узнав о Джуре, тоже был доволен.

— Ай, молодец Джура! — сказал он. — Я и вчера его здесь видел. Воду вскипятить нетрудно, а сколько радости доставляет глоток чая! Догони его, Рохман, вместе пойдете!

Но Ромка догнал Джуру уже недалеко от аула, на хлопковом поле. И не сразу понял, что тот делает. Джура достал из глубокого кармана круглое семечко хлопчатника и бережно заделал его пальцами в землю.

— Что это ты сажаешь?

Джура показал на зеленый квадрат, где в одном углу между поднявшимися листочками зияла пустота.

— Весна в этом году холодная, семена плохо всходят. Дай-ка руку. — Он опустил Ромкину руку к себе в карман.

— А почему карман у тебя мокрый?

— Правильно, мокрый. Я в нем семена проращиваю. Их можно где угодно носить, но в кармане удобней всего. — Джура достал из кармана горсточку семян, подбросил, поймал их все до одного в свою глубокую ладонь и улыбнулся открытой, веселой улыбкой. — Каждый день нужно хлопок подсаживать.

— Дай и мне! — Ромка присел на корточки перед арыком и ладонями наплескал в свой карман воду. — А где носят семена девочки? У них ведь карманов нет...

Джура засмеялся:

— Я им посоветовал сшить мешочки. Они в мешочках носят.

Прошло несколько дней, и Ромка убедился, что куда бы ни шли ребята, где бы они ни играли, — всюду, проходя мимо полей, они заглядывали туда, всюду их заботливыми руками были исправлены зеленые квадраты.

* * *

В шестом классе были свои знаменитости. К ним принадлежали Джура, Ташли, Ромка и Мамед. Джура считался лучшим охотником, Ташли — велосипедистом, Ромка — обладателем самых инте-

ресных вещей, а Мамед славился тем, что всегда узнавал обо всем самым первым.

Прошел диктант по русскому языку — Мамед мог совершенно точно сказать, кому какие поставили отметки; подрались ребята — Мамед знает, кто был зачинщиком, собрались на охоту — куда пойдут. Только ему одному было известно, что это Джура на крышке парты вырезал ножом две буквы: «Э» и «К».

Джура сам иногда ловил себя на том, что часто во время уроков смотрит на Эджегиз, на ее длинные черные косы, на тюбетейку с нашитыми серебряными монетками. Правда, для того, чтобы повернуться в ее сторону, у него всегда находился предлог: то надо попросить у Ромки промокашку, то узнать у Мамеда, какой задали пример. Он был уверен, что никто ничего не замечает.

И вдруг однажды на перемене, когда Ромка выбежал из класса, перед Джурой неожиданно появился Мамед. Он посмотрел Джуре в глаза, сказал раздельно, с издевкой:

— Эджегиз Кулиева! — И показал на крышку парты.

— Что Кулиева? — переспросил Джура и быстро прикрыл рукавом халата крышку.

— Здорово ты вырезываешь! — засмеялся Мамед; его косящий левый глаз хитро подмигнул.— Пять патронов к ружью — и я молчу.— Для большей убедительности он разжал кулак и показал пять грязных пальцев.

Но Джуру нелегко было запугать. Он умел постоять за себя. Подтащив Мамеда к себе за полу халата, он стукнул его крепким кулаком.

— Считай, один патрон есть. А четыре еще можешь получить!

Мамед выпрямился, снова подмигнул и снова показал растопыренные пальцы: он не отказывался от своего требования.

На уроке Джура попробовал сосредоточиться, но не мог. Из головы не выходила стычка с Мамедом. Рядом Ромка старательно переписывал условия задачи, не зная, что произошло после его ухода из класса.

Учитель дважды строго посмотрел на Джуру. Мальчик силился вспомнить номер заданной задачи и не мог. Конечно, проще всего было бы спросить у Ромки. Но тот был так погружен в задачу, что Джуре не хотелось отрывать товарища. Он повернулся к Абаджану, сидящему сзади.

И тотчас, как будто Мамед ждал этой минуты, над партой дважды поднялась его рука.

— Десять!

Джура отвернулся и принялся листать задачник. А когда повернулся, растопыренные пальцы Мамеда мгновенно снова появились над партой.

Странное поведение Мамеда не укрылось от класса. Ребята решили: Мамед затеял какую-то игру.

Джура огляделся. Со всех парт к нему тянулись руки. Ребята пока еще ничего не знали, но Мамед мог все рассказать. И Джура представил, как они хором начнут выкрикивать: «Эджегиз Кулиева, Эджегиз Кулиева!».

Мальчик едва дождался перемены.

Перемена прошла. Джура вернулся в класс и увидел, что на доске нарисованы две руки.

Позже других в класс вбежала Эджегиз.

— Как не стыдно! Кто это нарисовал? — возмутилась она.

— Джура! — крикнул Мамед и спрятался за Раджапа.— Посмотри, у него и руки в мелу!

— На, стирай! — повернулась Эджегиз к Джуре.— Сейчас урок начнется!

И Джура понял, что лучше уступить, чтобы не привлекать внимания ребят.

Ромка спросил Мамеда, зачем Джура нарисовал две руки, что это значит.

— Это наша национальная игра,— спокойно сказал Мамед.— Надо считать до десяти. Если хочешь играть, нарисуй две руки. Мы тебя научим. Хочешь?

Раздался звонок. В класс вошел учитель ботаники.

Ромка старательно нарисовал две руки и протянул тетрадь Джуре. Но Джура нетерпеливо вырвал ее и тут же порвал.

— Джура, что с тобой?

— Подожди,— зло сказал Джура,— я еще рассчитаюсь с тобой и Мамедом!

Ромка не мог понять, что произошло. Он хотел объясниться с Джурой, хотел вместе с ним идти в поле к бульдозеристам, кипятить для них чай. Но Джура сразу куда-то исчез после уроков.

По дороге домой Ромку догнал Мамед.

— Мамед, разве я обидел Джуру?

— Завидует он тебе. Не веришь? Кого угодно спроси! У кого есть блокнот с железками? У тебя! Кто погоду предсказывает? Ты!

Мамед не мог забыть, когда однажды в саду Ромка торжественно сказал: «Не надо поливать, дождь будет!» Мамед тогда посмотрел на небо. Было оно синее-синее, как обложка ученической тетради. Ни одной тучки. Сад полили, а ночью пошел дождь.

С тех пор Мамед мечтал посмотреть на Ромкин прибор. Но Ромка приглашал к себе Джуру, а Мамеда не звал. И Мамед решил поссорить товарищей.

— Я тебе говорю: не верь Джуре! — повторил он.

Ромка пожал плечами.

— Чепуха! — Но про себя подумал: «А, правда, настоящий ли друг Джура, такой ли, как Федя Сухов, как Айнабад?»

Они подошли к дому, и Ромка пригласил Мамеда посмотреть скоферинха.

— Вот эта рыба предсказывает погоду! — сказал он.

Скоферинх висел на нитке над кроватью Ромки. Длинный гладкий хвост его почти упирался в стену. А на стене были наклеены два квадрата бумаги с четкими надписями: «Ясно» и «Дождь».

Мамед, исконный житель пустыни, никогда в жизни еще не видел ни одной настоящей рыбы.

— Стоит на «Ясно»! — сказал Ромка. Он не мог лишить себя удовольствия немного порисоваться перед товарищем.

Мамед осторожно дотронулся пальцем до рыбы. Она качнулась на нитке, и длинный хвост заходил между бумажными квадратами. Мамед толкнул сильнее. Рыба, как маятник, раскачивалась из стороны в сторону, пока не остановилась. И опять стрелка хвоста упрямо показывала на «Ясно».

— Понравилась, да? — спросил Ромка.— Еще ни разу не подвела. Помнишь, как точно дождь предсказала? Я за ней все время слежу, чтобы кошки не сцапали.

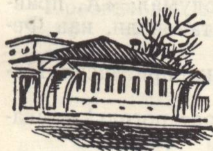
Мамед почти не слушал. Беспокойные мысли терзали его. «Рохман не станет меняться,— думал он.— Но все равно рыба будет моя. Возьму и украду. Ромка сам сказал, что ее может кошка сцапать».

(Продолжение в следующем номере.)

Он любил шахматы

Помните, ребята, эти строки из поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин»?

Знал он
слабости,
знакомые у нас,
как и мы —
перемогал болезни.
Скажем,
мне — бильярд —
отращиваю глаз,
шахматы ему —
они вождям
полезней.
И от шахмат
перейдя
к врагу натурой,
в люди
выведя
вчерашних пешек строй,
становил
рабочей человечьей диктатурой
над тюремной
капиталовой турой.

Шахматы Владимир Ильич знал с детства: в семье Ульяновых это была любимая игра. Вот что вспоминал брат Владимира Ильича Д. И. Ульянов о том, как Ленин играл в шахматы:

«Играть Владимир Ильич начал лет восьми-девяти. Играл с отцом, который был первым его учителем, со старшим братом Александром Ильичем, затем впоследствии с нами меньшими — сестрой Олей и со мной. Для меня он был учителем, и очень строгим, поэтому я больше любил играть с отцом, который снисходительно разрешал мне брать ходы обратно.

У Владимира Ильича было прекрасное правило, которого он сам всегда придерживался и строго требовал от своего партнера: обратно ходов ни в коем случае не брать — взялся за фигуру, ею и ходи. У любителей это правило очень часто нарушается, ходы берутся назад, положения переигрываются. Этот скверный обычай страшно портит и игру и игрока. Вместо того чтобы, не касаясь фигур, продумывать тщательно различные комбинации, что и дает интерес игре, что приучает точно рассчитывать за несколько ходов вперед, люди тыкают фигуры, не подумавши, торопятся, придают игре нервность, азарт.

Он обыкновенно играл серьезно и не любил так называемых «легких» партий. Играя со слабейшими игроками, чтобы уравновесить силы, давал вперед ту или другую фигуру. Когда же партнер из самолюбия отказывался, Владимир Ильич обычно заявлял: «Какой же интерес для меня играть на равных силах, когда нет надобности думать, бороться, выкручиваться?..»

Обычно наблюдается обратное — больше нравится выигрывать, хотя бы и без особых усилий и труда. Владимир Ильич смотрел иначе: у него главный интерес в шахматах состоял в упорной борьбе, чтобы сделать наилучший ход, в том, чтобы найти выход из трудного, иногда почти безнадежного положения; выигрыш или проигрыш сами по себе меньше интересовали его. Ему доставляли удовольствие хорошие ходы противника, а не слабые. Бывало, когда сделаешь в игре глупость и этим дашь ему легкий выигрыш, он говорил, смеясь: «Ну, это не я выиграл, а ты проиграл».

Уже в детстве Владимир Ильич серьезно относился ко всему тому, что он изучал или чем интересовался. Это сказалось и на его отношении к шахматам. Вот что вспоминала Надежда Константиновна Крупская.

«Сначала отец нас обыгрывал,— рассказывал Владимир Ильич,— потом мы с братом достали руководство к шахматной игре и стали отца обыгрывать. Раз — мы наверху жили — встретил отца, идет из нашей комнаты со свечой в руке и несет руководство по шахматной игре. Затем за него засел».

Владимир Ильич был очень сильным шахматистом, хотя, конечно, уделял шахматам не много времени. Известно, например, что он играл по переписке в 1888—1889 годах с одним из сильнейших в ту пору русских мастеров, А. Н. Хардиным.

Позднее, в Самаре, Владимир Ильич принимал участие и в турнирах, проводившихся на квартире у А. Н. Хардина.

Находясь в ссылке в селе Шушенском, Владимир Ильич вел громадную научную и литературную работу. Здесь он также порой отдыхал за шахматами. Он играл со ссыльными революционерами и даже вел партию по переписке с П. Н. Лепешинским, находившимся в ссылке.

«Одним из самых приятных для меня воспоминаний,— писал впоследствии П. Н. Лепешинский,— является моя игра с Владимиром Ильичем по переписке. Аккуратно, с каждым приездом почтаря, я получал письмо, в котором, помимо очередного шахматного ответа, Ильич не забывал поделиться своими литературными планами. Эти письма, которых у меня накопилось десятка два, жандармы во время одного из обысков отобрали, и они так где-то и погибли в охранке».

В ссылке Владимир Ильич иногда играл, не глядя на доску, даже одновременно с тремя противниками и обычно добивался победы.

Когда В. И. Ленин был в эмиграции, он играл в шахматы значительно реже: не было времени. Но все же и здесь подчас он отдыхал за шахматной доской.

В мае 1908 года Владимир Ильич побывал на острове Капри (Италия) у Максима Горького. Сохранилась фотография, запечатлевшая одну из шахматных встреч Владимира Ильича.

После Великого Октября Владимир Ильич не имел, конечно, возможности уделять внимание шахматам. В конце ноября 1917 года у Ленина в Смольном побывал прибывший с фронта П. Н. Лепешинский. Вот что он писал в своих воспоминаниях об этой беседе:

«А что, Владимир Ильич,— спрашиваю я шутливо,— не сыграть ли нам как-нибудь в шахматишки, а? Помните старые-то времена?

Боже мой, какой веселый взрыв раскатистого хохота удалось мне исторгнуть своей фразой из груди Ильича! Его глаза перестали смотреть вдаль и привычно залукавились, оглядывая того чудака, который так «вовремя» вспомнил о шахматах.

— Нет,— сказал он, наконец, серьезным тоном, немного успокоившись от охватившего его смеха.— Теперь уже не до шахмат. Играть больше, вероятно, не придется».

Об игре В. И. Ленина Лепешинский писал: «Если бы понадобилось оценить силу шахматной игры Владимира Ильича, то я сказал бы, что он принадлежал к первой (высшей) категории, из 5 категорий, существующих для оценки силы шахматной игры».

В. И. Ленин в гостях у А. М. Горького на острове Капри играет в шахматы.

ЭТЮД ПОНРАВИЛСЯ ЛЕНИНУ

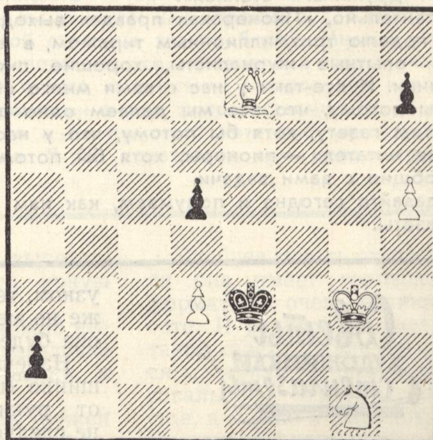

Это было в 1910 году. Владимир Ильич Ленин находился тогда в эмиграции, в Женеве (Швейцария). В одном из писем к Ленину Дмитрий Ильич Ульянов прислал ему свою шахматную задачу, которая была опубликована в приложении к журналу «Нива» (№ 3, 1909 год).

В ответном письме Владимир Ильич писал:

«Получив твою задачу, я чуточку «раззадорился» на шахматы; а то было совсем все перезабыл. Не играл, кажись, год, а всего за последние годы сыграл несколько «гусарских» и полугусарских партий. Задачку твою я решил легко. Лd8—d6. А вот в «Речи» увидел сегодня этюд, который решил не сразу и который мне очень понравился (№ от 1 февраля, № 31 (1269) этюд № 195). Положение такое: белые Крg3, Кg1, сл. е7 и пешки h5 и d3, черные Кре3 и пешки h7, d5 и а2 (т. е. последняя за ход до превращения в королеву). Белые начинают и выигрывают. Красивая штучка».

Вот позиция этюда, который понравился В. И. Ленину. Авторами этюда являются известные русские мастера шахматной композиции Владимир и Михаил Платовы.

Попробуйте и вы, ребята, решить этот этюд и шлите нам ваши решения.

Занятие второе

КАК СОСТАВИТЬ НОМЕР ГАЗЕТЫ

Ведет редактор «Пионерской правды» Т. В. Матвеева

Я вам, ребята, буду сегодня рассказывать о том, как собирается и планируется номер газеты «Пионерская правда», о некоторых вопросах нашей, как принято говорить у журналистов, «редакционной кухни».

«Но,— можете вы возразить,— ведь «Пионерская правда» — большая газета, настоящая, а газета пионерской дружины — стенная».

Действительно, «Пионерская правда» выходит два раза в неделю трехмиллионным тиражом, в ней работают опытные журналисты, хорошие писатели, художники. И все-таки у нас с вами много общего, хотя бы потому, что все мы делаем одно дело — выпускаем газету, хотя бы потому, что у нас одни и те же читатели — пионеры, хотя бы потому, что у нас общие с вами задачи.

Вот давайте сегодня и подумаем, как нам делать наши газеты.

Каждый, кто выпускает любую газету — стенную, многотиражку, всесоюзную,— прежде всего заботится о том, чтобы ее очередной номер был интересным, «читабельным», то есть хорошо читался. Во-вторых, чтобы он был не только интересным, но и полезным, чтобы его материалы задели и взволновали читателей, заставили оглянуться на себя и своих товарищей, чтобы они организовывали, звали читателя на какие-то полезные дела. Поэтому для каждого номера газеты надо выбрать все самое главное да так умело спланировать номер, чтобы было и читать интересно и самые важные вопросы не выпали.

Как узнать, что́ интересует читателей? Нам очень помогает редакционная почта — письма, пожелания читателей. Иногда мы через газету задаем ребятам вопросы: что им нравится, о чем они хотели бы прочитать; проводим обсуждения вышедших номеров и отдельных материалов; иногда посылаем читателям наши анкеты. А у вас как, ребята? Как вам узнать мнение читателей о газете? Ведь почтовый ящик может быть не только в большой, всесоюзной газете, верно? Это очень важно — знать мнение ребят о своей газете. Может, обсуждать номера газеты в отрядах или звеньях?

Что греха таить, некоторые редакторы стенгазет вспоминают о газете накануне ее выпуска и помещают в нее без разбора все заметки, какие имеются у редколлегии. Конечно, такая газета пионерами читается плохо, потому что сделана она наспех, неинтересно, заметки похожи одна на другую.

Когда мы планируем очередной номер на редакционных «планерках», где присутствуют все члены редколлегии, мы точно определяем темы, жанры, размеры материалов и даже рассматриваем примерный макет номера — что где будет стоять, какие будут иллюстрации. Таким образом, мы уже «видим» будущий номер.

А разве у вас в редколлегии, ребята, нельзя этого сделать? Вы скажете: как же можно сравнивать, в «Пионерской правде» очень много материалов, а в некоторых пионерских дружинах у редколлегий накануне выпуска газеты еще и заметок в «редакционном портфеле» нет.

Но почему нет? Вовсе не потому, как считают некоторые редакторы, что ребята писать не хотят. Совсем не поэтому. Мне думается, что газета, ее заметки мало волнуют ребят, не задевают за живое: они неконкретные, не острые. Ведь в «Пионерскую правду» пишут ваши же товарищи, которые, быть может, не раз отказывались написать вам в газету заметку на заданную тему, потому что тема-то эта пионера вовсе и не заинтересовала. А вот прочитал он в «Пионерской правде» о дружбе мальчиков и девочек или о споре Вити и Толи: «Что важнее для страны — город или деревня?»,— и захотелось ему поделиться своими мыслями.

Советы художникам стенгазеты

В. КОНСТАНТИНОВ

Вывешивать газету нужно в таком месте, где ее могут видеть все ребята и к ней легко подойти. Не следует вешать ее в узком, тесном проходе. Класс тоже не место для стенгазеты: тут она будет отвлекать от занятий.

Напечатаны ли заметки на машинке или хорошо переписаны от руки печатными буквами, не следует делать колонки очень широкими, с длинными строчками: чтение будет утомительным. Наиболее удобная ширина заметок — 12—15 см (лист писчей бумаги, сложенный пополам по высоте).

Располагайте заметки разнообразнее, чтобы они отделялись друг от друга. Одни разместите в колонку (если заметки недлинные), другие — в две или три колонки. Тогда и заголовки будут разные по длине.

Заметки отделяйте друг от друга вертикальными линиями, проведенными цветными карандашами по линейке. Заметка хорошо отделится от других, помещенных рядом, если крупно

Если вы в газете будете ставить важные, острые вопросы, интересующие ребят, волнующие их,— к вам тоже придут десятки «добровольцев». Вот тогда легко будет выбирать заметки для очередного номера. Писать критические, острые заметки в газету могут ребята смелые, принципиальные, честные. Ведь иногда приходится такому пионеру (временно, конечно) вступить в конфликт с товарищем, а иногда и с целой группой ребят. Надо, чтобы корреспондент был уверен в своей правоте и умел отстаивать свое мнение. Поэтому нужно привлечь к работе в газете ребят авторитетных, всячески помогать им, поддерживать их.

Бывают номера стенгазет сборные, а бывают и тематические. Тематические номера — это однотемные, посвященные какому-нибудь одному важному вопросу. Тематическими номерами вам увлекаться не следует. Ведь газета ваша выходит не часто, и надо сделать, чтобы она удовлетворяла интересы как можно большего числа ребят. Но если возник важный вопрос, тогда можно выпустить и тематический номер. В январе этого года «Пионерская правда» опубликовала письмо пионера Коли Пачуева с вопросом: «Для чего живут люди на Земле?»—и попросила читателей ответить на этот вопрос. Мы получили тогда 1148 писем; теперь писем с ответом Коле уже более двух тысяч.

Когда стали читать письма-ответы, пришедшие в редакцию, мы единодушно решили посвятить этому разговору целый номер газеты. Решили так потому, что были уверены: это интересно будет прочитать всем ребятам страны. Но так решили не только мы. У нас оказались единомышленники в этом вопросе — редколлегии стенгазет некоторых дружин и отрядов.

Вот, например, пионеры 15-й школы поселка Кенон, Читинской области, выпустили специальный номер, посвященный этой теме. Так они и написали у себя в стенгазете: «Для чего живут люди на Земле? 5-й «В» класс отвечает пятикласснику Коле Пачуеву». Получилась интересная газета. Интересная не только для пионеров пятых классов.

Мне думается, что вопросов и ответов ребят в стенгазетах должно быть много. Это должны быть действительно интересующие большинство ребят вопросы и ответы. И, конечно, такие вопросы, на которые в состоянии ответить ребята. Посмотрите, может, страницы «Пионерской правды» подскажут вам, какие вопросы поставить перед ребятами.

Составить план очередного номера — это значит сделать еще только полдела на подступах к его выпуску. Надо умело разместить в номере все материалы, найти каждой заметке свое место, умело «подать», как говорят журналисты, материал.

Когда на стене висит свежий номер газеты, все, кто подошел, чтобы его прочитать, должны видеть, на что обращено главное внимание редколлегии. Читатель, конечно, прочитает особо выделенную шрифтом, рисунком, поданную на видном месте заметку.

Владимир Ильич Ленин, отправляя в газету «Правда» наиболее важные статьи, просил редакцию поместить их «на видном месте крупным шрифтом».

Можно ли в стенгазете относиться к расположению заметок, к «верстке газеты», по принципу «куда что поместится»? Конечно, нет. У нас в «Пионерской правде» наиболее важные материалы публикуются на 1-й странице и сверху на остальных страницах. Теперь посмотрите на свою стенгазету, и вы убедитесь, что самое видное место на стенной газете — это верхняя часть середины газетного листа. Эту особенность нужно учитывать. В самом деле, поместите важный материал вниз или вправо, и он не будет сразу бросаться в глаза. Чтобы его прочли, художникам придется его специально выделять.

Уголки сатиры рекомендуется размещать внизу, «подвалом», а шарады, ребусы, загадки в рисунках — на последних колонках справа. Здесь они лучше выделяются, лучше смотрятся.

Передовые, важные статьи, которыми обычно открывается номер, помещаются слева, на первых колонках, откуда должно начинаться чтение газеты.

Чтобы важный материал лучше читался, привлекал внимание, его надо хорошо оформить — придумать интересный заголовок, нарисовать картинку или дать хорошее фото. По-моему, не надо, ребята, размещать материалы в газете по отделам, которые создаются в некоторых редколлегиях. Вам будет трудно определить главное в газете, да к тому же учение, пионерская работа, спорт и другие вопросы — все это одно целое в жизни вашего коллектива, дружины, школы. Если вы решили обсудить в газете какой-то важный вопрос и у вас собралось много откликов, выберите наиболее интересные и сделайте подборку. Эту подборку выделите рамочкой, заметки напишите почерком, отличным от других заметок, и вы увидите, как хорошо будет смотреться на газетной странице эта подборка. Многие редколлегии располагают все материалы в газете симметрично, со строго вытянутыми заголовками и точно расположенными в ряд фотографиями. Это и не очень красиво и не помогает читателю увидеть в газете главное. Я бы советовала вам делать примерный

написать или наклеить вырезанную из цветной бумаги яркую первую буквицу.

Из цветной бумаги можно вырезать и буквы для заголовка газеты, и буквицы, линейки, и несложные орнаменты.

Хороший клей очень нужен художнику школьной стенной газеты. Если заметки, рисунки, фотографии, цветные буквы аккуратно и чисто наклеены, не топорщатся, это делает газету красивой и привлекательной.

Удобнее читать стенгазету, если она имеет горизонтальный формат, не очень велика по высоте. И располагать материал в такой газете проще: не уместился материал на одном листе рисовальной бумаги — подклейте еще, а можно и еще, хоть во всю длину школьного коридора. А если газета велика по высоте, то около нее будет толкотня и беспорядок, такую будет очень трудно и утомительно читать всем сразу.

макет номера. Вместе с вашим художником возьмите лист белой бумаги и представьте себе, что это уменьшенная в несколько раз ваша будущая газета. Примерный размер готовых заметок вы уже знаете.

Вот и прикиньте карандашиком, что где у вас будет размещено. При этом выделите главное в газете, определите, где будут «пятна» — рисунки, фото,— набросайте заголовки, нарисуйте рамочки. Сделайте несколько вариантов макета, и тот, который вам понравится, попробуйте сделать уже поточнее: определите, кому вы поручите переписать каждую заметку, чтобы они были написаны разными почерками — одни крупными буквами, другие — мелкими; подумайте, где какой будет рисунок, каким шрифтом будет сделан заголовок. При этом, конечно, надо разнообразить и жанры. Постарайтесь, чтобы в номере у вас были и заметки ребят,

и стихи, и выступления взрослых, и фельетоны, и корреспонденции из отрядов, и пародии, и басни, и интересные информации. Чем больше будет разнообразных материалов по жанрам и по темам, тем интереснее будет ваша газета. Конечно, делать это все надо разумно, а не пихать в газету все подряд. Составление макета — дело трудное. У нас в «Пионерской правде», когда собирается номер, прикидываются десятки макетов каждой страницы, макет номера мы утверждаем на редколлегии и все-таки нередко еще вносим изменения. Может быть, у некоторых ребят из вашей дружины родители — журналисты. Они вас с удовольствием научат составлять макет, правильно размещать материалы, снимки, заметки. А то обратитесь к шефам. На многих заводах, фабриках, в крупных совхозах выходят многотиражные газеты. Там вам дадут нужную консультацию. Если вы научитесь делать макеты, вам будет очень легко выпускать газету. А какое, ребята, вы получите удовлетворение, когда увидите, как макет превращается в настоящую, красивую газету!

И еще вот о чем я хотела с вами поговорить. Газета ваша должна быть хорошим организатором ребят. В вашей дружине, наверное, есть отряды — спутники семилетки. Это движение организовала «Пионерская правда». А помните, как это было? Перелистайте подшивку «Пионерской правды» за прошлый год. Опубликовав предложение ростовских пионеров, газета из номера в номер помещала отклики, корреспонденции, советы.

Отряды — спутники семилетки появились по всей стране. Удалось газете это потому, что своими материалами она организовывала ребят, звала на полезные и нужные дела, разжигала соревнование пионеров — одних хвалила, других критиковала, третьим помогала. Вот и вы, советуясь с учителями, пионервожатой, должны организовывать своих читателей на важнейшие дела, которые решает сегодня ваша пионерская дружина, ваша школа. Что у вас сегодня главное? Подготовка к лету? Вот и взяться бы редколлегии за дело: рассказать о хорошем плане одного отряда, покритиковать другой за то, что он даже не собирается в поход, поставить в газете вопрос: почему при вашей школе нет палаточного лагеря?

Как видите, у нас с вами в работе очень много общего. И мы будем рады, если опыт «Пионерской правды» и наши советы принесут вам пользу.

Желаем вам успехов, ребята!

Сравните эти два макета. Пожалуй, макет газеты «Красный галстук» интереснее... А как выглядит ваша газета?

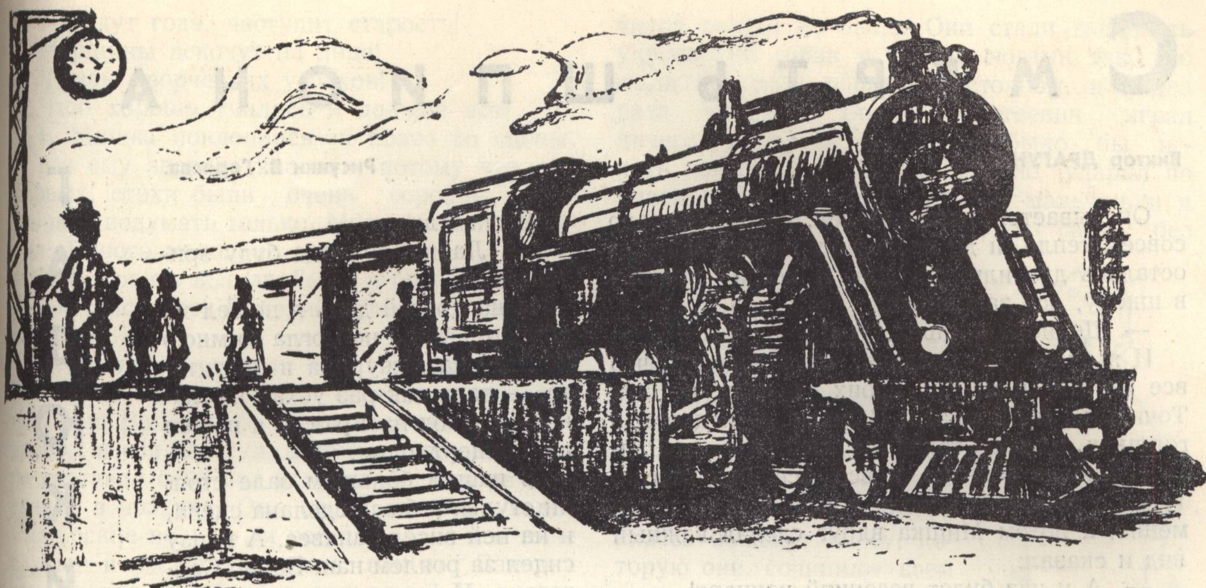

ЗАДАНИЕ ВТОРОЕ

1. Пришлите макет очередного номера вашей газеты.
2. Напишите заметку на одну из следующих тем:
   Дружный ли у нас отряд?
   Так ли должен работать совет отряда?
   Что значит быть смелым пионером? Кто у нас самый смелый?

Тему можете предложить и свою, только она должна быть острой, вызывать споры.

Заметку опубликуйте в своей газете, перепишите и пришлите на курсы.

ВЕСНОЙ

Геннадий СНЕГИРЕВ

Рисунки В. Трофимова.

На дворе шел снег, было холодно. Но я знал, что в Казахстане сейчас весна. И так мне захотелось увидеть, что делается там весной, что я купил билет и поехал...

Сначала поезд мчался среди лесов, и вечером закат был багровым от мороза. На Волге мокрый ветер качал деревья, грачи уже прилетели и ходили по полям.

В Казахстане снег лежал в ямках около телеграфных столбов. Весенний верблюд нюхал рельсы и линял. А на одной станции продавали кисель, и дикие осы садились на руки, и в степи родился голубой верблюжонок, слабенький и слепой.

Я спросил казаха, когда глаза у верблюжонка откроются. Он сказал, как глаза откроются, его в сарае запрут.

Я удивился.

— Он, наверно, погулять захочет?

— Нельзя ему погулять,— вздохнул казах и рассказал, что у верблюжонка кожа на пяточках еще нежная, а в степи скорпионы под камнями притаились, и змеи, и ядовитый паук кара-курт. И все они только и ждут, чтоб верблюжонок в степь убежал.

Поезд поехал дальше. Я стоял у окна, думал: змею увижу или скорпиона. Но так и не увидел.

Только на повороте увидел я, как мчится паровоз, а впереди, около рельса, стоят желтые столбики. Вот-вот налетит паровоз на столбик... И вдруг столбик катится в степь. Это суслики. Они свою храбрость показывают.

Огромное железное чудовище несется на суслика, а он стоит, лапки прижал к груди и не шевелится. Колеса гремят все ближе: тук-тук, тук-тук! А сердце у суслика от страха: тук-тук, тук-тук, тук-тук! Наконец не выдерживает суслик и с визгом назад, в норку. Там его ждет невеста.

А степь красным ковром покрыта! Тюльпаны захлестнули все. Ветерок их покачивает, они волнами переливаются, то розоватые, то совсем как огонь, а вон желтая полоса пробилась... Жаворонок черный на камушке сидит, вот он взвился и поднимается все вверх, все вверх и весь дрожит, трепыхается от песен. А солнце так и жжется, так и палит.

Смерть шпиона Гадюкина

Виктор ДРАГУНСКИЙ

Рисунки В. Горяева.

Оказывается, пока я болел, на улице стало совсем тепло и до последних наших каникул осталось два или три дня. Я когда пришел в школу, все закричали:

— Дениска пришел, ура!

И я очень обрадовался, что пришел и что все ребята сидят на своих местах: и Катя Точилина, и Мишка, и Валерка, — и цветы в горшках, и доска такая же блестящая, и Раиса Ивановна веселая, и все, все, как всегда. И мы с ребятами ходили и смеялись на переменке, а потом Мишка вдруг сделал важный вид и сказал:

— А у нас будет весенний концерт!

Я сказал:

— Ну да?

Мишка сказал:

— Верно! Мы будем выступать на сцене. И ребята из четвертого класса нам покажут постановку. Они сами сочинили. Интересная!

Я сказал:

— А ты, Мишка, будешь выступать?

Он сказал:

— Подрастешь — узнаешь!

И я стал с нетерпением дожидаться концерта. Я дома все это сообщил маме, а потом сказал:

— Я тоже хочу выступать...

Мама улыбнулась и говорит:

— А что ты умеешь делать?

Я сказал:

— Как, мама? Разве ты не знаешь? Я умею громко петь. Ведь я хорошо пою? Ты не смотри, что у меня тройка по пению. Все равно я пою здорово.

Мама открыла шкаф и откуда-то из-за платьев сказала:

— Ты споешь в другой раз. Ведь ты болел... Ты просто будешь на этом концерте зрителем.— Она вышла из-за дверцы шкафа. — Это так приятно — быть зрителем! Сидишь, смотришь, как артисты выступают... Хорошо! А в другой раз ты будешь артистом, а те, кто уже выступал, — зрителями. Ладно?

Я сказал:

— Ладно. Я тогда буду зрителем.

И на другой день я пошел на концерт. Мама не могла со мною пойти: она дежурила в институте, — папа как раз уехал на какой-то завод на Урал, и я пошел на концерт один.

В нашем большом зале стояли стулья и была сделана сцена, и на ней висел занавес. А внизу сидел за роялем наш Борис Сергеевич. И мы все уселись, а по стенкам встали бабушки нашего класса. А я пока стал грызть яблоко.

Вдруг занавес открылся, и появилась наша октябрятская вожатая Люся. Она сказала громким голосом, как по радио:

— Начинаем наш весенний концерт! Сейчас ученик первого класса «В» Миша Слонов прочтет нам свои собственные стихи! Попросим!

Тут все захлопали, и на сцену вышел Мишка. Он довольно смело вышел, дошел до середины и остановился. Он постоял так немножко и заложил руки за спину. Опять постоял. Потом выставил вперед левую ногу. Все ребята сидели тихо-тихо и смотрели на Мишку. А он вдруг убрал левую ногу и выставил вперед правую. Все молчали. Тогда Мишка снова переменил правую на левую. Потом левую на правую. Потом он вдруг стал откашливаться:

— Кхм! Кхма! Кхме!

Я сказал:

— Ты что, Мишка, поперхнулся?

Он посмотрел на меня, как на незнакомого. Потом поднял глаза в потолок и сказал:

— Стих...

Пройдут года, наступит старость!
Морщины вскочут на лице!
Желаю творческих успехов!
Чтоб хорошо учились и дальше все!

И Мишка поклонился и полез со сцены. И все ему здорово хлопали, потому что, во-первых, стихи были очень хорошие, а во-вторых, подумать только, Мишка сам их сочинил! Просто молодец!

И тут опять вышла Люся и объявила:

— Выступает Валерий Тагилов, первый класс «В»!

Все опять захлопали еще сильней, а Люся поставила стул на самой середке, и тут вышел наш Валерка со своим маленьким аккордеоном и сел на стул, а чемодан от аккордеона поставил себе под ноги, чтобы они не болтались в воздухе. Он сел и заиграл вальс «Амурские волны», и все слушали, и я тоже слушал и все время думал: как это Валерка так быстро перебирает пальцами? И я стал тоже так быстро перебирать пальцами по воздуху, но не мог поспеть за Валеркой. А сбоку, у стены, стояла Валеркина бабушка; она помаленьку дирижировала, когда Валерка играл. И он хорошо играл, громко, мне очень понравилось. Но вдруг он в одном месте сбился. У него остановились пальцы. Валерка немножко покраснел, но опять зашевелил пальцами, как будто дал им разбежаться, но пальцы добежали до какого-то места и опять остановились, ну, просто как будто споткнулись. Валерка стал совсем красный и снова стал разбегаться, но теперь его пальцы бежали как-то боязливо, как будто знали, что они все равно опять споткнутся, и я уже готов был лопнуть от злости, но тут на том самом месте, где Валерка два раза спотыкался, его бабушка вдруг вся подалась вперед и запела:

Серебрятся волны.
Серебрятся волны...

И Валерка сразу подхватил, и пальцы у него как будто перескочили через какую-то неудобную ступеньку и побежали дальше, дальше, быстро и ловко до самого конца. Вот уж ему хлопали так хлопали! А его бабушка даже кричала «бис!».

После этого на сцену выскочили шесть девочек из первого «А» и шесть мальчиков из первого «Б». У девочек в волосах были разноцветные ленты, а у мальчиков ничего не было. Они стали танцевать украинский гопак и топали ногами так, что пыль на сцене поднялась столбом, и я два раза чихнул. Борис Сергеевич играл ничего себе, хотя можно было бы играть погромче. Потом он сильно ударил по клавишам и кончил играть. А мальчишки и девчонки еще топали по сцене сами, без музыки, кто как, и это было очень весело и красиво, и я уже собрался тоже слазить к ним на сцену немного потопать, но они вдруг разбежались, и вышла Люся и сказала:

— Перерыв — пятнадцать минут. После перерыва учащиеся четвертого класса покажут пьесу, которую они сочинили всем коллективом, под названием «Собаке — собачья и смерть».

И все задвигали стульями и пошли кто куда, а я вытащил из кармана свое грызеное яблоко и начал его догрызать. А наша октябрятская вожатая Люся стояла тут же рядом. Вдруг к ней подбежала довольно высокая рыженькая девочка и сказала:

— Люся, можешь себе представить, Егоров не явился!

Люся всплеснула руками:

— Не может быть! Что же делать? Кто же будет звонить и стрелять?

Девочка сказала:

— Нужно немедленно найти какого-нибудь сообразительного паренька; мы его научим, что делать!

Тогда Люся стала глядеть по сторонам и заметила, что я стою и грызу яблоко. Она сразу обрадовалась.

— Вот, — сказала она, — Дениска! Чего же лучше? Он нам поможет. Дениска, иди сюда!

Я подошел к ним поближе. Рыжая девочка посмотрела на меня и сказала:

— А он вправду сообразительный?

Люся говорит:

— По-моему, да!

А рыжая девочка говорит:

— А так с первого взгляда не скажешь!

Я сказал:

— Можешь успокоиться! Я сообразительный.

Тут они с Люсей засмеялись, и рыжая девочка потащила меня на сцену.

Там стоял мальчик из четвертого класса; он был в черном костюме, и у него были засыпаны мелом волосы, как будто он седой. Он держал в руках пистолет, а рядом с ним стоял другой мальчик, тоже из четвертого класса. Этот мальчик был приклеен к бороде, на носу у него сидели синие очки, и он был в клеенчатом плаще с поставленным воротником.

Тут же были и еще мальчики и девочки, кто с портфелем в руках, кто с чем, а одна девочка в косынке, в халатике и с веником.

Я как увидел у мальчика в черном костюме пистолет, так сразу спросил его:

— Это настоящий? Вальтер или браунинг?

Но рыжая девочка перебила меня.

— Слушай, Дениска, — сказала она, — ты будешь нам помогать. Встань тут сбоку и смотри на сцену. Когда вот этот мальчик скажет: «Этого вы от меня не добьетесь, гражданин Гадюкин!», — ты сразу позвони в этот звонок. Понял?

И она протянула мне велосипедный звонок. Я взял его.

Девочка сказала:

— Ты позвонишь, как будто это телефон, а этот мальчик снимет трубку и поговорит по телефону и уйдет со сцены. А ты стой и молчи. Понял?

Я сказал:

— Понял, понял! Чего тут не понять? А пистолет у него настоящий? Парабеллум или какой?

— Погоди ты со своим пистолетом! Вот именно, что он ненастоящий! Слушай: стрелять будешь ты здесь, за сценой. Когда вот этот, с бородой, останется один, он схватит со стола папку и кинется к окну, а этот мальчик в черном костюме в него прицелится, тогда ты возьми эту досточку и что есть силы стукни по стулу. Вот так, только гораздо сильней.

И рыженькая девочка бахнула по стулу доской. Получилось очень здорово, как настоящий выстрел. Мне понравилось.

— Здорово! — сказал я. — А потом?

— Это все, — сказала девочка, — если понял, повтори!

Я все повторил. Слово в слово. Она сказала:

— Смотри же, не подведи!

Я сказал:

— Можешь успокоиться! Я не подведу.

И тут раздался наш школьный звонок, как на уроки.

Я положил велосипедный звонок на отопление, прислонил досточку к стулу, а сам стал смотреть в щелочку занавеса. Я увидел, как пришла Раиса Ивановна и Люся, и как садились ребята, и как бабушки опять встали у стенок, а сзади чей-то свободный папа взгромоздился на табуретку и начал наводить на сцену фотоаппарат. Было очень интересно отсюда смотреть туда. Гораздо интересней, чем оттуда сюда. Постепенно все стали затихать, и девочка, которая меня привела, побежала на другую сторону сцены и потянула за веревку. И занавес открылся, и эта девочка спрыгнула в зал. А на сцене стоял стол, и за ним сидел мальчик в черном костюме, и я знал, что в кармане у него пистолет. А напротив этого мальчика ходил мальчик с бородой. Он сначала рассказал, что долго жил за границей, а теперь вот приехал опять, и потом стал нудным голосом приставать и просить, чтобы мальчик в черном костюме показал ему план аэродрома.

Но тот сказал:

— Этого вы от меня не добьетесь, гражданин Гадюкин!

Тут я сразу вспомнил про звонок и протянул руку к отоплению. Но звонка там не было. Я подумал, что он упал на пол, и наклонился посмотреть. Но его не было и на полу. Я даже весь обомлел. Потом я взглянул на сцену. Там было тихо-тихо. Но потом мальчик в черном костюме подумал и снова сказал:

— Да, да! Этого вы от меня не добьетесь, гражданин Гадюкин!

Я просто не знал, что делать. Где звонок? Он только что был здесь! Не мог же он сам ускакать, как лягушка! Может быть, он скатился за отопление? Я присел на корточки и стал шарить по пыли за отоплением. Звонка не было! Нету! Люди добрые! Что же делать?!

А на сцене бородатый мальчик стал ломать себе пальцы и кричать:

— Я вас пятый раз умоляю! Все-таки покажите мне план аэродрома!

А мальчик в черном костюме повернулся ко мне лицом и заорал страшным голосом:

— Этого вы от меня не добьетесь, гражданин Гадюкин!

И погрозил мне кулаком. И бородатый тоже погрозил мне кулаком! Они оба мне грозили!

Я подумал, что они меня убьют. Но ведь не было звонка! Звонка-то не было! Он потерялся.

Тогда мальчик в черном костюме схватился за волосы и сказал, глядя на меня с умоляющим выражением лица:

— Сейчас, наверно, позвонит телефон! Вот увидите, сейчас позвонит телефон! Сейчас позвонит!

И тут меня осенило. Я высунул голову на сцену и быстро сказал:

— Динь-динь-динь!

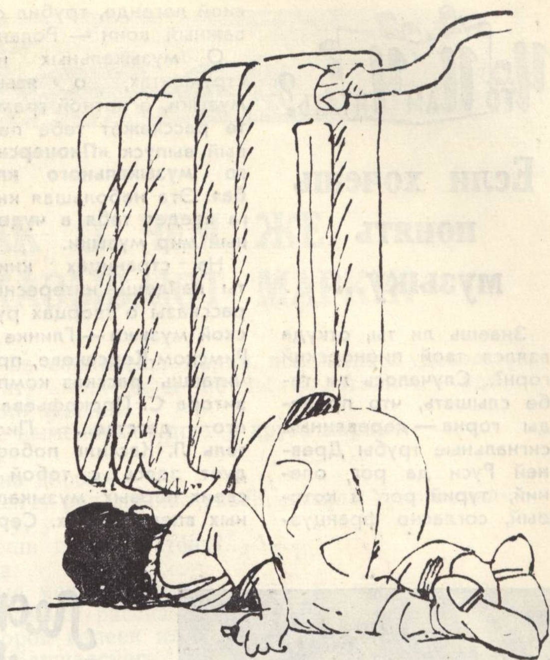
И все в зале страшно рассмеялись. Но мальчик в черном костюме очень обрадовался и сразу схватился за трубку. Он весело сказал:

— Слушаю вас! — И вытер пот со лба.

А дальше все пошло как по маслу. Мальчик в черном встал и сказал бородатому:

— Меня вызывают. Я приеду через несколько минут!

И ушел со сцены. И встал на другой стороне. И тут мальчишка с бородой пошел на цыпочках к его столу и стал там рыться и все время оглядываться. Потом он злорадно рассмеялся, схватил какую-то папку и побежал

к задней стене, на которой было наклеено картонное окно. Тут выбежал другой мальчик и стал в него целиться из пистолета. Я сразу схватил доску да как трахну по стулу изо всех сил. А на стуле сидела какая-то неизвестная кошка. Она закричала диким голосом, потому что я попал ей по хвосту. Выстрела не получилось, зато кошка поскакала на сцену. А мальчик в черном костюме бросился на бородатого и стал душить. Кошка носилась между ними. Пока мальчики боролись, у бородатого отвалилась борода. Кошка подумала, что это мышь, схватила ее и, слава богу, убежала. А мальчик, как только увидел, что он остался без бороды, так сразу лег на пол, как будто умер. Зрители смеялись, как сумасшедшие. Тут на сцену прибежали остальные ребята из четвертого класса, кто с портфелем, кто с веником, они все стали спрашивать:

— Кто стрелял? Что за выстрелы?

А никто не стрелял. Просто кошка подвернулась и всему помешала.

Но мальчик в черном костюме сказал:

— Это я убил шпиона Гадюкина!

И тут рыженькая девочка закрыла занавес. И все, кто был в зале, хлопали так сильно, что у меня заболела голова. Я быстренько спустился в раздевалку, оделся и побежал домой. А когда я бежал, мне все время что-то мешало. Я остановился, полез в карман и вынул оттуда... велосипедный звонок!

Если хочешь понять музыку...

Знаешь ли ты, откуда взялся твой пионерский горн?.. Случалось ли тебе слышать, что прадеды горна — деревянные сигнальные трубы Древней Руси да рог, олений, турий рог, в который, согласно французской легенде, трубил отважный воин — Роланд?

О музыкальных инструментах, о языке музыки, о нотной грамоте расскажет тебе первый выпуск «**Пионерского музыкального клуба**». Эта небольшая книга введет тебя в чудесный мир музыки.

На страницах книги ты найдешь интересные рассказы о творцах русской музыки — Глинке и Римском-Корсакове, прочитаешь рассказ композитора С. Прокофьева о его детстве... Писатель Л. Кассиль побеседует здесь с тобой о своих первых музыкальных впечатлениях. Серьезные выступления писателей и композиторов, как оно и положено в клубе, перемежаются веселыми стихами, шутками, загадками.

Если ты любишь музыку, обязательно прочитай эту книгу. Если ты еще не успел полюбить это удивительное искусство, тем более прочитай ее... Глубоко прав композитор Д. Шостакович, написавший в предисловии к первому выпуску «Клуба»: «...Эта книга не совсем обычна для юных читателей. И все же, прочтя ее, каждый будет знать больше, чем знал до сих пор».

Ю. Новикова

На улице все обращают внимание на мою палку. И действительно, такой палки ни у кого нет. Я сделал ее из можжевельника под руководством художника А. М. Лаптева.

Мы встретились с ним в прошлом году в доме отдыха, и я сразу же, как выражается Алексей Михайлович, «заболел корешками». Не только я один испытал приступ этой болезни. Весь наш дом отдыха начал искать старые, извилистые корни, смотреть, что они напоминают и что надо убрать, чтобы получилась фигурка зверя, лицо человека или такая палка, как у меня.

У Алексея Михайловича зоркие глаза и умелые руки. Он видит то, что обычно скрыто от других. И еще у него богатое воображение. Поднимет он с земли корешок, посмотрит, прикинет, повернет раз, другой, третий — и уже в его руках не корешок, не сучок, а верблюд или крылатая антилопа. Все искусство именно в том и состоит, чтобы это увидеть!

У художника не сразу появилась такая ясность зрения, с самого детства он этому учился, и инструменты у него поэтому самые простые: перочинный нож, пила, топорик.

Мастер любит свое дело, вкладывает в него и увлечение, и страсть, и спортивный азарт.

Да, да, не смейтесь, именно спортивный азарт. Ведь недаром Алексей Михайлович употребляет словечко «болеть»... Как это интересно и спортивно! Тут и приключение, и прогулка в лес, и выдумка. Ну, а если не один человек отправится на поиски, тогда еще интереснее: кто быстрее, кто больше найдет?

О своих лесных находках, о том, как и что он из них смастерил за долгие годы, Алексей Михайлович Лаптев написал для вас книгу «Лесные диковины». Она вышла в Детгизе. Советую вам прочитать эту книгу и поскорее заболеть той же прекрасной болезнью, от которой мне теперь, после встречи с Алексеем Михайловичем, уже вовек не избавиться...

И. Рахтанов

Книги в стене

Ребята из Дома пионеров города Сортавала (Карельская АССР) отправились в поход на Ладожское озеро. Путь их лежал мимо детского санатория.

И вот «историки», Коля Александров, Игорь Чернов и Валя Ерш, увидели, что возле конюшни валяются пожелтевшие книжные страницы...

Незадолго до этого дня ребятам довелось держать в руках старинную книгу. Говорили, что она найдена где-то неподалеку от города. На книге стоял номер «17». И, перелистывая с волнением пожелтевшие, закапанные воском страницы, пионеры говорили о том, что эта книга, должно быть, пронумерована в каком-нибудь старинном архиве.

Неужели они набрели на этот архив?

Ребята попросили конюха открыть конюшню. Но он заупрямился и отказался. Пришлось идти к директору санатория.

Наконец мальчики вошли в конюшню. Здесь было полутемно, пахло сеном и, на первый взгляд, не предвиделось ничего интересного...

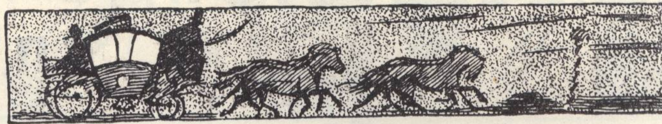
— Смотрите! — закричал Коля, показывая на стену.

Одна из досок отошла, внутри что-то темнело. Отодвинув доску, ребята увидели целую стену книг в темных кожаных переплетах. От волнения у «историков» захватило дух.

Плотно набив рюкзаки книгами и документами, ребята отнесли свою находку в Дом пионеров. За остальными книгами пришлось прийти в воскресенье, призвав на помощь товарищей. Среди старых книг и документов, найденных пионерами, оказался документ от 1758 года, документы о восстании крестьян в вотчине графа Орлова (1805 г.), о польском восстании 30-х годов прошлого века. Из многих книг можно почерпнуть любопытные сведения об истории края. Среди рукописей были метрические книги и протоколы.

Сорок книг пионеры передали районному архиву, а четыре, в том числе и старинное сочинение «Против неправды», подарили Московскому историческому музею.

Ю. Савицкая

ТАК О ЧЕМ ЖЕ РАССКАЗЫВАЮТ МАРКИ?

Если ты даже не собираешь марки, все равно с удовольствием прочтешь эту книгу; если же ты филателист,— удовольствие получишь вдвойне.

Видел, как двое выменивают друг у друга марки?

— Моя лучше!

— Нет, моя: она дороже.

— А моя в тысячу раз дороже твоей, понял? У кого, скажи, есть такая? Ну, у кого?

— А моя знаешь сколько сто́ит?..

И так без конца.

Но эти азартные менялы, должно быть, не встречали человека, которому марки рассказывают что-нибудь поважнее того, что сто́ят сорок копеек или там три цента. Человека вроде **Рудольфа Бершадского,** написавшего книгу **«О чем рассказывают марки».**

Уж он-то знает настоящую цену марки, сколько бы она номинально не стоила! Если марка рассказывает о жизни — а рассказать может почти каждая марка,— утверждает он, ей нет цены!

...Маленькая, розового цвета марка с контуром острова в Атлантическом океане и головой неизвестной птицы в овале. Если бы она попала тебе в руки, ты бы только подивился загадочным словам, начертанным на ней,— «Ленди» и «паффин»,— и, наверное, отнес бы в своем альбоме в какой-нибудь фантастический раздел под названием «Марки Атлантического океана». Что с ней еще делать? Но вот, оказывается, розовая марка может рассказать целую историю крохотного скалистого островка в Бристольском заливе, историю «королевства» Ленди (что, не слышал про такое?), странной монеты «паффин» и «короля» Хармана. Она поведает о том, «что́ способны вытворить деньги в мире, где единственный настоящий король — они сами».

Когда же больше завидуешь автору? Когда он говорит: «Есть у меня в альбоме первые марки — английские и наши, отечественные», «У меня есть египетская марка, погашенная штемпелем с такой надписью...»? Или когда он рассказывает, что сто́ит за маркой,— о ее происхождении и подчас удивительной судьбе?

Я думаю, что даже те двое азартных менял засомневались бы...

Так о чем же рассказывают марки любознательному человеку? О многом. Очень интересном.

Вл. Глоцер

За честь отряда-спутника

«НЕОКОНЧЕННАЯ ИСТОРИЯ» ПОЛУЧАЕТ ХОРОШИЙ КОНЕЦ

Дорогая редакция!

В первом номере журнала «Пионер» я читала «Неоконченную историю» о Павлике Гуленко. Он пришел в отряд — спутник семилетки. Но Павлик не болел душою за честь отряда. Он получал двойки и срывал уроки, произнося свое знаменитое «тю!», над которым смеялись ребята. Я думаю, что очень плохо делали ребята, когда смеялись над его «шутками». Нужно было не смеяться, а не обращать внимания на его проделки и прикрикнуть, чтоб не мешал слушать на уроках.

Ира ОСИПОВА

Челябинская область, Пластский район, село Черноречье.

Ира Осипова не одна. Много ребят прислали нам письма. Всех их волнует судьба Павлика Гуленко. И правильно: какие мы были бы пионеры-ленинцы, если бы спокойно смотрели, как товарищ отделяется от отряда? Потому у нас пионерская организация и сильная, что все горой стоят за каждого товарища. Особенно в отрядах — спутниках семилетки. Главный закон отряда-спутника: «Один за всех, все за одного».

Отряд из города Изюма, в котором состоит Павлик, мне понравился своей дружбой, пионерскими делами. Но мне кажется, ребята заблуждаются. И заблуждаются в том, что не считают Павла Гуленко членом своего отряда. Мы тоже спутники семилетки. У нас все до одного подчиняются правилам отряда. Мы никому не позволим нарушать их!

Володя ОРДИНАРЦЕВ,

Тамбовская область, Ржаксенский район,
Пустоваловский сельсовет, средняя школа.
Отряд-спутник семилетки.

Даже маленькие октябрята спешат на помощь Павлику Гуленко. Вот смотрите:

Здравствуйте, дорогая редакция «Пионера»! Правда, я не подписался на этот журнал. Подписался мой старший брат. Но, прочитав «Неоконченную историю», я подумал, что не нужно оставлять Павлика в стороне, а надо ему помочь.

Октябренок Михаил КЛИШИН

пос. Котовское, Молдавская АССР.

Наверно, Миша будет хорошим пионером, когда даст торжественное обещание.

Ну, а что же скажет сам Павлик Гуленко? ВОТ КАКОЕ ПИСЬМО ПОЛУЧИЛИ МЫ ОТ НЕГО.

Я, пионер 5"а" класса 2го звена Изюмской средней школы №4, торжественно обещаю вести себя хорошо, и если я буду плохо себя вести, то пускай с меня снимают галстук.
Гуленко Павел. Кровь.

В ответ мы послали телеграмму:

В ТВЕРДОСТИ ТВОЕГО СЛОВА УВЕРЕНЫ. ДЕРЖИСЬ КРЕПКО, ТЫ ПОКЛЯЛСЯ КРАСНЫМ ГАЛСТУКОМ.
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА „ПИОНЕР"

ЧАСЫ ДОСУГА

ДОБРЫЙ СОВЕТ

Эта задача состоит из десяти отдельных таблиц с картинками, а потому и решается в десять приемов. Способ же решения всюду одинаковый.

Начинай решать головоломку с первой таблицы. Возьми листок бумаги и напиши названия предметов, на ней изображенных. Облегчая тебе эту работу, художник каждый нарисованный им предмет снабдил точками; сколько точек, столько и букв в слове, обозначенном рисунком.

Каждая таблица разделена на две части: левую и правую. Буквы, относящиеся к правой части таблицы, нужно вычеркнуть из числа букв, которые относятся к левой части таблицы, а те буквы, которые останутся невычеркнутыми, напиши в алфавитном порядке. Теперь остается лишь взять эти буквы в той последовательности, которая указана цифрами внизу каждой таблицы. Это и есть ее решение.

Справился с первой таблицей — принимайся за остальные. Когда найдешь буквенные значения всех десяти таблиц, прочитаешь мудрую народную поговорку — добрый совет тебе и твоим товарищам.

Составил **Г. Зотов.**

I — 1·3·2 — 1·2·3

II — ПЛАНЕТА

III — 1·3·2 — 3·2·1

IV

V — 2·1·3 — 2·1·3·4

VI — Якутск, Алдан

VII — 3·4·1·2 — 2·3·1

VIII

IX — ПОЧТА, 40 коп., 1 литр — 1·4·3·2 — 1·2·3

X — XVIII век, XIX век, XX век

ПЯТЬ ГОРОДОВ

Заполните пустые клетки буквами, чтобы получить названия трех советских и двух зарубежных городов.

А. Левшин

СЛОВА В СЛОВАХ

Найдите слова (названия государств, городов, рек, озер, гор), в каждое из которых входит одно из следующих географических названий:
1. Иран. 2. Анды. 3. Нева. 4. Куба. 5. Чу. 6. Гана. 7. Ван. 8. Тур. 9. Дно. 10. Ока. 11. Или.

Составил **Н. Сарваниди.**

ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРКИ

Сумма четырех чисел равна 50. Если к первому числу прибавить 4, от второго отнять 4, третье умножить на 4, а четвертое разделить на 4, то все четыре результата будут равны между собой. Какие это числа?

Прислал **В. Гаврилов.**

ПОМЕЩЕННЫЕ в № 3

АФОРИЗМ ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

Слова = суммы:
1. УС + МУХИ = СУХУМИ.
2. ГОЛ+ИВА=ИВОЛГА.
3. ГОРА + КАМИН = ГАРМОНИКА.
4. ПАР + РОТ = РАПОРТ.
5. ДО + ВЕЕР = ДЕРЕВО.

Текст криптограммы: **«Слава в руках труда».**

СЕКРЕТНАЯ ПЕРЕПИСКА

Дина сначала определила, какой цифре соответствует каждая буква папиных примеров. Нетрудно установить, что букве «о» (первый пример) соответствует цифра I, так как «см + вч = овв», где «о» больше единицы никак не может быть. Из второго примера видно, что «вч» равно половине «см», а следовательно, «см», деленное на «вч», равно 2; таким образом, буква «е» обозначает число 2. Учитывая, что «см — вч = вч» и что «м», умноженное на «ч», дает в произведении «ч» единиц (третий пример), путем подстановки находим «ч» = 8, ибо 5 и 4 исключаются другими примерами, но «ч + ч» дает число, оканчивающееся на «м» (второй пример), значит, «м» обозначает цифру 6, и тогда буква «в» (первый пример) может обозначать только цифру 4. Дальнейшее ясно.

В ответной записке Дина написала фразу: «Вот в чем кроется секрет»,— заменив в ней буквы соответствующими цифрами. Буквы «т» ей не хватало, и она обозначила ее цифрой 5, которая в приведенных примерах не встречается.

В ТИРЕ

Диаметры всех отверстий одинаковы, а потому и вероятность попадания одинакова.

ЗАГАДКИ

1. Невод. 2. Ручей.

Содержание

На вклейках:
Их судьбы.— Картина М. Горбатенко.
Музыка. Вечерняя почта. В. И. Ленин среди детей.— Рисунки Н. Жукова.
В. И. Ленин среди крестьян.— Картина В. Цыплакова.

На обложке:
«У Ленинского шалаша».
Рисунок О. Траскиной.

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Редакционная коллегия: **В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе** (заместитель редактора), **В. И. Орлов, В. А. Поддубная** (ответственный секретарь), **М. П. Прилежаева, Г. Я. Тимофеева.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комн. 710, тел. Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **А. Ефимова.**

А 00269. Подписано к печати 23/III. 1960 г. Тираж 550 000 экз. Изд. № 462. Заказ 648.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

К 90-летию со дня рождения В. И. ЛЕНИНА

Здесь прошло детство В. И. Ленина.

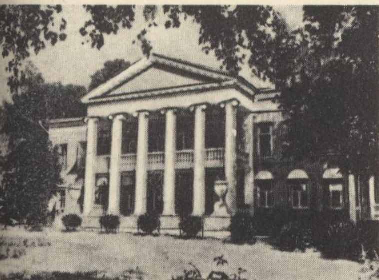
ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ ХУДОЖНИК» И ИЗОГИЗ ВЫПУСКАЮТ АЛЬБОМЫ И ОТКРЫТКИ:

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ ХУДОЖНИК»:

«В. И. ЛЕНИН». АЛЬБОМ. **Формат 23 × 30 см.**
В альбом включены лучшие произведения советских художников о великом основателе Коммунистической партии и Советского государства. В творчестве живописцев, скульпторов, графиков отражены важнейшие этапы революционной и государственной деятельности В. И. Ленина. В альбоме свыше 70 иллюстраций, в том числе 42 цветных.
Цена альбома 10 руб.

«В. И. ЛЕНИН». СЕРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОТКРЫТОК.
В эту серию входят репродукции картин, посвященных жизни и деятельности В. И. Ленина. Большинство картин серии рассказывает о встречах Ильича с рабочими, солдатами и крестьянами.
Серия состоит из 20 многокрасочных открыток.
Цена комплекта 5 руб.

«ПЛАМЕННЫЙ ТРИБУН РЕВОЛЮЦИИ». СЕРИЯ ИЗ 12 МНОГОКРАСОЧНЫХ РЕПРОДУКЦИЙ ДЛЯ ОФОРМЛЕНИЯ СТЕНГАЗЕТ. **Формат 23,5 × 17,5 см.**
В эту серию входят репродукции с картин известных советских художников П. Васильева, А. Герасимова, Д. Налбандяна, В. Серова и других. Картины рассказывают о деятельности В. И. Ленина в период Великой Октябрьской революции и первых лет Советской власти.
Цена серии 6 руб.

Горки Ленинские. Главное здание.

ОТКРЫТКИ ИЗОГИЗА:

КРАСОЧНАЯ ОТКРЫТКА С ПОРТРЕТОМ В. И. ЛЕНИНА. **Художник П. Васильев. Цена 20 коп.**

«ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН». ПОДБОРКА ТОНОВЫХ ОТКРЫТОК.
Комплект состоит из 30 документальных фотографий. Наряду с портретами в открытках даны фотографии В. И. Ленина с различными политическими деятелями, с рабочими, крестьянами и членами семьи.
Подборка открыток оформлена в папку работы художника А. Шитова. Цена комплекта 3 руб.

Дом-музей В. И. Ленина в селе Шушенском Красноярского края.

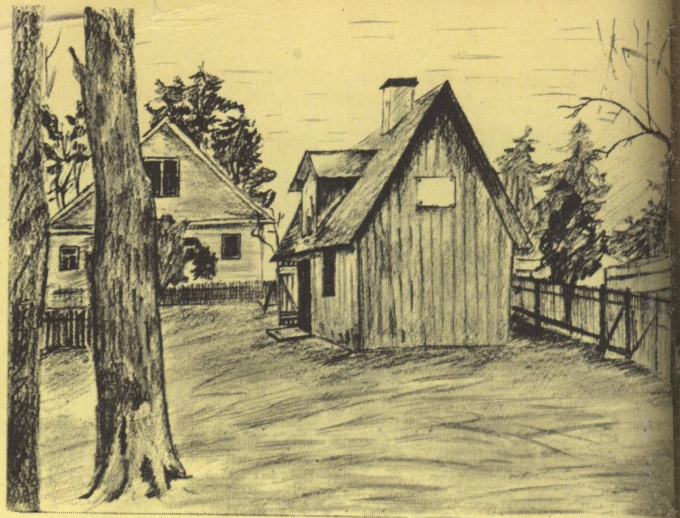
«В. И. ЛЕНИН». ПОДБОРКА ФОТООТКРЫТОК.
Комплект состоит из 10 документальных фотографий, показывающих В. И. Ленина в различные периоды его жизни и деятельности.
Комплект фотографий оформлен в мягкую обложку художником Ф. Киселевым. Цена комплекта 7 руб. 50 коп.

«ДОМ-МУЗЕЙ В. И. ЛЕНИНА В СЕЛЕ ШУШЕНСКОМ». ПОДБОРКА ЦВЕТНЫХ ОТКРЫТОК.
Подборка состоит из 8 цветных фотографий. Цена 1 руб. 60 коп.

Альбомы, открытки, плакаты, портреты и репродукции картин есть в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.

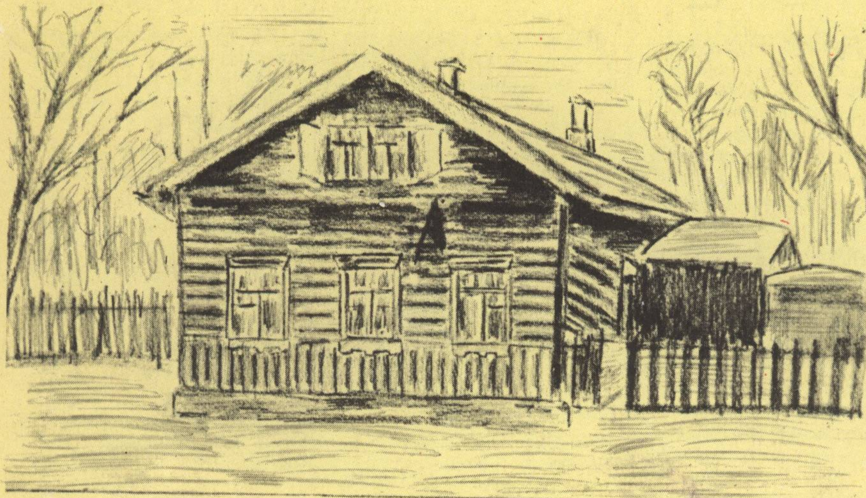
«СОЮЗКНИГА»

Цена 2 р. 50 к.

Сарай около станции Разлив, в котором В. И. Ленин скрывался после июльских событий в 1917 году.

Рисунок Тони НЕФЕДОВОЙ.

Домик в Пушкине (под Ленинградом). Здесь в апреле 1895 года в комнате студента Сильвина состоялось собрание группы членов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Председателем этого собрания был В. И. Ленин.

Рисунок Тани ХЛЫНОВОЙ.

Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске. Вид со двора. В этом доме прошли школьные годы Володи Ульянова.

Рисунок Вити КОНТОШКИНА.